РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПО ФИЛОСОФИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ЛОГИКЕ
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

№ 1 ВЫХОДИТ С АВГУСТА 1995 ГОДА 2021
(88)

НОВОСИБИРСК
2021

Всероссийский научный журнал «Философия науки»

Учредители: Сибирское отделение РАН,
Институт философии и права СО РАН

Издается с 1995 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Л. Симанов (главный редактор)
А.Ю. Сторожук (зам. главного редактора)
Е.А. Безлепкин (отв. секретарь)
д.филос.н. Д.В. Винник; д.филос.н., проф. В.П. Горан; д.филос.н., проф. В.С. Диев; акад. РАН Ю.Л. Ершов; д.филос.н., проф. В.Н. Карпович; д.филос.н., проф. В.Г. Кузнецов; к.филос.н. А.А. Лазаревич (Республика Беларусь); проф. Р. Муравски (Польша); д.физ-мат.н. О.Г. Пенязьков (Республика Беларусь); к.филос.н., к.физ-мат.н. В.С. Пронских; к.филос.н. А.Н. Спасков (Беларусь); д.филос.н., проф. В.А. Суровцев; д.б.н. О.В. Трапезов; проф. А.Е. Ховланд (Норвегия); д.филос.н., проф. В.В. Целищев; д.филос.н., д.физ.-мат.н. О.В. Шарыпов, акад. РАН В.К. Шумный

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77–12806 от 31.05.02
Выдано Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Адрес редакции:

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт философии и права СО РАН, к. 403

Тел.: (383)–330–52–35
E-mail: science@philosophy.nsc.ru, stor71@mail.ru
Web-сайты: philosophy.nsc.ru
http://www.sibran.ru
elibrary.ru

© Сибирское отделение РАН, 2021
© Институт философии и права
СО РАН, 2021

Общие вопросы истории и философии науки

УДК 1(091)
DOI: 10.15372/PS20210101

В.П. Горан

ОБЪЕКТИВНО-ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ФИЛОСОФИИ Р. ДЕКАРТА: МНОГОПЛАНОВОСТЬ ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНКРЕТИКИ МОНИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

В статье рассмотрена объективно-идеалистическая составляющая в философии Р. Декарта. Главное внимание уделено сочетанию философом многоплановости взаимокоррелирующих дуалистических ее компонентов с монистической в целом его позицией. Сделано это с концентрацией внимания на следующих главных отличительных ее особенностях. Это дуалистическая картина универсума как, с одной стороны, бестелесного бога и, с другой стороны, телесной природы; тоже дуалистическое представление о человеке как состоящем из бестелесной части души, каковой признан его разум, и тела; опять-таки дуалистическое признание иррациональности ряда христианских представлений о боге и наличия в них также и рациональных составляющих; включенность как перечисленных, так и иных дуалистических представлений Декарта в его монистическую в целом картину всего сущего, в которой богу отведена роль единственного творца всего остального.

Ключевые слова: Декарт; философия; объективный идеализм; онтология; теология; универсум; субстанция; бог; человек; дуализм; многоплановость дуалистической конкретики философии; монизм; природа; отрицание закономерности в природе; тело; душа; разум; гносеология

V.P. Goran

THE OBJECTIVE-IDEALISTIC COMPONENT IN THE PHILOSOPHY OF R. DECARTES: THE MULTIPLICITY ASPECTS OF THE DUALISTIC SPECIFITY OF THE MONISTIC DOCTRINE

The article considers the objective-idealistic component in the philosophy of R. Descartes. The main attention is paid to the combination of the multiplicity of its mutually correlating dualistic components with the philosopher's monistic position on the whole.
© Горан В.П., 2021

This is done with a focus on its following main distinctive features. It is a dualistic picture of the universe as an incorporeal God, on the one hand, and a corporeal nature, on the other hand. It is also a dualistic idea of the human as consisting of an incorporeal part of the soul, which is recognized as his mind, and the body. Again, it is the dualistic recognition of the irrationality of a number of Christian ideas about God and the presence of rational components in them as well. Besides, it is the inclusion of both the listed and other dualistic ideas of Descartes in his generally monistic picture of all things, in which God is assigned the role of the only creator of everything else.

Keywords: Descartes; philosophy; objective idealism; ontology; theology universe; substance; God; human; dualism; multiplicity of the dualistic specifity of philosophy; monism; nature; denial of regularity in nature; body; soul; mind; epistemology

Данная статья – вторая из запланированных мной публикаций, которые посвящаются имеющимся в позиции Декарта и к тому же весьма тщательно прорабатываемым им онтологическим и гносеологическим ее составляющим. В первой из этих статей, которая уже опубликована [1], основное внимание было уделено субъективно-идеалистической составляющей в философии Декарта и была затронута также и скептическая ее составляющая. Концентрируясь теперь на объективно-идеалистической составляющей, сразу же отмечу, что она не просто соседствует с еще одной, четвертой, диаметрально противоположной ей материалистической составляющей. Хотя впечатление, что имеет место ситуация всего лишь соседства объективно-идеалистической и материалистической составляющих, возникает прежде всего благодаря создаваемой философом картине структурной специфики как всего универсума*, так в том числе и человека как заслуживающего в этом плане особого внимания. И если руководствоваться единственно этим впечатлением, то получается, что указанная структурная специфика

* Здесь и далее я использую слово «универсум» при рассмотрении философии Декарта для обозначения всей полноты того, что он оценивает как реально существующее. Это у него бестелесные бог, ангелы и человеческие души, а также наряду с ними и все телесное мироздание, включая человеческие тела. А сам Декарт словом «универсум» обозначает только материальную составляющую того, что он признает реально существующим. Действительно, в письме переводчику своего трактата «Первоначала философии», которое сам он счел уместным использовать и как предисловие к этому трактату [2, с. 301], содержится следующий текст: «…Подлинной философией, первой частью которой является метафизика, где содержатся начала познания; среди них – объяснение главных атрибутов Бога, нематериальность нашей души, а равно и всех остальных ясных и простых понятий, какими мы обладаем. Вторая часть – физика; в ней после того как найдены истинные начала материальных вещей, рассматривается главным образом, как образован весь универсум…» [2, с. 309]. В этом же значении Декарт использует слово «универсум» и на следующей странице [2, с. 310].

есть наглядная демонстрация того, что Декарт весьма отчетливо декларирует отнюдь не монистическую, а напротив, дуалистическую трактовку структур обеих этих составляющих своей картины универсума.

Действительно, как мы это увидим далее, Декарт заявляет, что и универсум, и человек – это сочетания, с одной стороны, духовного, с другой – материального компонентов. Причем каждый из этих компонентов объявляется им имеющим статус субстанции. Универсум в его целостности – это бог, ангелы, люди и вся материальная природа. Человек – это его душа и тело. Как бог и ангелы, так и мыслящий компонент душ у людей – бестелесные субстанции, а природа, в том числе и тела людей и животных, наделенные способностью чувственного восприятия, – компоненты субстанции материальной.

Столь отчетливые проявления дуалистической позиции имеют место у Декарта не только в онтологии, но и в гносеологии. Причем ее проявления в названных аспектах его философии отчетливо соотносятся друг с другом как взаимокоррелирующие. В онтологии это дуализм, т.е. четкое различение и жесткое противопоставление друг другу бестелесных духовных существ и всего телесного. В гносеологии это столь же четкое различение и тоже жестко дуалистическое противопоставление сугубо рациональной познавательной способности бога, а также соответствующей, а именно рациональной, составляющей человеческой души и их активного использования ими, с одной стороны, и, с другой стороны, чувственной познавательной способности живых телесных созданий: человека и животных. Причем и бог, и рациональный компонент человеческой души провозглашаются обладающими соответствующими познавательными способностями, и единственно ими, будучи существами бестелесными, а человек как телесное существо и животные – обладающими познавательными способностями в виде чувственных восприятий потому именно, что они телесные существа.

Однако эти проявления дуализма у Декарта отнюдь не предстают демонстрацией того, что его дуализм в трактовке конкретно указанных сторон его позиции последовательный и, стало быть, радикальный. Есть резон, как мы увидим далее, признавать эту дуалистическую картину всего лишь одной из составляющих позиции Декарта, причем имеющей здесь место у него не просто наряду с противоположной ей монистической составляющей, а в качестве включенной в эту последнюю, которая тем самым является у него главенствующей, доминирующей. Так что наряду с упомянутыми выше четырьмя составляющими философии Декарта весьма пристального внимания заслуживают

еще две: монистическая и дуалистическая. Но и это еще не все. Ведь сам Декарт выделяет в своей позиции составляющие, которые я именую рациональной и иррациональной, так как эти их названия адекватно характеризуют и онтологическую, и гносеологическую специфику каждой из них. Рассмотрение их соотношения у Декарта планируется мной в качестве отдельного, самостоятельного анализа, но не в этой, а в будущей, еще одной, статье. А задача настоящей статьи – сделать предметом внимания саму многоплановость дуалистической конкретики все же в целом монистической его позиции.

К проявлениям этой многоплановости можно отнести также и то, что для обеспечения более или менее удовлетворительного раскрытия этой конкретики мне понадобилась не одна статья, посвященная объективно-идеалистической составляющей в философии Декарта, а три. В каждой из них внимание сосредоточено на особом, отдельном проявлении специфического аспекта этой составляющей. Если в настоящей статье, как только что отмечено, предмет внимания – сама многоплановость этой составляющей, то в следующей статье я предполагаю сосредоточиться на сочетании у Декарта при проведении объективно-идеалистической концепции приверженности иррационалистической позиции и также опоры на разум. А в третьей, тоже еще только планируемой мной статье речь пойдет о том, что апелляция Декарта к разуму в рамках объективно-идеалистической концепции содержит как представления, имеющие всего лишь видимость рациональных, так и подлинно рациональные диалектические прозрения. И все вместе эти проявления философской позиции Декарта наглядно демонстрируют ее многостороннюю целостность. При этом следует не упускать из виду то, что особо значимым в этой целостной позиции Декарта было признание статуса субстанций, во-первых, у бога, а также у рациональной составляющей души человека и, во-вторых, у телесной природы, включая телесную составляющую человека. И данная особенность позиции Декарта тоже оценивается мной как заслуживающая самого тщательного и, главное, критического осмысления. К нему я теперь непосредственно и приступаю.

Прежде всего отмечу, что поскольку Декарт считает материю и человеческий ум имеющими статус субстанций, то необходимо уяснить, что он имеет в виду, признавая за ними этот статус. Ведь и бога он тоже считает субстанцией. Так что желательно получить ответ на следующий вопрос: можно ли считать позицию Декарта радикально дуалистической на том основании, что он сам признает субстанциями

и бестелесные существа, и телесное мироздание? Сразу же зафиксирую, что нет, так представлять себе ситуацию не получается, что, стало быть, ответ на этот вопрос не может не быть отрицательным. И вот почему.

Материю и человеческий ум Декарт считает субстанциями, исходя из своеобразного понимания им в этих конкретных случаях того, что́ считать имеющим статус субстанции. А признает он субстанциями в названных двух случаях то, что в своем существовании и функционировании каждое одно из них не зависит от другого. И это соответствует следующему, самому общему, еще не конкретизированному применительно к различению субстанций разного типа, его пониманию содержания понятия «субстанция»: «Под *субстанцией* мы можем разуметь лишь ту вещь, коя существует, совершенно не нуждаясь для своего бытия в другой вещи» [2, с. 334]. А применительно уже к конкретной ситуации, имеющей место, когда речь у него идет о признании субстанциями материи и человеческого ума, Декарт имеет в виду этот их статус исключительно по отношению друг к другу.

Действительно, материю Декарт признает имеющей статус субстанции единственно по отношению к человеческому уму, так же как и человеческий ум признается им имеющим статус субстанции только лишь по отношению к материи. А вот по отношению к богу ни материя, ни человеческий ум не могут у него признаваться имеющими статус подлинных субстанций. Ведь философ отнюдь не считает их независимыми от бога в своем бытии. Напротив, он утверждает, что их существование находится в полной зависимости от бога. Привожу текстуальное подтверждение этого: «*Достоверно… что Бог все предопределил*» [2, с. 329]. И только бога Декарт признает единственно независимым в его бытии и функционировании ни от чего иного по отношению к нему. Так что во всем универсуме единственно бог признается Декартом имеющим статус подлинной субстанции, субстанцией в полном, можно и сказать – в абсолютном, смысле этого слова: «…Субстанцией, совершенно не нуждающейся ни в чем другом, может быть только одна, а именно Бог» [Там же]. А материальная природа, в том числе и тело человека, равно как и признаваемый Декартом сугубо духовным в смысле полной бестелесности человеческий ум, имеют у него статус субстанций всего лишь, так сказать, вторичных, субстанций в относительном смысле этого слова.

Вот текст Декарта, где он однозначно утверждает и это. Обосновывая положение, что для «*доказательства существования Бога до-*

вольно одной только продолжительности нашей жизни» [2, с. 322], он строит следующее рассуждение. «Ничто не может затемнить очевидность этого доказательства, если только мы примем во внимание природу времени, или продолжительность жизни вещей; ведь природа эта такова, что ее части не находятся между собой в отношении взаимной зависимости и никогда не существуют одновременно; притом же из того, что мы сейчас существуем, вовсе не следует, что мы будем существовать в следующий момент, если только какая-то причина, а именно та, что первоначально нас создала, не воспроизведет нас как бы заново, или, иначе говоря, если она нас не сохранит. Ведь мы хорошо понимаем, что в нас самих не заключена никакая сила, коя бы нас сохраняла; тот же, кто обладает силой сохранять нас – существа, отличные от него, тем более способен сохранять самого себя или, вернее, он не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было его сохранял, а значит, он – Бог» [2].

Здесь Декарт излагает очень существенную составляющую онтологической части своей философии. Состоит она в радикальном и, соответственно, решительном и безапелляционном непризнании, – а стало быть, отрицании закономерного характера всего происходящего в материальной природе, т.е., по сути дела, в фактическом непризнании законов этой природы самой по себе. Здесь он выражает эту составляющую своей онтологии весьма определенно, а именно следующим утверждением: «природа эта такова, что ее части не находятся между собой в отношении взаимной зависимости». И столь безапелляционный характер отрицания закономерности в природе обусловлен теологической составляющей мировоззренческой позиции Декарта. А именно, он обусловлен приверженностью представлению, согласно которому материальная природа существует не сама по себе, ибо она не только сотворена некогда богом, но и после этого не может существовать самостоятельно. Тем самым Декарт фактически утверждает, что материальная природа сохраняет свое существование после ее сотворения единственно в силу того, что ее творец непрерывно воспроизводит во времени ее сотворение. Причем немногим далее Декарт снова акцентирует внимание читателя на признании им того, что «Бог – единственная истинная причина всего, что есть и что может быть…» [2, с. 323]. Из этого и следует, что никакой собственной природной закономерности, по Декарту, не только нет, но и быть не может. А если и есть что бы то ни было подобное закономерности в природных событиях, то это результат того, что так воспроизводит их своим решением бог. И по-

скольку этого бога философ признает, как мы сейчас убедимся в этом, сугубо духовным, совершенно бестелесным существом, обладающим только разумом и волей, причем волей абсолютно свободной, то и данная особенность его воззрений тоже не допускала признания им закономерного характера происходящего в природе, ставя все в ней в зависимость от произвола этой свободной божественной воли.

Действительно, в трактате «Первоначала философии» читаем: «…Никоим образом не следует считать Бога чувствующим, но лишь разумеющим и волящим: и происходит это у него не так, как у нас – посредством неких раздельных действий, но Бог одновременно разумеет, волит и производит все в едином, постоянно одном и том же простейшем акте. Под "всем" я разумею все вещи…» [2, с. 323]. Также и в одном из писем К.М. Мерсенну Декарт столь же определенно утверждает: «…В Боге это одно и то же – волить, постигать и творить, причем ни один из этих актов не предшествует другому даже в плане разума» [3, с. 590]. Соответственно, не только в универсуме в целом бестелесный бог признается Декартом главенствующим и все определяющим по отношению ко всему остальному – как к телесной природе, так и к бестелесным его творениям. Наряду с этим также и в человеке рациональная составляющая души признается философом в той или иной степени повелевающей его телом и чувственной частью души. Но, по Декарту, и эта рациональная составляющая души человека тоже не является подлинной субстанцией, ибо и она есть творение бога и в своем функционировании целиком определяется божественной волей. И это обусловило наличие у Декарта неразрешимой для него проблемы согласования фактического признания им такой ситуации с его же, как мы увидим вскоре, тоже весьма безапелляционным заявлением, что воля человека свободна.

А здесь зафиксируем, что рассмотренная только что специфика дуалистической трактовки Декартом соответствующих составляющих универсума при всей ее многоплановости делает тем не менее правомерным характеризовать его онтологию в целом как объективно-идеалистическую, т.е. все же монистическую, а не дуалистическую в строгом значении этого последнего слова. Ведь Декарт признает извечность, не имеющее начала во времени существование бестелесного бога, сотворение им всего телесного мироздания, в том числе и человека как существа, не только наделенного смертным телом, но и имеющего бессмертную и, стало быть, отделимую от тела в момент смерти и тем самым избегающую смерти рациональную часть души. Соответ-

ственно, признает он и не имеющую пределов власть бога во всем этом мироздании. Но и этим признанием тем не менее не исчерпывается все многообразие аспектов позиции Декарта. Дело в том, что философ позволяет себе также утверждения, что во власти бога находится отнюдь не все в созданном им мироздании.

Действительно, Декарт не мог не видеть, что ошибаться, заблуждаться – не редкое событие в жизни человека. Это, согласно ему, отнюдь не подлежащий сомнению и тем более непризнанию реальный факт. Тем не менее Декарт решительно утверждает, что не бога следует признавать причиной этой ситуации. Вот соответствующий его текст: «Первейший из атрибутов Бога… его высочайшая правдивость: он – даритель всех светочей истины, так что полностью немыслимо, чтобы он вводил нас в заблуждение, т.е. был подлинной и позитивной причиной ошибок, которым, как мы чувствуем, мы подвержены. Ибо хотя, быть может, некоторые доводы нашего человеческого ума представляются и ошибочными, никогда воля к заблуждению не может проистекать из иного источника, кроме как из злокозненности или страха и слабости, а следовательно, она не может исходить от Бога» [2, с. 325].

Как видим, Декарт признает наличие ошибочных суждений нашего человеческого ума. Вместе с тем он утверждает здесь, что их причиной он не может считать бога. При этом исходит Декарт и из признания наряду с предопределенностью богом абсолютно всего существующего и происходящего в универсуме также и свободы, т.е. полной независимости от чего бы то ни было, человеческой воли. Вот и его собственные слова об этом: «Нам присуща свобода воли (libertas voluntatis), и мы по собственному нашему выбору можем со многим соглашаться либо не соглашаться…» [2, с. 329].

А вместе утверждения и о том, что не бог – источник человеческих заблуждений, и о свободе воли человека означают, что Декарт не признает бога единственной подлинной причиной всего происходящего в мироздании, стало быть, и не признает бога всемогущим. Тем самым философ фактически допускает существование наряду с богом и некого злокозненного, как он выражается, источника и ошибочных суждений человеческого ума, и того, что он квалифицирует как реальные злодеяния в мире. Так что характеристика трактовки Декартом соответствующих составляющих универсума как дуалистической тоже правомерна, поскольку имеет своим основанием также и эти его утверждения.

Столь же подлинно дуалистическим, и к тому же радикально дуалистическим, нельзя не признать и следующий компонент в целом объективно-идеалистической философии Декарта. Состоит он в том, что к сущностным особенностям воззрений Декарта о боге принадлежит и то, что философ декларировал наличие еще одной пары взаимоисключающих составляющих содержательной специфики этих его воззрений. Это то, что выше я охарактеризовал как рационалистическую и иррационалистическую их составляющие. Но детальное их рассмотрение – тема уже отдельной статьи.

Итак, в решении ключевых вопросов своей онтологии Декарт, несмотря на наличие в ней дуалистического компонента, все же в итоге занимает монистическую позицию. Действительно, он признает бога единственной полноценной субстанцией, а все остальное в выстраиваемой им весьма многоплановой, но преимущественно дуалистической конкретизации картины универсума – исключительно продуктом творческой активности бога, соответственно, онтологически вторичным, несамостоятельным вследствие своей производности, зависимости самого своего существования от этой активности бога.

Литература

1. *Горан В.П.* Субъективно-идеалистическая составляющая в философии Р. Декарта // Философия науки. – 2020. – № 1 (84). – С. 3–18.

2. *Декарт Р.* Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 297–422.

3. *Декарт Р.* К.М. Мерсенну [Амстердам, 27 мая 1630 г.] // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 590–591.

References

1. *Goran, V.P.* (2020). Subyektivno-idealisticheskaya sostavlyayushchaya v filosofii R. Dekarta [The subjective-idealistic component in the philosophy of R. Descartes]. Filosofiya nauki [Philosophy of Science], 1 (84), 3–18.

2. *Descartes, R.* (1989). Pervonachala filosofii [Principia Philosophiae]. In: Descartes, R. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vol.], Vol. 1, 297–422. Moscow, Mysl Publ. (In Russ.).

3. *Descartes, R.* (1989). K.M. Mersennu [To Reverence K.M. Mersenne, Amsterdamus, 27.V.1630]. In: Descartes, R. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vol.], Vol. 1, 590–591. Moscow, Mysl Publ. (In Russ.).

Информация об авторе

Горан Василий Павлович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
goran@philosophy.nsc.ru.

Information about the author

Goran, Vasiliy Pavlovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).
goran@philosophy.nsc.ru.

Дата поступления 24.02.2021

УДК: 164.2
DOI: 10.15372/PS20210102

К.Г. Фролов

МЕЙНОНГИАНСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ЗАТРУДНЕНИЯ[1]

Основной тезис статьи состоит в том, что представление о трактовке понятия существования, предложенной А. Мейнонгом, как об эксцентричной и заведомо неправдоподобной концепции, предполагающей абсурдные следствия, является неоправданным. Показано, что, будучи корректно истолкованным, данный подход не только не вступает в противоречие с какими-либо нашими типичными и естественными интуициями, но соответствует им более, чем любая иная теория аналогичного рода. Ключевой тезис мейнонгианства при этом сводится к тому, что наличие предметного содержания в тех или иных размышлениях и представлениях не обязательно обусловлено существованием соответствующего предмета в физическом мире. Мыслить можно и о несуществующем, и такое мышление не будет бессодержательным. В то же время этот тезис вовсе не нацелен на то, чтобы доказать существование чего-либо несуществующего, он лишь констатирует определенный факт, который хотя и нуждается в дальнейших пояснениях, но точно не может быть подвергнут отрицанию.

Ключевые слова: существование; предмет; парадокс несуществующих объектов; Б. Рассел; А. Мейнонг

K.G. Frolov

MEINONGIAN ANALYSIS OF THE CONCEPT OF EXISTENCE: PROBLEMS AND DIFFICULTIES

The main thesis of the article is that the idea of A. Meinong's interpretation of the concept of existence as an eccentric and deliberately implausible concept that implies absurd consequences is unjustified. The author shows that, being correctly presented, this approach not only does not contradict our typical and natural intuitions, but corresponds to them more than any other theory of a similar kind. In this, the key thesis of Meinongianism is that the subject matter of certain thoughts and ideas is not necessarily caused by the existence of the corresponding subject in the physical world. One can think about something that does not exist and such thinking will not be empty. At the same time, this thesis is not

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»).
© Фролов К.Г., 2021

aimed at proving the “existence of something non-existent”, but just states a certain fact, which, although it needs further clarification, surely cannot be denied.

Keywords: existence; object; paradox of non-existent objects; B. Russell; A. Meinong

Данное исследование представляет собой вторую часть проекта реконструкции полемики между Б. Расселом и А. Мейнонгом по поводу логической формы единичных экзистенциальных суждений, начатого в предыдущей нашей работе [8] с целью критического осмысления аргументов, предложенных обеими сторонами, а также их оценки в свете текущего состояния философского знания.

Основное содержание, достоинства и недостатки теории дескрипций Б. Рассела, а также его концепции, согласно которой «имена естественного языка на самом деле являются скрытыми дескрипциями» [3, с. 113], были нами проанализированы в предыдущей работе [8]. Теперь же предметом нашего внимания будет мейнонгианский подход к трактовке понятия существования – его особенности, достоинства и недостатки.

Приступая к рассмотрению дискуссии между Расселом и Мейнонгом по поводу трактовки понятия существования, начать следует с главного: Рассел и Мейнонг не расходились во мнениях относительно того, что существует, а что не существует. Нет ни одного примера объекта, в отношении которого можно было бы утверждать, что Мейнонг полагал его существующим, а Рассел – несуществующим.

Однако если в расселианском анализе ищутся окольные, обходные пути экспликации неявной логической формы единичных экзистенциальных высказываний с целью избежать парадокса несуществующих индивидов, то в мейнонгианском анализе предпочтение отдается действию напрямую, что позволяет опираться на ряд вполне естественных интуиций. В этом и состоит основное методологическое различие между ними.

Для мейнонгианского подхода отправной точкой в данном случае оказывается сам язык: такие выражения, как «Некоторых вещей в мире не существует», воспринимаются на уровне повседневного, профессионально не деформированного восприятия не просто в качестве истинных, но в качестве *тривиально* истинных. Не существует единорогов, кентавров, вечных двигателей, волшебных палочек и множества других предметов. Что важно, не существует *разных* предметов, и то обстоятельство, что все они не существуют, нисколько не мешает нам различать их в своем познании [9, p. 13]. В своих

рассуждениях, нацеленных на обоснование невозможности существования вечного двигателя второго рода, мы никогда не спутаем предмет обсуждения с единорогом или с самым большим простым числом.

Тем самым, помимо интуиции различения несуществующих объектов, мы располагаем также интуицией возможности их исследования. В частности, поиска объяснений их несуществования. В ряде случаев найти рациональные объяснения таким фактам оказывается вполне возможно. Это говорит нам о том, что сфера познания не ограничена и не должна быть ограничена существующим. Познавать несуществующее порой не менее полезно, чем существующее. Так, политикам и военным полезно моделировать сценарии и последствия ядерной войны даже в том случае, если такой войны никогда не будет. Шахматистам полезно анализировать разнообразные ходы, большинство из которых в разыгрываемой ими партии все равно не будут сделаны. Выпускнику школы полезно представить себе те или иные версии своего будущего, даже если крайне маловероятно, что хотя бы одна из них будет впоследствии в точности реализована.

Умение анализировать альтернативы, т.е. то, чего в мире в настоящий момент не существует и, возможно, никогда не будет существовать, – чрезвычайно полезный когнитивный навык. Человек такой способностью обладает. Таков эмпирический факт. Именно из этой данности, согласно мейнонгианскому анализу, и следует исходить, не деформируя сути происходящих явлений, но лишь пытаясь подобрать для этих имеющихся фактов соответствующий теоретический каркас описания.

Эту задачу и призвана решить теория предмета А. Мейнонга. Он пишет: «Если вспомнить о том, как метафизика с давних пор стремилась включить в область своих интересов далекое и близкое, малое и великое, то можно с удивлением отметить, что метафизика не может взять на себя только что сформулированную задачу. Она, несмотря на все свои достижения, не может стать наукой о предмете, так как ее исследованиям не хватает той универсальности, к которой она так отчаянно стремилась и которая таким образом стала для нее роковой. Метафизика, несомненно, должна иметь дело с совокупностью всего того, что существует. Однако совокупность всего того, что существует, включая также и все то, что существовало и будет существовать, все же бесконечно мала по сравнению с совокупностью предметов познания» [4, с. 205].

Отсюда следует простое и элегантное решение парадокса несуществующих объектов: эта парадоксальность представляет собой лишь кажущееся противоречие, в действительности же никакого противоречия здесь нет. Чтобы это понять, достаточно вспомнить классическую формулировку Аристотелем закона непротиворечия: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же *в одном и том же отношении*» [1, с. 125].

Соответственно, мейнонгианство делает ставку на экспликацию двух разных смыслов, разных прочтений для термина «быть». Речь идет о так называемых экзистенциально нагруженном и экзистенциально не нагруженном прочтениях. Однако в таком случае понятия «быть» и «существовать» оказываются строго различными по своему смыслу, поскольку у понятия «существовать», разумеется, никакого экзистенциально не нагруженного прочтения нет.

При этом между понятиями бытия и существования по Мейнонгу, имеются некоторые вполне строгие связи: если нечто существует, то оно есть; если же чего-то нет, то оно не существует. В то же время если нечто есть, это еще не значит, что оно существует, и если чего-то не существует, то это еще не значит, что его нет.

Вообще говоря, самая суть мейнонгианства сводится к отказу от принципа Аристотеля: чтобы быть носителем тех или иных свойств, вовсе не обязательно существовать. Достаточно быть. Причем, как было сказано выше, у термина «быть» имеются как экзистенциально нагруженное прочтение (в тех пределах, в каких «быть» и «существовать» совпадают), так и экзистенциально не нагруженное (в тех пределах, в каких «быть» и «существовать» различаются по своему объему).

В свете этих конструкций суждение «Имеются объекты, в отношении которых истинно, что их нет» получает свое истинное и непротиворечивое прочтение, в рамках которого термин «имеются» прочитывается экзистенциально не нагруженным образом (т.е. не влечет, что указанные объекты существуют), тогда как термин «нет», выражающий понятие небытия, прочитывается экзистенциально нагруженным образом (т.е. влечет, что указанные объекты не существуют).

В более современной версии Т. Парсонса [15, p. 157] та же идея выражена в виде формулы

$$\exists x(\neg E!x),$$

где квантору существования приписывается экзистенциально не нагруженное прочтение, тогда как экзистенциально нагруженному прочтению соответствует предикат существования *E*! Таким образом, противоречия удается избежать.

Примечательно, что мейнонгианский анализ на первый взгляд кажется дружественным платонизму, поскольку он наделяет числа и прочие математические сущности статусом «бытийствующих», имеющихся в наличии объектов. Так, К. Файн пишет в адрес одного из наиболее видных мейнонгианцев, Т. Парсонса, что его теории можно «выдвинуть обвинение по следующим статьям: платонизм, интернализм и буквализм» [10, p. 140]. Однако такой взгляд на мейнонгианство неверен. В самом деле, ведь математические объекты, с точки зрения Мейнонга, попросту не существуют[2]. А это, мягко говоря, не совсем тот тезис, который отстаивает платонизм.

Еще более примечательно, что, как указывалось нами ранее [8], платонизм куда легче примирить не с мейнонгианским, а с расселианским анализом, в рамках которого место несуществующих индивидов занимают существующие, хотя и не реализованные свойства, которые при этом вполне можно трактовать в качестве существующих абстрактных сущностей.

***

Как и в случае с расселианским анализом понятия существования, основная проблема с мейнонгианским анализом заключается в той цене, которую нам придется заплатить за разрешение парадокса несуществующих объектов. Ценой этой на сей раз выступает отказ от единого и неделимого понятия существования.

Впрочем, строго говоря, это не совсем верно (См.: [7]). Понятие существования в мейнонгианстве остается на своем месте, с ним не происходит никаких трансформаций. Однако оно дополняется еще одной, более широкой категорией наличествующего, имеющего место. Это расширение не приводит ни к размыванию, ни к неоправданному разрастанию списка всего существующего. Мейнонг и Рассел не расходились в своих представлениях о том, что́ существует. Они расходились во мнениях о том, имеется ли в мире *что-либо еще* помимо суще-

[2] Мейнонг пишет: «То бытие, которым должна заниматься математика как таковая, абсолютно не является существованием (Existenz); в этом отношении математика никогда не выходит за пределы наличия (Bestand)» [4, с. 206].

ствующих сущностей. Мейнонг отвечал на этот вопрос утвердительно, Рассел – отрицательно.

Важно понять всю фундаментальность этого расхождения. Оно носит именно концептуальный характер. Дело не в том, что Мейнонгу или Расселу были неизвестны какие-либо факты актуального мира. Дело в том, что этим фактам можно приписывать различную логическую форму и в зависимости от этого получать те или иные онтологические следствия. Выбор, какие из этих следствий принимать, а какие – не принимать, остается за философом. Конечно, мы предполагаем, что каждый философ осуществляет подобный выбор на рациональной основе. Однако сами критерии рациональности в данном случае оказываются неясны и проблематичны.

Хорошо известно, что в отношении многих метафизических теорий справедлива прямая пропорциональная зависимость между их объяснительными возможностями и соответствующими онтологическими допущениями: чем больше сущностей теория постулирует, тем больше фактов она может объяснить, и наоборот. Это верно не всегда, и, конечно, наша задача – осуществить своего рода оптимизацию, т.е. найти такое решение, которое позволяло бы объяснять как можно большее число фактов посредством как можно меньшего числа допущений.

Соответственно, если мы имеем дело с двумя метафизическими теориями, обладающими одинаковой объяснительной силой, но разными по масштабу онтологическими допущениями, то мы, следуя заветам У. Оккама, склонны отдавать предпочтение более экономной теории. И наоборот, если две метафизические теории имеют одинаковые онтологические допущения, но обладают при этом разной объяснительной силой, то мы, разумеется, предпочитаем более мощную теорию[3]. Но что делать, если более мощная теория требует от нас бóльших онтологических допущений по сравнению с менее мощной, в общем случае остается неясно.

В данном случае мейнонгианство предполагает несомненно больший объем онтологических обязательств, чем расселианский ана-

[3] Ситуация, однако, становится сложнее в том случае, если две разные метафизические теории с одинаковыми онтологическими допущениями обладают разными объяснительными преимуществами: одна лучше справляется с одним классом явлений, тогда как вторая – с другим. И наоборот, если теории с примерно одинаковой объяснительной силой обладают разными, но сопоставимыми по масштабу онтологическими допущениями: одна полагает существующими один класс сущностей, тогда как вторая – совсем другой. Никакого общего решения эти оптимизационные метафизические задачи не имеют.

лиз. Это обстоятельство тем более примечательно, что, как упоминалось выше, Рассел и Мейнонг не расходились между собой по поводу того, чтó существует. Поэтому их расхождение касается не непосредственно самого понятия существования, а скорее, понятия онтологии: для Рассела онтология – это перечень всего существующего, тогда как для Мейнонга – перечень всего наличествующего, имеющего место. Соответственно, в упрек Мейнонгу можно поставить не то, что его анализ размывает границы существующего (этого как раз не происходит), а то, что его анализ размывает границы онтологии актуального мира. В онтологию актуального мира (но не в класс существующих объектов!) в результате попадают сущности, которые расселианцы явно не хотели бы туда записывать. Здесь обнаруживает себя первый аспект противостояния расселианства и мейнонгианства.

Второй аспект состоит в том, что расселианцы попросту не принимают того, что онтология актуального мира не исчерпывается списком всего существующего. Следует четко осознать различие между первым и вторым указанными аспектами: если первый аспект касается того, какие сущности следует или не следует включать в онтологию актуального мира, то второй аспект касается вовсе не статуса сущностей различных типов, но того, что представляет собой онтология как таковая.

Соответственно, для расселианца неприемлемо такое положение дел, когда нечто имеется в мире, но при этом не существует. Расселианец попросту отказывается понимать, что это значит. Сам Рассел по этому поводу пишет: «Я должен признаться, что не вижу никакой разницы между “наличествовать” и “существовать”. И кроме этого мне больше нечего сказать по этому вопросу» [18, p. 439]. Для него любая сущность, в отношении которой можно сказать, что она имеется в мире, существует. Объясняется это тем обстоятельством, что расселианский анализ, вообще говоря, вовсе не физикалистский, в его рамках вполне могут признаваться существующими сущности, отличные от столов и стульев как парадигмальных примеров физических объектов[4]. Но что расселианство точно не готово признать, так это наличия в мире некой онтологической области, состоящей из несуществующих объектов. Подобная идея, с точки зрения расселианца, воспринимается как результат утраты чувства реальности и впадение если не в мистицизм, то в нечто, к нему приравниваемое.

[4] В данном случае уместно вспомнить, что Б. Рассел является, в частности, автором концепции сенсибилий как одной из версий теории чувственных данных [17].

Следующим недостатком мейнонгианства, непосредственно вытекающим из предыдущего, является то обстоятельство, что у нас нет никакой гарантии того, что проделав однажды шаг дополнения понятия существования некой более широкой категорией бытия (наличествования), мейнонгианец на этом остановится. И в самом деле, такое опасение вовсе не безосновательно. Следующим подобным шагом со стороны самого Мейнонга стало привнесение в его теорию понятий так-бытия и вне-бытия.

Продиктован этот шаг следующими соображениями. Дело в том, что людям порой свойственно иметь представления и убеждения, которые в действительности являются противоречивыми, а потому невозможными. Однако «невозможными» не в смысле того, что такие представления и убеждения не могут иметь места, а в том смысле, что содержание таких представлений и убеждений не может быть реализовано ни в каком возможном мире.

Примеры такого рода могут быть разнообразными. К их числу можно отнести «невозможные фигуры» и «невозможные изображения», с особым мастерством выполненные Эшером, или, например, заблуждения людей по поводу математических истин. Так, некто может иметь пусть и смутное, но представление о самом большом простом числе, или представить себе круг и квадрат, равные по площади, или же полагать, что число 51 – простое.

Подобного рода представимость ни в коей мере не свидетельствует в пользу возможности представляемого [2; 11]. Вместе с тем такие представления небеспредметны. В этом контексте для Мейнонга как представителя школы Брентано центральным является понятие интенциональности, направленности всех ментальных актов на тот или иной предмет. Соответственно, для Мейнонга самоочевидно, что всякий раз, когда имеется представление, имеется также и некий предмет представления.

Как следствие, невозможные предметы представления оказываются для Мейнонга проблематичными. Возникает потребность отразить в теории разницу между такими предметами представления, как идеальный круг и, например, идеальный круг, равный по площади некоторому квадрату. Оба они не существуют. Однако, по мысли Мейнонга, первый из них *имеется в наличии*, тогда как второй – нет.

Объясняется это тем обстоятельством, что все предметы мысли сами по себе внебытийственны, наличие, существование или отсутствие того или иного предмета обнаруживает себя лишь на уровне суж-

дения, корректно выражающего определенное положение дел («объектив» в терминах самого Мейнонга). Соответственно, идеальным кругам как предметам мысли соответствуют некие положения дел с их участием, которые могут быть выражены суждениями, истинными в актуальном мире. А потому такие идеальные круги имеются (хотя и не существуют) в актуальном мире. В случае же идеального круга, равного по площади некоторому квадрату, напротив, такому предмету мысли не соответствуют никакие положения дел с его участием, которые могли бы быть выражены суждениями, истинными в актуальном мире. А потому идеальных кругов, равных по площади каким-либо квадратам, в актуальном мире не только не существует, но и не имеется.

И тем не менее такой идеальный круг, равный по площади некоторому квадрату, с точки зрения Мейнонга, может быть предметом небеспредметного представления. Соответственно, этот круг обладает так называемым так-бытием, причем если в случае понятий бытия и существования можно было предъявить строгие связи между ними, то между понятиями бытия и так-бытия не только нет никакой связи, но, наоборот, имеется абсолютная независимость: «То, что никоим образом не является внешним по отношению к предмету, но составляет его собственную сущность, наличествует в его так-бытии, которое присуще предмету вне зависимости от того, обладает он бытием или нет» [4, с. 212].

Тем самым понятие вне-бытия (Außersein), т.е. вместилища всех возможных предметов мысли, обладающих так-бытием, независимо от того, наличествуют ли они в актуальном мире, существуют ли в нем или же не существуют и не наличествуют, оказывается дальнейшим шагом на пути дополнения понятия существования иными категориями более широкого охвата. Впрочем, строго говоря, на данном этапе речь уже идет не о расширении онтологии, а о построении того, что может быть названо экстраонтологией [12; 13], внешней, по отношению к онтологии актуального мира.

Вполне очевидно, что идеи А. Мейнонга по своей смелости на многие десятилетия обогнали свое время. Сегодня же, когда аналитическая метафизика знает такие теории, как модальный реализм Д. Льюиса [14] или концепция невозможных возможных миров его ученика Т. Ягисавы [19], построения Мейнонга уже не выглядят неприемлемо эксцентричными. В этом отношении последовательный выход мейнонгианских построений не только за пределы существующего, но и за пределы онтологии актуального мира может быть признан довольно слабым доводом против мейнонгианства.

Третьим доводом со стороны расселианцев в адрес мейнонгианства является упрек в так называемом психологизме и недооценка мейнонгианством важности проработки проблематики логической формы высказываний о существовании. Рассел пишет: «Сначала мы думаем о золотой горе, затем воспринимаем то, что мы о ней думаем. Далее мы заключаем, что имеется представление о ней, и наконец делаем вывод о том, что золотая гора наличествует или имеет бытие» [16, p. 36].

Действительно, одной из ключевых задач мейнонгианского анализа является прояснение взаимоотношений между так называемыми предметами представлений и объектами физического мира. Однако из-за сложности рассматриваемых проблем представляется целесообразным предварительно обсудить ряд мысленных экспериментов, выполняющих роль аналогии. В рамках этих мысленных экспериментов мы временно заменим метафизически проблематичные представления (природа и онтологический статус которых нам не до конца ясны) на обычные картины, нарисованные художником.

Разумеется, такая аналогия не является полной. Так, главное различие между картиной и представлением состоит в том, что всякая картина определенно и несомненно существует в качестве физического объекта, локализованного в физическом пространстве. Представление же, по-видимому, не является физическим объектом, локализованным в пространстве.

Тем не менее и в случае с представлениями, и в случае с картинами мы сталкиваемся с некоторыми общими семантическими затруднениями, которые и хотелось бы продемонстрировать в данном случае. К их числу относятся вопросы следующего характера:

1) является ли нарисованная лошадь лошадью?
2) имеется ли у нарисованной лошади шерсть?
3) можно ли нарисовать существующую лошадь?
4) может ли нарисованная лошадь быть той же самой лошадью, что и существующая?

Поначалу кажется, что первые два вопроса имеют отчетливо софистический характер, поскольку вся их парадоксальность и проблематичность целиком строятся на эквивокации, т.е. на отождествлении нетождественного, ведь по здравом размышлении ясно, что понятие лошади и понятие нарисованной лошади – это попросту два разных понятия с непересекающимися объемами. В этом смысле нарисованная лошадь, конечно, лошадью не является и шерсти не имеет. Нарисован-

ная лошадь обладает лишь *нарисованной шерстью*, однако «шерсть» и «нарисованная шерсть» также представляют собой два различных непересекающихся понятия.

Однако вступив на такой путь здравомыслия, мы сталкиваемся затем с неожиданными последствиями и затруднениями. Так, третий вопрос представляет собой нечто вроде сократической ловушки: трудно на него ответить как-либо иначе, чем утвердительно. Но в таком случае придется ответить утвердительно и на четвертый вопрос. А это значит, что нечто может принадлежать и к объему понятия «лошадь», и к объему понятия «нарисованная лошадь», и это говорит о том, что объемы этих понятий пересекаются, что, в свою очередь, подрывает нашу аргументацию в пользу софистического характера первых двух вопросов. В самом деле, в них обнаруживается рациональное зерно в форме классического вопроса о природе универсалий: имеется ли нечто такое (некая «лошадность»), чем обладают и живые, и нарисованные лошади?

Отрицательный ответ в духе номинализма предполагает в конечном итоге, что всякая нарисованная лошадь может быть лишь *сходна* с существующей лошадью, но не идентична ей.

Однако ситуация для номиналиста становится значительно более проблематичной, когда мы сталкиваемся со следующим претендующим на истинность суждением:

5) художник может нарисовать несуществующую лошадь.

Будучи последовательным, номиналист должен признать, что нарисовать всякий раз можно лишь нечто похожее на лошадь. Однако в данном случае номиналисту пришлось бы утверждать, что художник способен нарисовать нечто похожее на несуществующую лошадь. Похожую на что?

Здесь имеются две опции, для номиналиста обе по-своему проблематичные. Первая опция состоит в том, что художник стремится нарисовать неспецифическую лошадь (т.е. ему все равно, на какую именно лошадь будет похож его рисунок). Эта опция для номиналиста проблематична тем, что не вполне ясно, что значит «быть похожим на неспецифическую лошадь» и как художник мог бы такого изображения добиться, не выбрав себе предварительно никакого ориентира и цели. Вторая опция состоит в том, что художник может стремиться нарисовать вполне специфическую несуществующую лошадь, ту самую, которую он хочет изобразить на своей картине и нарисовать которую у него может либо получиться, либо не получиться в конечном итоге.

Эта опция для номиналиста также проблематична в силу неопределенного онтологического статуса того специфического объекта, который был избран художником в качестве желаемого результата.

Рассмотренные выше мысленные эксперименты носили характер предварительной аналогии. После того как мы проделали эту работу, значительно легче прояснить суть тех проблем при анализе содержания представлений, с которыми сталкивается мейнонгианский анализ, а также изложить решения, предлагаемые в рамках этого подхода.

С этой целью рассмотрим следующий ряд вопросов:

6) является ли воображаемая лошадь лошадью?
7) может ли у воображаемой лошади быть шерсть?
8) можно ли вообразить существующую лошадь?
9) можно ли вообразить заведомо несуществующую лошадь?

Первые два вопроса позволяют в наглядной форме продемонстрировать самую суть некоторых важных расхождений между мейнонгианским и расселианским подходами.

Так, как указывает В.В. Селиверстов, с точки зрения Рассела, мы не имеем оснований «приписывать несуществующим предметам реальные свойства. Несуществующие предметы принципиально не подходят для приписывания реальных свойств» [5, с. 301]. В таком случае у воображаемой лошади не может быть шерсти, но лишь воображаемая шерсть, не являющаяся, вообще говоря, шерстью. Кроме того, воображаемая лошадь не является лошадью, поскольку воображаемая лошадь вообще не существует, а то, что не существует, не может быть чем-либо, в том числе и лошадью, поскольку то, что не существует, не может быть носителем каких-либо реальных свойств.

При этом с точки зрения Мейнонга, воображаемая лошадь, разумеется, является лошадью. Ведь «быть лошадью» – ее определяющее свойство, отличающее ее, например, от слона или любого иного воображаемого предмета. Соответственно, как и у всех лошадей, у воображаемой лошади в нормальном случае также имеется шерсть. При этом мейнонгианство, разумеется, не утверждает, что шерсть воображаемой лошади существует, а с полным правом утверждает как раз обратное: имеющаяся у воображаемой лошади шерсть не существует.

В этом отношении расселианский анализ и анализ мейнонгианский представляют собой равноправные альтернативы, ни одна из которых не сталкивается с непреодолимыми противоречиями.

Однако некоторые трудности подстерегают мейнонгианский анализ при переходе к следующей паре вопросов. В самом деле, кажется интуитивно ясным и приемлемым утверждение о том, что художник может нарисовать как существующую лошадь (ту самую, которая живет в его деревне), так и несуществующую. По аналогии с этим можно утверждать, что тот же художник перед тем, как нарисовать обеих этих лошадей, предварительно их вообразил. Тем самым он вообразил двух лошадей: существующую и несуществующую. Соответственно, вообразить существующую лошадь вполне возможно. Однако, как признает мейнонгианство, воображаемые лошади лишь имеют место (наличествуют), но не существуют. Но тогда в данном случае мы имеем дело с несуществующей воображаемой существующей лошадью, т.е. лошадью, в отношении которой воображается, что она существует (в противоположность другой лошади, например мультипликационной, в отношении которой не воображается, что она существует).

Будучи приложенным к классическому для данной темы образу золотой горы, этот парадокс носит название «парадокса золотой горы». И здесь стоит заметить, что он по многим параметрам отличается от рассмотренного нами ранее парадокса несуществующих объектов.

Первым и наиболее очевидным отличием является то обстоятельство, что в случае с парадоксом несуществующих объектов речь шла именно о заведомо несуществующих объектах, таких как Шерлок Холмс, тогда как в данном случае предметом рассмотрения является воображаемый существующий объект.

Как следствие, вторым отличием является то обстоятельство, что для анализа парадокса несуществующих объектов мейнонгианство располагает возможностью обратиться экзистенциально не нагруженному понятию наличия и выразить желаемое непротиворечивым образом: имеются такие объекты, как, например, Шерлок Холмс, которые не существуют. Здесь ни термин «имеются», ни термин «не существуют» не предполагает, что что-либо из упомянутого существует. Однако трудно воспользоваться тем же ходом мысли применительно к несуществующей воображаемой существующей лошади. В данном случае та же стратегия пригодна только в отношении первого термина – «несуществующая». В самом деле, такая воображаемая лошадь хотя и не существует, но тем не менее наличествует. Однако со вторым экзистенциальным термином в этой дескрипции – «существующая» поделать ничего нельзя, и он тем самым вступает в явное противоречие с первой экзистенциальной характеристикой.

Без развитой интенсиональной семантики, которой Мейнонг, разумеется, не располагал, устранить это противоречие удовлетворительным образом едва ли возможно. Однако в современных терминах разрешить эту проблемную ситуацию оказывается не так сложно. Например, если воспользоваться аппаратом теории двойников Льюиса, то рыжеволосый двойник Ларса фон Триера в другом возможном мире как раз и будет таким *несуществующим воображаемым существующим индивидом*. Несуществующим он будет с точки зрения нашего актуального мира (поскольку в теории Льюиса каждый индивид может существовать только в одном возможном мире), а существующим – в том возможном мире, к которому он принадлежит. Соответственно, в рамках теории Льюиса в гиперуниверсуме найдется такой индивид, который будет удовлетворять указанной дескрипции без всяких противоречий.

Следующая серьезная проблема для мейнонгианского анализа касается так называемых неполных объектов. Дело в том, что исходный посыл мейнонгианства, согласно которому для всякого интенционального состояния найдется некий предмет, на который оно направлено, допускает, что этот предмет может быть не полностью определен. Классический пример в данном случае – образ Шерлока Холмса, в отношении которого не определено, имеется ли у него хотя бы одна родинка на левом плече или же на левом плече у него нет ни одной родинки. Тем самым если такого рода объекты имеют место, то они, по-видимому, нарушают закон исключенного третьего.

Это серьезный довод. Однако может ли он быть решающим, неясно. Вообще говоря, неясно, обязаны ли все имеющиеся объекты удовлетворять закону исключенного третьего. Иными словами, должны ли все объекты быть полными или же нет? Мейнонгианство в данном случае располагает конкретным доводом в пользу своего отрицательного ответа: не все объекты должны быть полными хотя бы потому, что неполные объекты вполне могут быть предметом человеческих размышлений и истинных суждений. Примером такого рода могут послужить геометрические фигуры, не имеющие никакого определенного цвета.

В свою очередь, оппоненты мейнонгианства не располагают никакими иными доводами помимо постулата о том, что неполные объекты, не удовлетворяющие закону исключенного третьего, попросту не могут существовать. Однако, во-первых, данный тезис может быть конструктивно оспорен (что и делают, например, платонисты), а во-вторых, мейнонгианство и не утверждает, что таковые объекты существуют. С точки зрения мейнонгианства, неполные объекты лишь *имеются в наличии*.

В результате дискуссия вновь упирается в нашу готовность или неготовность признавать наличие несуществующих объектов и тем самым различать наличие и существование. Следовательно, довод от закона исключенного третьего не является независимым.

Подводя некоторые итоги, следует признать, что представление о мейнонгианском подходе как об эксцентричной и заведомо неправдоподобной концепции, предполагающей абсурдные следствия, является неоправданным. Будучи корректно истолкован, данный подход не только не вступает в противоречие с какими-либо нашими типичными и естественными интуициями, но соответствует им более, чем любая иная теория аналогичного рода. В самом деле, мейнонгианство никоим образом не предполагает существование золотой горы или Шерлока Холмса, но лишь констатирует то обстоятельство, что наши представления о золотой горе или о Шерлоке Холмсе не являются *беспредметными*. При этом сказать, что мы, представляя себе, например, идеальную сферу, в действительности ничего не представляем на том лишь основании, что идеальных сфер не существует в физическом мире, было бы совершенно неоправданным.

Тем самым ключевой тезис мейнонгианства сводится к тому, что наличие предметного содержания в тех или иных размышлениях и представлениях не обязательно обусловлено существованием соответствующего предмета в физическом мире. Мыслить можно и о несуществующем, и такое мышление не будет бессодержательным. Данный незамысловатый тезис вовсе не нацелен на то, чтобы доказать существование чего-либо несуществующего, он лишь констатирует определенный факт, который хотя и нуждается в дальнейших пояснениях, но точно не может быть подвергнут отрицанию.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1.

2. *Демин Т.С.* Аргумент представимости Дэвида Чалмерса // Философский журнал. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 162–174.

3. *Ледников Е.Е.* Существование и индивидные дескрипции // Логические исследования: Ежегодник. – 2002. – Вып. 9. – С. 113–119.

4. *Майнонг А.* О теории предметов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 1. – С. 202–229.

5. *Селиверстов В.В.* Дискуссия А. Майнонга и Б. Рассела: проблематика и развитие. Трансцендентное в современной философии: направления и методы / Под ред. Т.В. Левиной. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 289–304.

6. *Селиверстов В.В.* Значение и становление теории предметов Алексиуса Майнонга // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 1. – С. 198–201.

7. *Селиверстов В.В., Попик О.Ю.* Рассел vs Майнонг: смысл диалога // Эпистемология и философия науки. – 2013. – № 2. – С. 210–218.

8. *Фролов К.Г.* Расселианский анализ понятия существования: проблемы и затруднения // Философия науки. – 2020. – № 4 (87). – С. 15–28.

9. *Crane T.* The Objects of Thought. – Oxford: Oxford University Press, 2013.

10. *Fine K.* Critical review of Parsons' Nonexistent Objects // Philosophical Studies. – 1984. – Vol. 45. –P. 95–142.

11. *Gendler T.S., Hawthorne J.* Introduction: Conceivability and Possibility Conceivability and Possibility / Ed. by. T.S. Gendler, J. Hawthorne. – N.Y.: Oxford University Press, 2002. – P. 1–70.

12. *Jacquette D.* Meinongian Logic: The Semantics of Existence and Nonexistence. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996.

13. *Jacquette D.* Meinong's concept of implexive being and non-being // Grazer Philosophische Studien. – 1995. – Vol. 50. – P. 233–71.

14. *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. – Oxford: Blackwell, 1986.

15. *Parsons T.* Nonexistent Objects. – New Haven: Yale University Press, 1980.

16. *Russell B.* Meinong's theory of complexes and assumptions // Russell B. Essays in Analysis / Ed. by D. Lackley. – London: Allen and Unwin, 1973.

17. *Russell B.* Mysticism and Logic. – London: George Allen and Unwin Ltd, 1917.

18. *Russell B.* Review: Uber die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften by A. Meinong // Mind. – 1907. – Vol. 16, No. 63. – P. 436–439.

19. *Yagisawa T.* Beyond Possible Worlds // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. – 1988. – Vol. 53. – No. 2. – P. 175–204.

References

1. *Aristotle.* (1976). Sochineniya: V 4 t. [Works: In 4 vol.]. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ. (In Russ.).

2. *Demin, T.S.* (2020). Argument predstavimosti Devida Chalmersa [David Chalmers's conceivability argument]. Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal], Vol. 13, No. 3, 162–174.

3. *Lednikov, E.E.* (2002). Sushchestvovanie i individnye deskriptsii [Existence and individual descriptions]. Logicheskie issledovaniya: Ezhegodnik [Logical Investigations: Yearbook], 9, 113–119.

4. *Meinong, A.* (2011). O teorii predmetov [On the theory of objects]. Epistemologiya i filisofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science, 1, 202–229. (In Russ.).

5. *Seliverstov, V.V.* (2013). Diskussiya A. Mainonga i B. Rassela: problematika i razvitie [A discussion between A. Meinong and B. Russell: problems and development]. In: Levina, T. (Ed.). Transtsendentnoe v sovremennoy filosofii: napravleniya i metody [The Transcendental in Modern Philosophy: Approaches and Methods]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 289–304.

6. *Seliverstov, V.V.* (2011). Znachenie i stanovlenie teorii predmetov Aleksiusa Mainonga [The significance and formation of Alexius Meinong's theory of objects]. Epistemologiya i filisofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 1, 198–201.

7. *Seliverstov, V.V. & O.Yu. Popik.* (2013). Rassel vs Mainong: smysl dialoga [Russell vs Meinong: the sense of the dialogue]. Epistemologiya i filisofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 2, 210–218.

8. *Frolov, K.G.* (2020). Rasselianskiy analiz ponyatiya sushchestvovaniya: problemy i zatrudneniya [Russellian analysis of the concept of existence: problems and difficulties]. Filosofiya nauki [Philosophy of Science], 4 (87), 15–28.

9. *Crane, T.* (2013). The Objects of Thought. Oxford, Oxford University Press.

10. *Fine, K.* (1984). Critical review of Parsons' nonexistent objects. Philosophical Studies, 45, 95–142.

11. *Gendler, T.S. & J. Hawthorne*. (2002). Introduction: Conceivability and possibility. In: Gendler, T.S. & J. Hawthorne (Eds.) Conceivability and Possibility. New York, Oxford University Press, 1–70.

12. *Jacquette, D.* (1996). Meinongian Logic: The Semantics of Existence and Nonexistence. Berlin & New York, Walter de Gruyter.

13. *Jacquette, D.* (1995). Meinong's concept of implexive being and non-being. Grazer Philosophische Studien, 50, 233–71.

14. *Lewis, D.* (1986). On the Plurality of Worlds. Oxford, Blackwell.

15. *Parsons, T.* (1980). Nonexistent Objects. New Haven, Yale University Press.

16. *Russell, B.* (1973). Meinong's theory of complexes and assumptions. In: Russell, B. Essays in Analysis. Ed. by D. Lackley. London, Allen and Unwin.

17. *Russell, B.* (1917). Mysticism and Logic. London, George Allen and Unwin Ltd.

18. *Russell, B.* (1907). Review: Uber die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften by A. Meinong. Mind, Vol. 16, No. 63, 436–439.

19. *Yagisawa, T.* (1988). Beyond possible worlds. Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition, Vol. 53, No. 2, 175–204.

Информация об авторе

Фролов Константин Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (197376, Санкт-Петербург, ул. Попова, 5), Института философии СПбГУ (199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5).

kgfrolov@etu.ru

Information about the author

Frolov, Konstantin Gennadievich – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor at the Chair of Philosophy, St. Petersburg Electrotechnical University (5, Popova st., St. Petersburg, 197376, Russia), at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (5, Mendeleev Line, St. Petersburg, 199034, Russia).

kgfrolov@etu.ru

Дата поступления 08.02.2021

УДК: 165.0
DOI: 10.15372/PS20210103

И.Е. Прись

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ БЛАГО: ИСТИНА ИЛИ ЗНАНИЕ[1]

Д. Притчард принимает понятие интеллектуальных добродетелей в качестве первичного теоретического понятия и приходит к выводу, что единственным фундаментальным эпистемическим благом и целью научного исследования является истина. Мы критикуем его подход с точки зрения сначала-знание-эпистемологии Т. Уильямсона, которая, на наш взгляд, более фундаментальна, чем эпистемология добродетелей. Мы утверждаем, что единственным фундаментальным эпистемическим благом и целью научного исследования является знание. Применительно к философии образования наш анализ приводит к заключению, что обучение в первую очередь должно быть нацелено на приобретение базовых витгенштейновских «петлевых предложений».

Ключевые слова: истина; знание; фундаментальное эпистемическое благо; эпистемология добродетелей; сначала-знание-эпистемология

I.E. Pris

THE FUNDAMENTAL EPISTEMIC GOOD: TRUTH OR KNOWLEDGE?

D. Pritchard treats the conception of intellectual virtues as a primary theoretical notion and concludes that truth is the fundamental epistemic good and the goal of the scientific research. We criticize his approach in terms of T. Williamson's knowledge first epistemology, which, in our view, is more fundamental than the virtue epistemology. We argue that knowledge is the only fundamental epistemic good and the goal of the scientific research. In respect to philosophy of education, our analysis leads to the conclusion that in education, one should primarily focus on acquiring the basic Wittgensteinian «hinge propositions».

Keywords: truth; knowledge; fundamental epistemic good; virtue epistemology; knowledge first epistemology

Введение

В эпистемологии обсуждается вопрос о том, что является фундаментальным, т.е. не инструментальным, а имеющим финальную цен-

[1] Работа выполнена при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г20-026.
© Прись И.Е., 2021

ность, эпистемическим благом [2; 7; 8; 12; 14; 17]. Традиционная эпистемология утверждала, что единственным фундаментальным эпистемическим благом (ФЭБ) является истина. Многие современные эпистемологи отвергают эту точку зрения. Одни считают, что единственным ФЭБ является знание, другие полагают, что таковым является что-то иное, например понимание, или «объектное понимание», тогда как третьи занимают плюралистскую позицию, согласно которой существует несколько ФЭБ.

Позиция, которую занимают исследователи по этому вопросу, в значительной мере зависит от того, сторонниками какой эпистемологической теории они являются. Например, в рамках сначала-знание-эпистемологии (СЗЭ) Т. Уильямсона, принимающей концепт знания в качестве первичного, фундаментальной эпистемической нормой и фундаментальным эпистемическим благом является знание [17]. Также и для Э. Соза, основателя современной эпистемологии добродетелей, согласно которой знание представляет собой истинное мнение, а истинность последнего проявляется в подходящей когнитивной компетенции познающего субъекта, знание представляет собой ФЭБ, хотя некоторые сторонники эпистемологии добродетелей заняли позицию плюрализма [15].

Тезис, что знание есть ФЭБ, ранее критиковал Д. Притчард, а в своей недавней статье он защищает монистский тезис, что истина – единственное ФЭБ. Это возврат к ортодоксии [12]. Суть аргумента Притчарда, однако, в том, что монистский тезис об истине как единственном ФЭБ был неправильно понят, в том числе и сторонниками эпистемологии интеллектуальных добродетелей, ресурсы которой он привлекает для своего анализа. Притчард предлагает новое понимание тезиса об истине как единственном ФЭБ, принимая в качестве первичного концепт интеллектуальной добродетели [20]. В результате, с его точки зрения, этот тезис имеет все шансы быть верным. При этом Притчард придерживается скорее традиционных эпистемологических рамок, и в частности считает, что концепт знания может быть проанализирован (возможно, круговым образом) в виде необходимых и достаточных условий [8].

Мы критикуем позицию Притчарда с точки зрения сначала-знание-эпистемологии Т. Уильямсона, принимающей в качестве первичного концепт знания. На наш взгляд, на самом деле Притчард неявно отходит от традиционной эпистемологии, в то же время не принимая альтернативную СЗЭ. У него различие между тезисом об истине

как единственном ФЭБ и тезисом о знании как единственном ФЭБ становится трудно улавливаемым. То, что Притчард называет истиной как целью исследования, можно трактовать и как знание. Если же на всех этапах рассуждения придерживаться четкого различия между истиной и знанием, единственным ФЭБ, как мы утверждаем, оказывается знание.

Аргументы против истины как ФЭБ

Можно выделить три основных аргумента против тезиса, что истина – единственное ФЭБ или одно из ФЭБ [12].

Аргумент 1 (тривиальные и незначительные истины). Существуют тривиальные и незначительные истины, которые не имеют для нас никакой ценности. Следовательно, они не имеют и эпистемической ценности. Следовательно, они не имеют и фундаментальной эпистемической ценности. Если бы истина была ФЭБ, то даже тривиальные и незначительные истины, наряду с содержательными и важными истинами, имели бы фундаментальную ценность.

Эта же проблема возникает и для знания. Нас интересуют не просто истины и знание, а содержательные и значительные истины и знание. В то же время, как правильно замечает Притчард, мы интересуемся содержательными и значительными истинами (и то же самое можно сказать о знании) именно потому, что нас интересует истина. И это становится особенно заметным, если исходить из концепции интеллектуальных добродетелей и, соответственно, интеллектуально добродетельного исследования. Притчард предлагает не отказываться от тезиса, что истина – единственное ФЭБ, а изменить наше понимание этого тезиса.

Аргумент 2 (проблема «заболачивания», swamping problem). Если истина – единственное ФЭБ, то необоснованное или даже обоснованное, но не представляющее собой знание истинное мнение имеет ту же ценность, что и знание с тем же содержанием, поскольку фундаментальная ценность по определению стирает, или «заболачивает», то, что имеет лишь инструментальную ценность, например обоснование. Знание, однако, имеет для нас большую ценность, чем просто истинное мнение, и не только практическую или моральную, но также эпистемическую (последнее, заметим, требует отдельного обоснования – см. ниже). Поэтому тезис о том, что истина – единственное ФЭБ, неверен.

Аргумент 3 (цель исследования). По определению интеллектуальная цель исследования – ФЭБ. Если истина есть ФЭБ, то она должна

завершать исследование. Но исследование завершает не просто постижение истины, а постижение истины, сопровождаемое ее пониманием и знанием. Отсюда заключают о ложности тезиса, что истина есть ФЭБ.

Мы утверждаем, что все три аргумента основываются на традиционной эпистемологии, для которой знание – это истинное обоснованное мнение. В этих рамках мнение – ментальное состояние, тогда как знание – не ментальное состояние, оно подразумевает существование факта внешнего мира, делающего мнение истинным. «Истина» означает истинность соответствующего пропозиционального содержания, соответствие факту «внешнего мира». Обоснование мнения является либо «внутренним», доступным рефлексии/интроспекции, либо «внешним», недоступным рефлексии/интроспекции, как в случае релайабилизма, утверждающего, что знание – это истинное мнение, являющееся результатом процесса, который надежным образом (как правило) дает истинное мнение. В этом случае действительно непонятно, каким образом, если принять тезис об истине как единственном ФЭБ, знание может быть эпистемически (а не практически или этически) более ценным, чем просто истинное мнение.

Напротив, с точки зрения СЗЭ, к которой мы предлагаем перейти, знание – это ментальное состояние, обоснованное мнение – знание (обоснование не «заболачивается»), а мнение (даже истинное, если оно не знание) – отклонение от знания [17]. В рамках СЗЭ, однако, норма истины, а также нормы интеллектуальных добродетелей вторичны по сравнению с нормой знания [16]. Знание направляет применение интеллектуальных добродетелей. Это означает, что истина не является ФЭБ (тем более единственным). Далее мы вернемся к этому вопросу, но сначала рассмотрим аргумент Притчарда.

Возврат к ортодоксии: аргумент Притчарда и возражения против него

Наличие интеллектуальных добродетелей необходимо для счастливой, процветающей жизни (в частности, таковые необходимы для совершения моральных поступков). Это придает интеллектуальным добродетелям самоценность. Жажда истины, серьезное отношение к истине, согласно Притчарду, есть составной компонент интеллектуальных добродетелей, мотивирующий их употребление в процессе исследования/познания. Поэтому интеллектуально добродетельное исследование предполагает стремление к истине, оно предполагает, что

истина – цель исследования. Цель исследования – ФЭБ. Следовательно, истина есть ФЭБ [12].

На первый взгляд, такой вывод противоречит приведенному выше аргументу 3. На самом деле, согласно Притчарду, именно принятие истины в качестве цели исследования и единственного ФЭБ имеет своим следствием, что исследование завершается только тогда, когда приобретение истины гарантировано, а истина понята, т.е. когда приобретается знание (об истине) и понимание (истины). Интеллектуально добродетельный исследователь, т.е. исследователь, мотивируемый серьезным отношением к истине, также предпочитает важные и существенные истины тривиальным и незначительным (ответ на аргумент 1). При этом он отдает предпочтение не просто содержательным истинам, а, что важно отметить, «когнитивному контакту с реальностью» (к этому важному понятию мы еще вернемся). Интеллектуально добродетельный исследователь также предпочитает обоснованное мнение и знание просто истинному мнению, что *p*, и именно потому, что он жаждет истины (ответ на аргумент 2). Таким образом, понятие интеллектуальной добродетели, принимаемое в качестве первичного, накладывает свой отпечаток на то, каким образом Притчард понимает и как, по его мнению, следует понимать тезис об истине как единственном ФЭБ, интеллектуально добродетельное исследование и цель исследования.

Важно отметить, что в своих аргументах противник тезиса, что истина – единственное ФЭБ, оценивает только пропозициональное содержание, что *p* (истинно или ложно), а не ситуацию в целом. В результате возникает впечатление, что все истины в одинаковой мере ценны, что всякое истинное пропозициональное содержание представляет собой фундаментальную эпистемическую ценность (если принять тезис, что истина – единственное ФЭБ). Такая оценка предполагает, что эпистемической целью является максимизация количества пропозициональных истин. Это противоречит тому факту, что простая содержательная истина (например, знание закона природы) зачастую имеет большую ценность, чем истина длинного предложения, представляющего собой конъюнкцию большого числа тривиальных истин. Притчард отказывается от такого подхода к тезису об истине как единственном ФЭБ. Как уже было сказано, он обращается к эпистемологии добродетелей. В его представлении, утверждение, что истина есть цель исследования, не следует понимать в том смысле, что целью исследования является максимизация набора истинных мнений (пропозициональных содержаний). С последним можно согласиться.

Мы, однако, приходим к подобному заключению в рамках СЗЭ: целью исследования является не максимизация истины, а максимизация знания. Это не противоречит тому, что, как уже было сказано, не всякое знание представляет интерес, так как речь идет о максимизации всякого релевантного знания. Релевантность и различие между существенным (имеющим ценность) и несущественным (не имеющим ценности) знанием зависят от контекста. Например, для Уильямсона имеет место эквивалентность между полным знанием в контексте и всей очевидностью в контексте, знание равно очевидности (в контексте). Абсолютная эквивалентность между тем и другим не имеет смысла[2].

Таким образом, на наш взгляд, аргумент Притчарда не может рассматриваться как однозначно свидетельствующий в пользу защищаемого им тезиса. Сам Притчард отмечает, что возможна альтернативная точка зрения. Можно утверждать (мы так и поступаем в рамках СЗЭ), что не жажда истины, а жажда знания – неотъемлемый компонент всякой интеллектуальной добродетели, ее существенная мотивация. Если это так, то единственным ФЭБ будет знание, а не истина. Притчард просто не рассматривает эту альтернативу. Другая альтернатива состоит в том, чтобы утверждать, что именно потому, что интеллектуальные добродетели предполагают жажду истины в качестве своей существенной мотивации, целью интеллектуально добродетельного исследования является знание (а не истина). То есть быть мотивированным к нахождению истины – значит хотеть ее знать и, следовательно, рассматривать знание в качестве цели исследования и единственного ФЭБ. Притчард между тем считает, что этот второй вариант является менее естественным, чем тот, который предлагает он сам.

Предположим, однако, что целью исследования и единственным ФЭБ является, как это утверждает Притчард, не знание, а истина. Что понимать под истиной? Понимание истины как истинности пропозиционального содержания, как уже было сказано, неудачно. Существуют различные теории истины, например классическая теория истины как соответствия. Понимает ли Притчард истину как соответствие фактам «внешнего мира» или же как истину о самих вещах, связь с самими вещами, предполагающую контакт с реальностью? Истина как такого рода связь – не просто соответствие, не просто истинность пропозиции,

[2] В связи с этим отметим, что Уильямсон, критикуя принцип доверия Дэвидсона, показывает, что установка на максимизацию истинных мнений должна быть заменена установкой на максимизацию знания [17, p. 267; 18, p. 265].

а знание. Как отмечает Бенуа, знание – это связь с «вещами, каковы они есть» [3]. Знание фактивно. Оно как раз предполагает «подлинный когнитивный контакт с реальностью». Тогда, быть может, жажда истины, о которой говорит Притчард, – это по своей сути жажда знания? Если не принимать за истину истинность (мнения, суждения, предложения), если отказаться от идеи, что релевантной единицей эпистемической оценки является предложение, то можно ли еще считать, что мы остаемся в рамках традиционной эпистемологии?

Понятие когнитивного контакта с реальностью

Важное понятие когнитивного контакта с реальностью, которое было упомянуто выше, Д. Притчард заимствует у Л. Загзебски, эпистемолога интеллектуальных добродетелей [19]. Притчард подчеркивает, что с точки зрения эпистемологии интеллектуальных добродетелей желать истину, заботиться о ней, стремиться к ней – значит заботиться о «подлинном (существенном) когнитивном контакте с реальностью», стремиться к нему. Жажда истины – жажда содержательной истины, которая к тому же интегрирована с другими истинами, «зацепляет реальность». При этом речь не идет о самостоятельном ФЭБ. Эту точку зрения разделяют не все. Например, К. Раналли полагает, что когнитивный контакт с реальностью – самостоятельное ФЭБ. Другим ФЭБ он считает пропозициональную истину. Это плюралистическая позиция [14]. Мы не сторонники такого рода плюрализма. На наш взгляд, предлагаемую П. Энжелем критику плюрализма в отношении обоснования и знания можно перенести на случай рассмотрения плюрализма ФЭБ [5]. Это, однако, отдельный вопрос, который мы здесь не будем рассматривать.

Именно потому, что целью является когнитивный контакт с реальностью, в эпистемическом плане знание, что *p*, более ценно, чем просто истинное мнение, что *p*, а содержательное или важное знание более ценно, чем знание тривиальное или незначительное. Таким образом, для Притчарда тезис, что истина – единственное ФЭБ, не противоречит тому, что фундаментальную ценность имеет не всякое мнение с истинным пропозициональным содержанием, а мнение, имеющее субстанциальный когнитивный контакт с реальностью, т.е. содержательное знание. В частности, для него перцептивное знание первого лица более ценно, чем знание, полученное от свидетеля (от третьего лица).

Важно видеть вещи своими глазами, т.е. быть в непосредственном контакте с реальностью.

Понятие когнитивного контакта с реальностью позволяет Притчарду отвергнуть аргументы 1–3. Например, проблема «заболачивания» состоит в том, что утверждается, что истинное мнение без обоснования так же ценно, как и знание, поскольку соответствующие пропозициональные содержания истинны. Но истина как цель исследования подразумевает существенный когнитивный контакт с реальностью. Изолированное мнение, которое не обосновано или случайно истинно, не удовлетворяет этому требованию. Подлинный когнитивный контакт с реальностью не достигается рассмотрением одного-единственного (изолированного) мнения, которое соответствует внешней реальности.

Отметим, что понятие подлинного (существенного, субстанциального) когнитивного контакта с реальностью у Притчарда остается расплывчатым. На наш взгляд, его можно трактовать, во-первых, как контакт со значительными и важными истинами и, во-вторых, как полный контакт с ними, т.е. как укорененность в реальности. Мы полагаем, что в рамках СЗЭ понятию когнитивного контакта с реальностью соответствует понятие фактивности знания.

Фактивность знания

Ранее мы критиковали аргумент Притчарда, направленный против тезиса о финальной ценности знания, защищаемого эпистемологией способностей/достоинств Соза, и утверждающий особую ценность понимания, а также позицию Картера и Гордона, состоящую в том что особую ценность имеет так называемое «объектное понимание» (понимание некоторого объекта исследования, предмета, например понимание квантовой теории) [2]. Мы также утверждали, что особая ценность знания, если таковая существует, должна быть одной и той же для всех видов знания, и в частности для тех видов знания, которые, согласно Дж. Греко, подчиняются различным (более или менее сильным) эпистемическим нормам [2; 6]. Мы отдали предпочтение экстерналистской точке зрения Т. Уильямсона, заключающейся в том, что особая ценность знания состоит в его фактивности: если субъект знает, что *p*, то с необходимостью *p* истинно [2]. Мы продолжаем придерживаться этой позиции. В связи с настоящей позицией Притчарда, согласно которой истина – единственное ФЭБ, мы также утверждаем, что

особая ценность знания представляет собой его фундаментальную ценность и это единственное ФЭБ (см. также [7]).

Как было сказано в предыдущем разделе, для Притчарда любить истину значит желать субстанциального (подлинного) когнитивного контакта с реальностью [12]. В упомянутой выше работе, рассматривая ценность знания, мы ввели в употребление аналогичное понятие [2]. Можно допустить, что существует континуум эпистемических состояний, различающихся по своей практической ценности (стабильности), пределом которого является знание. В то же время, на наш взгляд, поскольку знание, в отличие от других эпистемических состояний, «привязано» к истине (соответствующему факту), оно обладает не просто большей, чем другие эпистемические состояния, стабильностью, но и особой стабильностью. К тому же эту «привязанность» к истине/факту можно интерпретировать как особую эпистемическую ценность знания, поскольку именно благодаря ей устанавливается непосредственный контакт между субъектом/сознанием и миром (познаваемой вещью) [2]. Для Уильямсона особая ценность знания объясняется тем, что оно есть наиболее общая фактивная пропозициональная установка: знание «важно для нас, поскольку для нас важны фактивные статические установки» [17, p. 34]. Фактивность знания можно интерпретировать как вышеуказанное свойство знания быть «привязанным» к истине. Это свойство знания соответствует тому, что Притчард, следуя Загзебски, называет подлинным когнитивным контактом с реальностью.

Для Уильямсона (как и для Платона) ценность знания заключается также и в том, что оно является более стабильным, чем просто истинное мнение (это следствие фактивности знания). Тем самым оно имеет большую практическую ценность для осуществления наших планов и действий, имеющих протяженность во времени. Важно, однако, подчеркнуть, что Уильямсон добавляет к этому ценность рационального элемента знания: «При прочих равных условиях, принимая во внимание рациональную восприимчивость к новой очевидности, настоящее знание делает будущее истинное мнение более вероятным, чем это делает настоящее просто истинное мнение» [2; 17, p. 101]. (Для Уильямсона «знание = очевидность». Как уже было отмечено выше, мы принимаем эту формулу.) Таким образом, для него знание имеет не только практическую, но и особую эпистемическую ценность. Как отмечают Д. Притчард и Дж. Тури, вводя понятие рациональной восприимчивости к новой очевидности, Уильямсон делает шаг вперед по сравнению с Платоном [13].

Таким образом, мы утверждаем, что знание имеет особую эпистемическую ценность, которая фундаментальна: знание фактивно, есть контакт с самой вещью. Поэтому знание – единственное ФЭБ. Именно благодаря тому, что знание является наиболее общим фактивным ментальным состоянием, можно говорить о некоторой общей (фундаментальной) ценности трех видов знания: знания, приобретаемого в результате самостоятельного исследования, знания, полученного от свидетеля, и «общего знания» – как «ценности знания», несмотря на различие в эпистемических нормах, которым они подчиняются [2; 6].

Невежество и знание

В одной из своих работ Притчард показывает, что в рамках его позиции, согласно которой концепт интеллектуальных добродетелей первичен, а истина есть единственное ФЭБ, можно разрешить проблемы, с которыми сталкиваются два традиционных подхода к пониманию невежества (ignorance) [10]. Согласно одному из них, невежество – это незнание, т.е. отсутствие знания. Согласно другому, это отсутствие истинного мнения. Можно привести многочисленные возражения и контрпримеры против этих двух точек зрения. Например, наличие у субъекта истинного обоснованного мнения, которое не есть знание (как это имеет место в случаях Гетье), согласно первой точке зрения должно рассматриваться как случай невежества. Согласно второй точке зрения, субъект, имеющий случайно истинные мнения, не может считаться невежественным. Также в рамках традиционных подходов наличие у субъекта «петлевых предложений» («убеждений») Витгенштейна автоматически делает его невежественным, так как эти предложения можно считать истинными, но, как известно, их нельзя знать и в них нельзя верить (на наш взгляд, они имеют логический статус, истинны логически [1]). Все три утверждения контринтуитивны.

Притчард предлагает рассматривать невежество как фундаментальный эпистемический порок («болезнь»), т.е. как дефект в единственном ФЭБ – истине. С точки зрения его подхода субъекта нельзя назвать невежественным ни в случаях Гетье, ни в случае с петлевыми предложениями, поскольку в этих случаях он не нарушает нормы интеллектуально добродетельного познания. Напротив, субъект, имеющий случайно истинное (необоснованное) мнение, эти нормы нарушает и, следовательно, невежествен.

В отличие от Притчарда, мы делаем различие между неведением/незнанием и невежеством. Неведение – это отсутствие подходящего знания в контексте. Это нарушение фундаментальной эпистемической нормы – нормы знания. Это также дефект в ФЭБ – знании. Относительно случаев Гетье можно сказать, что субъект находится в неведении, его можно назвать несведущим. Но его нельзя назвать невежественным, так как его неведение простительно, не нарушает нормы интеллектуальных добродетелей и добродетельного исследования. Эти нормы более слабые и вторичны по отношению к норме знания, которая нарушается. Случайно же истинные мнения нарушают и нормы интеллектуальных добродетелей. Поэтому в таком случае субъект не только несведущ, но и невежествен. Отметим, что проводимое нами различие аналогично различию, которое делает Уильямсон между обоснованным мнением (в рамках СЗЭ оно всегда истинно) и оправданным мнением, которое может быть ложным и удовлетворяет более слабым (производным от нормы знания) нормам [16].

Рассмотрим отдельно случай петлевых предложений Витгенштейна. Их наличие – необходимое условие эпистемической рациональности [1; 11]. Согласно нашей интерпретации петлевых предложений это витгенштейновские правила (грамматика) формы жизни [1]. В принципе, их можно рассматривать как логическое «знание» (против двух стандартных точек зрения). С другой стороны, отсутствие петлевых предложений делает субъекта неспособным мыслить и познавать. Поэтому, на наш взгляд, этот случай может быть охарактеризован как самый серьезный случай невежества (тогда как если буквально придерживаться стандартных точек зрения, о невежестве следует говорить не в случае отсутствия петлевых предложений, а наоборот, в случае их наличия; основанием для этого считается то, что мы неспособны ни в собственном смысле знать петлевые предложения, ни в собственном смысле верить в них).

Наша точка зрения согласуется с выводом, сделанным А. Картером в контексте философии образования [4]. В философии образования возникают следующие вопросы. Чему и как обучать? Что значит хорошее, качественное образование? На какие когнитивные блага у детей есть права, гарантирующие им открытое будущее? Известны три основных подхода, дающих ответы на эти вопросы. При этом все они сталкиваются с проблемами: сторонники пропозиционалистского подхода утверждают, что дети имеют право на приобретение фактуального знания (это чисто интеллектуалистский подход); в рамках диспозицио-

налистского подхода утверждается, что дети имеют право на приобретение когнитивных диспозиций (это чисто антиинтеллектуалистский подход: знание о фактах не приобретается); объектный (objectualist) подход нацелен на приобретение некоторого объема информации. А. Картер предлагает альтернативный подход, который мы разделяем: «Предлагаемая здесь альтернатива вдохновлена эпистемологией Витгенштейна: дети имеют право на определенные петли, владение которыми наделяет их рациональными способностями в некоторых областях знания и, как следствие, ценностной автономией в этих областях» [4, p. 462–463]. Обучение петлевым предложениям в основных областях знания – это одновременно и обучение фундаментальному пропозициональному «знанию» петель: «2+2=4», «Земля круглая», «Земля вращается вокруг Солнца», и т.д., т.е. тому, что составляет базовые математические и научные утверждения. Знание петель подразумевает и навыки их употребления (о нашей интерпретации витгенштейновских петель см. [1]).

С точки зрения СЗЭ мы знаем петлевые предложения. Например, я знаю, что это рука. И предложение «Это рука» – часть той очевидности в отношении окружающего меня мира, которой я располагаю. Отсутствие этого фундаментального знания, как мы утверждаем, есть самый серьезный случай невежества[3].

Заключение

Д. Притчард принимает концепт интеллектуальных добродетелей в качестве первичного и приходит к выводу, что единственным ФЭБ является истина. Это не означает, что любое истинное мнение имеет фундаментальную ценность. Таковую имеют только мнения, находящиеся в подлинном когнитивном контакте с реальностью, т.е. мнения, представляющие собой содержательное знание. Мы, однако, отрицаем, что понятие интеллектуальных добродетелей первично. Для нас, как и для Т. Уильямсона, первичным концептом является знание. При этом норма знания более фундаментальна, чем норма истины, и управляет нормами интеллектуальных добродетелей, корректное применение которых зависит от контекста (например, в отсутствие восприимчивости к контексту тщательность может выродиться в педантичность,

[3] Речь, конечно, не идет о клинических случаях, к которым понятие невежества неприменимо.

а толерантность – в безразличие к истине). Подлинный когнитивный контакт с реальностью мы понимаем как фактивность знания, как контакт с самими вещами, наличие которого придает знанию фундаментальную когнитивную ценность. Также знание есть очевидность. Поэтому приобретение нового знания есть приобретение новой очевидности, что делает последующее познание более эффективным. В этом смысле знание также имеет большую эпистемическую ценность, чем истинное мнение. Таким образом, мы утверждаем, что единственным ФЭБ является знание. Применительно к философии образования наш анализ приводит к заключению, что обучение в первую очередь должно быть нацелено на приобретение базовых витгенштейновских петлевых предложений.

Литература

1. *Прись И.Е.* Витгенштейн о знании, достоверности и «осевых предложениях». – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2017.

2. *Прись И.Е.* Проблема ценности знания // Философия и культура. – 2017. – № 5. – С. 26–35. – URL: https://author.nbpublish.com/fr/article_20222.html (дата обращения: 08.12.2020).

3. *Benoist J.* The internal and the external in knowledge // Rethinking Epistemology / Ed. by G. Abel, J. Conant. – De Gruyter, 2012. – Vol. 1. – P. 273–283.

4. *Carter A.* Cognitive goods, open future and the epistemology of education // Journal of Philosophy of Education. – 2020. – Vol. 54, No. 2. – P. 449–465.

5. *Engel P.* A plea for epistemic monism // Epistemic Pluralism / Ed. by A. Coliva, N. Jang Lee Linding Pedersen. – Palgrave Macmillan, 2017. – P. 93–125.

6. *Greco J.* Common knowledge // International Journal for the Study of Scepticism. – 2016. – Vol. 6, No. 2-3. – P. 309–325.

7. *Kelp C.* Inquiry, knowledge and understanding // Synthese. – 2018. – URL: http://eprints.gla.ac.uk/161983/ (дата обращения: 08.12.2020).

8. *Pritchard D.* Epistemology. – Palgrave Macmillan, 2016.

9. *Pritchard D.* Ignorance and epistemic value // The Epistemic Dimensions of Ignorance / Ed. by M. Blaauw, R. Peels. – Cambridge: Cambridge University Press. Forthcoming.

10. *Pritchard D.* Ignorance and inquiry // American Philosophical Quarterly. – Forthcoming. – URL: https://www.duncanpritchard.org/articles (дата обращения: 08.12.2020).

11. *Pritchard D.* On hinge epistemology // Skepsis. – Forthcoming. – URL: https://www.duncanpritchard.org/articles (дата обращения: 08.12.2020).

12. *Pritchard D.* The epistemic virtues and the epistemic value of truth // Synthese (special issue on the value of truth) / Ed. by A. Gyarmathy, L. Moretti. 2019. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-019-02418-z (дата обращения: 09.01.2020).

13. *Pritchard D.H., Turri J., Carter A.* The value of knowledge // Stanford Encyclopaedia of Philosophy / Ed. by E. Zalta. – 2018. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/ (дата обращения: 04.12.2020).

14. *Ranalli C.* Special value of experience // Oxford Studies in Philosophy of Mind. – Vol. 1. – Forthcoming.

15. *Sosa E.* Epistemology. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2017.

16. *Williamson T.* Justifications, excuses, and sceptical scenarios // The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Rationality and Justification / Ed. by J. Dutant, F. Dorsch. – Oxford: Oxford University Press. – Forthcoming.

17. *Williamson T.* Knowledge and its Limits. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

18. *Williamson T.* Philosophy of Philosophy. – Blackwell, 2007.

19. *Zagzebski L.T.* The search for the source of the epistemic good // Moral and Epistemic Virtues / Ed. by M.S. Brady, D.H. Pritchard. – Oxford: Blackwell, 2003. – P. 13–28.

20. *Zagzebski L.T.* Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

References

1. *Pris, I.E.* (2017). Vitgenshteyn o znanii, dostovernosti i "osevykh predlozheniyakh" [Wittgenstein on Knowledge, Certainty and “Hinge Propositions”]. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing.

2. *Pris, I.E.* (2017). Problema tsennosti znaniya [The problem of the value of knowledge]. Filosofiya i kultura [Philosophy and Culture], 5, 26–35. Available at: https://author.nbpublish.com/fr/article_20222.html (date of access: 08.12.2020).

3. *Benoist, J.* (2012). The internal and the external in knowledge. In: Abel, G. & J. Conant (Eds.). Rethinking Epistemology, Vol. 1. De Gruyter, 273–283.

4. *Carter, A.* (2020). Cognitive goods, open future and the epistemology of education. Journal of Philosophy of Education, Vol. 54, No. 2, 449–465.

5. *Engel, P.* (2017). A plea for epistemic monism. In: Coliva, A. & N. Jang Lee Linding Pedersen (Eds.). Epistemic Pluralism. Palgrave Macmillan, 93–125.

6. *Greco, J.* (2016). Common knowledge. International Journal for the Study of Scepticism, Vol. 6, No. 2-3, 309–325.

7. *Kelp, C.* (2018). Inquiry, knowledge and understanding. Synthese. Available at: http://eprints.gla.ac.uk/161983/ (date of access: 08.12.2020).

8. *Pritchard, D.* (2016). Epistemology. Palgrave Macmillan.

9. *Pritchard, D.* (2016). Ignorance and epistemic value. Forthcoming in: Blaauw, M. & R. Peels (Eds.). The Epistemic Dimensions of Ignorance. Cambridge, Cambridge University Press.

10. *Pritchard, D.* Ignorance and inquiry. Forthcoming in: American Philosophical Quarterly. Available at: https://www.duncanpritchard.org/articles (date of access: 08.12.2020).

11. *Pritchard, D.* On hinge epistemology. Forthcoming in: Skepsis. Available at: https://www.duncanpritchard.org/articles (date of access: 08.12.2020).

12. *Pritchard, D.* (2019). The Epistemic virtues and the epistemic value of truth. In: Gyarmathy, A. & L. Moretti (Eds.). Synthese (special issue on the value of truth). Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-019-02418-z (date of access: 09.12.2020).

13. *Pritchard, D.H., J. Turri & A. Carter.* (2018). The value of knowledge. In: Zalta, E. (Ed.). Stanford Encyclopaedia of Philosophy. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/knowledge-value/ (date of access: 04.12.2020).

14. *Ranalli, C.* Special Value of Experience. Forthcoming in: Oxford Studies in Philosophy of Mind, Vol. 1.

15. *Sosa, E.* (2017). Epistemology. Princeton and Oxford, Princeton University Press.

16. *Williamson, T.* Justifications, excuses, and sceptical scenarios. In: Dutant, J. & F. Dorsch (Eds.). The New Evil Demon: New Essays on Knowledge, Rationality and Justification. Oxford, Oxford University Press. Forthcoming.

17. *Williamson, T.* (2000). Knowledge and its Limits. Oxford, Oxford University Press.

18. *Williamson, T.* (2007). Philosophy of Philosophy. Blackwell.

19. *Zagzebski, L.T.* (2003). The search for the source of the epistemic good. In: Brady, M.S. & D.H. Pritchard (Eds.). Moral and Epistemic Virtues. Oxford, Blackwell, 13–28.

20. *Zagzebski, L.T.* (1996). Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge, Cambridge University Press.

Информация об авторе

Прись Игорь Евгеньевич – доктор философии (Сорбонна), кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2).

frigpr@gmail.com.

Information about the author

Pris, Igor Evgenievich – PhD in Philosophy (U de Paris-Sorbonne, Paris, France), Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Senior Researcher at the Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganov st., Minsk, 220072, Belarus).

frigpr@gmail.com.

Дата поступления 09.12.2020

УДК: 168.522
DOI: 10.15372/PS20210104

С.А. Смирнов

НАУКА КАК ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ МОДЕЛИ (Проектная идея)

В статье вводится представление о науке как институте развития. Автор предлагает рассмотреть вопрос о необходимости выработки ответа на глобальные вызовы через призму институциональной перестройки и переформатирования всей сферы науки. С этой целью сравниваются две модели науки на примере новосибирского Академгородка: модель науки в рамках проекта научного городка периода М.А. Лаврентьева и модель науки в рамках новой концепции «Академгородок 2.0», которая разрабатывается в настоящее время. Автор делает акцент на том, что в связи с глобальными вызовами старые споры о разных установках в науке, о научных революциях в духе Т. Куна, споры между метафизикой и логикой, между онтологистами и релятивистами достигли своего предела, такие противопоставления сегодня уже не актуальны. Настали другие времена, и перед наукой как институтом поставлены другие задачи – становиться институтом развития. В статье также отмечается, что сама наука уже не может быть просто наукой, она становится технонаукой.

Ключевые слова: наука; технонауки; институт развития; институциональные формы науки; модели науки; Академгородок 2.0; научное сообщество

S.A. Smirnov

SCIENCE AS AN INSTITUTE OF DEVELOPMENT: CHALLENGES AND NEW MODELS (A Project Idea)

The article introduces the idea of science as a development institution. The author proposes to consider the issue of the need to work out a response to global challenges from the perspective of institutional restructuring and reconceiving the whole field of science. For this purpose, two models of science are compared on the example of the Novosibirsk Academgorodok: the model within the framework of the project of a scientific town, which belongs to M.A. Lavrentiev's period, and the one within the framework of the new concept "Akademgorodok 2.0", which is currently being developed. The author emphasizes that in view of global challenges, former disputes about various attitudes in science, about scientific revolutions in T. Kuhn's spirit, disputes between metaphysics and logic, between ontologists and relativists have reached their limit; today, such contrasts are no longer relevant. Times have changed and science as an institution has got other tasks – it should be-

© Смирнов С.А., 2021

come an institution of development. The article also notes that science itself can no longer be just a science; it becomes a techno-science.

Keywords: science; techno-sciences; development institution; institutional forms of science; models of science; Akademgorodok 2.0; scientific community

Тупики старого спора

Новомодный и популярный ныне автор Стив Фуллер в одной из своих последних работ сделал экзотичное наблюдение, согласно которому феномен Т. Куна в истории философии науки сравним с феноменом М. Хайдеггера в истории философии [15]. С. Фуллер сравнивает Т. Куна с М. Хайдеггером с точки зрения того, какую позицию занимали эти авторы и какой эффект имели их работы. С. Фуллер показывает, что Т. Кун устроил скандал в науке, введя понятие несоизмеримости парадигм в науке, тем самым подорвав установку на истинность научного знания, но он, как и М. Хайдеггер, при этом не обсуждал последствия публикаций своих главных работ, не участвовал в публичных дебатах, не оправдывался, не отвечал на критику своих взглядов. Кстати, Т. Кун не использует в своих работах по истории наук свои идеи из «Структуры научных революций» [4][1]. Равно как и М. Хайдеггер писал и думал в 1950-е годы так, как будто и не было его работ 1920–1930-х годов.

Этот пример показывает, что ситуация философа и ученого, их влияние, да и в целом ситуация в науке складываются так или иначе не только в связи с идеями этих ученого и философа, но и в связи с мировыми трендами и процессами, скрытыми от глаз наблюдателя. В итоге зачастую мы не столько видим реальный шлейф развития научных идей ученого или философа, сколько имеем эвентуальный, непредсказуемый эффект от его фигуры, не совпадающий с его идеями[2].

В свою очередь С. Фуллер добавляет, что этот момент сходства ситуаций, касающихся двух известных авторов, был ему важен для того, чтобы акцентировать другой тезис: чем «лучезарнее» автор, чем ярче «вспышка» его личности, чем сильнее его обаяние, тем проблематичнее его реальное влияние и значимость его идей. Что это значит?

[1] А.П. Огурцов давно уже отмечал, что в работе Т. Куна «Структура научных революций» нет ничего именно про структуру научных революций, про типы научных революций. А представлена фактически главная тема о несоизмеримости научных парадигм, которые вводятся с появлением новых научных сообществ [5, с. 356].

[2] Как, например, наблюдался долгое время «эффект Фуко», особенно в англоязычных странах, не воплотившийся в реальное научное направление или научную школу.

Это значит, что масштаб обсуждения той или иной фигуры в философии или науке и его фоновый шум вовсе не говорят о реальном вкладе идей этого философа и ученого. Реальном именно в содержательном плане. Множество публикаций, особенно в англосаксонской литературе, посвященных комментированию работ М. Хайдеггера или Т. Куна, демонстрируют больше эмоциональный фон, нечто вроде эмоционально-психологической пены, взмывающейся над их работами, нежели реальное понимание глубины их содержания[3]. Это ярко выразилось именно в научной судьбе Хайдеггера и Куна (последнего Фуллер называет «американским Хайдеггером»), поскольку эти фигуры скорее метафизичны и символичны в своих статусе и роли, нежели научно содержательны. Кун своими работами как бы исчерпал тему философии науки, как исчерпал своей философией тему экзистенциализма Хайдеггер [16, с. 222][4].

[3] См. более подробно в нашей работе о восприятии философии М. Хайдеггера в англосаксонской литературе [10].

[4] С. Фуллер замечает, каким интересным проектом было бы исследование, в рамках которого мог быть изучен тот ход мысли, который почему-то привел М. Хайдеггера (а не П. Тиллиха, не К. Ясперса и не Ж.-П. Сартра) к нацизму. Но этот проект оказался труден из-за того, что сам экзистенциализм исчез с философского небосклона как название философской школы [16, с. 217]. Заметим, что Хайдеггер не относил себя к этой школе и в «Письме о гуманизме» давно уже показал, что Сартр извратил понятие экзистенции. Но дело не в этом. Дело в том, что никакое исследование хода мысли автора никак не может показать, почему он совершил тот или иной поступок. На это давно указал еще И. Кант. Никакие достижения познания и опыта не могут объяснить феномен свободы и нравственного действия. Еще сильнее: никакое знание добра не объясняет феномен добра. Никакое теоретическое знание поступка никак не детерминирует сам поступок. В последние годы были опубликованы новые архивы М. Хайдеггера, включая и его «Черные тетради». Но ни сама публикация, ни комментарии к ним не приблизили исследователей к пониманию того самого хода мысли, приведшего великого немца к нацизму. Это лишний раз показывает, что само по себе изучение текстов того или иного автора не дает нам ответа на вопрос, относительно не его концепта, а его поступка. Шаг к нацизму объясняется не теоретическими выводами и выкладками, а тайной самой личности, ее самоопределением. М.М. Бахтин на это давно указал: человек понимается в его единстве личной ответственности, в единстве целостной личности. Бахтин полагал, что автор отвечает своей жизнью за свои бездарные произведения, а непоследовательность мысли отражается в ущербности социального действия. Нравственная философия Бахтина вступила в противоречие с искушением Хайдеггера. Оказывается, это возможно – искать глубины бытия, стремясь найти ответ на его зов, носить на лацкане пиджака значок члена нацистской партии и заканчивать речи ректора криком «Хайль!». В том числе и этой историей объясняется масштаб того медийного шума, который поднялся вокруг имени Хайдеггера. Он больше объясняется (через показ – смотри!) этой личной историей соблазна немецкого философа, нежели теоретическими изысками его сочинений. Тем более западный интел-

Думается, что стремление найти экзотичные сравнения и продемонстрировать оригинальные наблюдения связаны с тем, что теперь уже давний спор, связанный со сравнением континентальной и аналитической традиций в философии, себя фактически исчерпал. На пороге другие вызовы и новые задачи. Полагаем также, что фиксация С. Фуллера знаменует собой некий рубеж спора онтологистов, рационалистов, приверженцев научной парадигмы, направленной на обоснование истинности и объективности научного знания, с одной стороны, и их оппонентов, отстаивающих приоритет научной коммуникации и научной аргументации, научной риторики и тем самым отказывающихся от приоритета истинности и объективности научного знания, – с другой. Вторые, будучи последователями Т. Куна, опираются уже не на истину, а на эффектность и эффективность научной аргументации. Г. Галилей, по их логике, в споре с инквизицией не был объективен, его аргументы не были подтверждены экспериментальными исследованиями, и, как допускал П. Фейерабенд, он скорее был похож, на мошенника [13], хотя по-своему был убедителен. Этот спор поколений был актуален на Западе в 1960–1970-е годы, в период левой фронды, коснувшейся и науки, на что указывают разные авторы, и это обсуждение тянулось некоторое время – вплоть до 1990-х годов (в России все шло с опозданием) [5, с. 358].

Замена проблемы истинности научного знания проблемой правдоподобия и убедительности аргументации в научной коммуникации предполагает и развитие соответствующего жанра научной литературы. Научная работа все более стала походить на произведение, на литературный текст, на некое сочинение или на форму литературной критики, или на трактат по риторике и теории аргументации, нежели на научное исследование. Кстати, работа С. Фуллера именно так и выглядит. Это скорее научно-популярная беллетристика, нежели теоретическое исследование[5].

Интеллектуальная бомба, которую заложили Т. Кун и другие научные лидеры субъективизма и релятивизма в познании (введя тем самым в принципе логику антинаучности, точнее, неклассической научности), – замена идеи приверженности истине, идеалов научности и объективности научного знания идеей конвенции в рамках научного

лектуал не страдает от глубины познания себя и мира и все больше становится похож на среднего обывателя, не способного прочитать и страницы из сочинений Хайдеггера.

[5] См. замечание Р. Рорти 1979 г.: «Я полагаю, в Англии и Америке философия уже заменена литературной критикой в главной своей культурной функции – как источник самоописания молодым поколением своего собственного отличия от прошлого» [8, с. 124, прим. 6].

сообщества (которая часто выглядит фактически как коллективный сговор ради уничтожения научного оппонента). И эта замена привела к тому, что стремление к объективности уже стало трактоваться как стремление к тоталитарной власти. А ученый, служитель науки и приверженец классических идеалов, становится деятелем, ревностно оправдывающим тоталитарные режимы[6].

Но этот спор между ревнителями объективного знания (и скрытой за этим формы власти), с одной стороны, и «ирониками» (Р. Рорти), риториками и литературными научными критиками, с другой стороны, оказывается тупиковым и похожим на старые средневековые «диспуты о чем угодно» (disputatio quodlibetaria) у схоластов[7], поскольку в настоящее время уже становится ясным, что в связи с современными радикальными вызовами подобные споры не дают нам ответа на главный вопрос: что такое собственно наука как *институт развития*? Если учесть также то, что современные науки уже давно не выступают как отдельные науки, а больше – как технонауки, нейронауки, НБИКС-проекты и т.д., что приводит нас к необходимости не обсуждать внутринаучные академические споры, а пытаться искать ответы, касающиеся в целом роли науки как такого института развития, который может предложить обществу ответы на радикальные вызовы[8].

---

[6] Хотя речь идет больше о смене онтологической установки, о «смене аспекта», об изменении оптики, связанной с изменением самой социокультурной ситуации (подробнее об установках в философии и науке см. в нашей работе [9]).

[7] «Диспуты о чем угодно» были регулярными в средневековых университетах. Они были посвящены не столько доказательству бытия божия и иным онтологическим аргументам, сколько тому, кто из участников более изящно и тонко, более аргументированно проинтерпретирует какое-нибудь темное место из Священного Писания. Эти диспуты были больше похожи на конкурсы элоквенции, нежели на споры ученых мужей, что, впрочем, было одно и то же. Диспуты о чем угодно проходили в университетах как соревнования ежегодно в течение двух недель. Занятия на время диспута отменялись. Диспут проходил в большом зале, публично, в присутствии всей профессуры и магистров. «Кводлибетарий» («чегоугодник») был больше похож на участника рыцарского турнира, только интеллектуального, нежели на богослова-схоласта [7, с. 46–53].

[8] Сдвиг наук в сторону технонаук является отдельной темой для анализа (см. также [1; 3; 12]). Здесь же только отметим, что становление таких гибридных форм, кентавр-систем, соединяющих науки и технологии, как раз и связано с тем, что технонауки демонстрируют переход на качественно иной уровень научно-технологических разработок, в большинстве своем обусловленных военными заказами на создание «умного оружия» и освоение космоса, а также тем, что технонауки реально претендуют не только на формирование нового технологического уклада, но и на изменение в целом модели социума, а также идеи и концепта человека – в сторону разного рода проектов постчеловека, что в итоге влечет (и это уже происходит) реальное изменение самой среды обитания, становящейся техноморфной,

Дело в том, что и П. Фейерабенд с темой науки как формы власти, и Т. Кун с темой научных сообществ неминуемо выталкивали себя на проблему, которую ни обсуждать, ни тем более решать в пределах собственно темы научного знания невозможно. Они выводили себя на тему институциональных форм науки, точнее, на тему формирования самих научных институций, не имеющих никакого отношения ни к проблеме истины, ни к проблеме научного знания, хотя бы даже и в версии новомодной социальной эпистемологии.

Самоопределение на развилке

Вопрос о том, какая наука нужна в мире и в нашей стране, не является вопросом сугубо узконаучным. Ответ на него придется искать представителям разных профессиональных групп, разным стейкхолдерам. Потому что вопрос о будущем науки как *института развития* связан не с тем, какие научные проекты в области физики или математики необходимо разворачивать в конкретных лабораториях конкретных НИИ. Прежде всего это вопрос о том, какая должна выстраиваться *модель самоорганизации научного сообщества* в соответствии с теми вызовами, которые стоят перед миром или страной. Это вопрос о правилах, нормах, процедурах и практиках взаимодействия науки и общества, науки и власти, взаимодействия научных сообществ и групп между собой. Это вопрос о построении совместной жизни ученых и других групп на конкретной территории.

По каким законам и правилам будет организована эта жизнь?

По правилам *научной деревни*, в которой живут ученые, занимающиеся своим отдельным делом, не думающие о соседях и получающие от хозяина-феодала плату за работу?

По правилам *закрытой университетской корпорации*, в которую посредством специальных ритуалов посвящения вводят неофитов?

и, соответственно, всех интерфейсов взаимодействия (человек – машина, человек – природа, социум – техника и проч.). Но ключевым признаком технонаук является смена онтологической установки: оптика смещается от *исследования объектов* с заданными свойствами и от связанных с этим *генерации и трансляции знаний об объекте* (как базового процесса) в сторону *конструирования реальности*, когда само знание уже не добывается, а конструируется. В силу чего собственно знаниецентризм уходит в прошлое. На первое место выходит фактически формирование особой сферы – *социально-научно-технической инженерии* как гибридной реальности, в которой наука, техника, управление, социум, политика образуют некий сплав, социокультурную амальгаму. Но об этом мы поговорим в другой работе.

По правилам закрытой *научной «шарашки»*, в которой живут ученые, получающие пайки за свои разработки, но за пределы огороженной территории не имеющие права выйти?

По правилам секретной *современной технологической лаборатории*, где ученые занимаются закрытыми научно-технологическими разработками для обороны, внедрение которых строго засекречено?

По правилам *открытого научного города-региона*, где живут и работают разные научные сообщества, представители которых включены в *мировые научные сети и коммуникации*? Но в таком случае ученые обсуждают не свои узкокорпоративные интересы и проблемы, а проблемы, связанные с глобальными вызовами, стоящими перед миром, перед человечеством. Согласно такому формату наука вообще экстерриториальна и не принадлежит определенному месту, стране, государству. Но с другой стороны, за обладание знаниями и технологиями, разрабатываемыми в таких лабораториях, разворачивается жесткая конкурентная борьба между странами и между корпорациями[9].

Очевидно, что востребованным в настоящее время является последний из названных форматов. Но в таком случае задача заключается в том, чтобы выработать *новую человекоразмерную модель жизнедеятельности научных сообществ*, создающих *институт развития науки*, встроенный в мировые тренды и мировые сети передовых научно-технологических разработок и поисков, направленных на то, чтобы получить ответы на мировые вызовы, и улучшающих качество жизни миллионов людей. Именно такая задача и должна стоять во главе угла в современной научно-технической политике государства. И это уже вопрос национальной безопасности. В таком случае занятие наукой перестает быть частным делом и личным интересом отдельного ученого. Даже если он занимается раскопками скифских курганов, или расшифровкой новгородских берестяных грамот, или обсуждением прошедших в 1929 г. философских дискуссией между Э. Кассирером и М. Хайдеггером[10].

Важность такого подхода объясняется очень просто. Во многом выбор тех или иных научных и технологических стратегических приоритетов связан не с самими по себе техникой и технологией, а с компетенциями лиц, принимающих решения, с их мировоззренческими

[9] История с пандемией коронавируса это отчетливо показала.

[10] Как это в очередной раз показал М. Фридман, книга которого недавно издана на русском языке [14].

и социальными позициями, с их пониманием того, какие должны быть выбраны приоритеты, каковы современные вызовы и как на эти вызовы надо отвечать, т.е. какую научно-техническую политику необходимо вырабатывать. Поэтому то, что до сих пор развитие гуманитарных и социальных наук, социальных и гуманитарных технологий, связанных с формированием научного концептуального мировоззрения, с выработкой новых соответствующих вызовам проектов человека, не включено в списки национальных приоритетов и критических технологий, является следствием узкотехнократического понимания современной ситуации.

Основной вызов

С описанным выше связаны основной вызов для научного сообщества и его основная задача: необходимо перейти к новым *институциям*, новым *субъектам* и *инфраструктурам*, к сетевым мировым проектно и программно организованным научным сообществам, в которых главным становятся не сохранение собственного status quo и даже не служение абстрактной истине, не «ритуальные» отчеты, рейтинги и индексы, а служение благу, людям с их проблемами, потребностями и желанием жить достойно и счастливо[11].

Период господства большой академической науки, которая содержится на гарантированные бюджетные деньги, закончился. На месте уходящей академической науки необходимо выстраивать инновационные технологические территории с развитой институциональной инфраструктурой. Самостоятельно ученые этого не сделают, это воз-

[11] То, что эта проблема не искусственная, не надуманная, но до сих пор не включена в повестку дня для научного сообщества, подтверждается тем, какая в нашей стране продолжает доминировать форма отчетности НИИ перед Минобрнауки. Согласно госзаданию научные сотрудники должны представить определенное количество публикаций с присвоенными им DOI. Отчеты упаковываются в соответствующие формы, посылаются в министерство, где их проверяет робот, соответствующая программа (на предмет наличия или отсутствия DOI). На содержание никто не смотрит. Под госзадание спускаются бюджетные средства. Власть поддерживает эту имитацию научной деятельности. Если снизу поступают какие-то предложения, касающиеся изменения самой институциональной формы организации науки, то вся система – и министерство, и руководство РАН – встречает такие предложения в штыки. Как это произошло совсем недавно с поступившими в Правительство РФ от НИЦ «Курчатовский институт» предложениями относительно институциональной реорганизации науки и создания пяти научных кластеров [17]. Этот спор еще не закончен.

можно лишь при изменении всей стратегии управления развитием территорий и, шире, всей национальной научной политики.

На повестке дня стоит вопрос о формировании нового технологического уклада, который по определению носит глобальный характер и кардинально меняет весь образ жизни и мышления людей. Научный мир, мир идей и поисков по определению открыт и интернационален. Наука по определению экстерриториальна. А значит, правила игры для научного сообщества должны соответствовать ценностям и принципам блага и открытости[12].

Формат грантов и целевых программ также не может быть достаточным для решения масштабных задач. За последние годы в стране выросло целое поколение «грантоежек», живущих короткими циклами от гранта к гранту. Такой формат не может задать устойчивость и институциональность развития.

Привычные форматы лабораторий и НИИ тоже не могут быть единственно эффективными институциями. В ситуации конвергенции и интеграции знаний и технологий необходимо создание межведомственных, межинститутских и междисциплинарных коллективов, работающих над комплексными задачами, связанными с поиском ответов на мировые вызовы.

Деление наук на привычные направления и дисциплины также уходит в прошлое. В мире уже нет так называемых естественных, точных и гуманитарных наук в чистом виде. Нет физики, химии и биологии, истории и психологии. В мировой науке формируются кентавры и гибриды конвергентных наук, НБИКС-технологий, в которых в рамках конкретных научно-технологических направлений и программ знания задействованы квалификации и компетенции самых разных исследователей и разработчиков. Привычное «сидение» в профильных НИИ, лабораториях и отделах – уходящая натура. И никто уже не скажет, понадобится ли завтра столько физиков, математиков, инженеров, биологов, историков или социологов и понадобятся ли они вообще[13]. Никто этого не знает. И не узнает, поскольку все они, возможно, уже сегодня не нужны.

Между тем заказ на новое поколение техноученых, разработчиков и исследователей нового типа давно созрел. Например, по данным Ми-

[12] С. Фуллер в своей статье [16] задал вполне резонный вопрос: если наука – это общественное благо, то почему им владеют только ученые?

[13] Про философов речь вообще не идет. Руководство РАН не знает на самом деле, что ему делать с научными институтами, в которых работают философы. Их просто терпят до поры, до времени.

нобрнауки, для реализации стратегии научно-технологического развития страны нужно около 50 тыс. новых сотрудников, ученых-исследователей, инженеров и проч., причем специалистов нового поколения, чьи разработки встроены в проекты мирового уровня. Это огромная цифра.

Томский государственный университет на Красноярском экономическом форуме в 2018 г. представил запущенный им незадолго до этого проект «Школа ключевых исследователей». В рамках этого проекта каждый год планируется выпускать 200 молодых исследователей – разработчиков научных проектов мирового уровня. Если представить, что по стране будет работать 10 подобных центров и школ, в том числе и в Новосибирске, что вполне реально, то все эти центры каждый год будут выпускать 2 тыс. специалистов – руководителей научных групп. Чтобы достичь цифры, заявленной Минобрнауки, придется потратить 25 лет. Арифметика не в нашу пользу. Правда, необходимо признать, что 50 тыс. – цифра лукавая. Раньше в больших научных проектах были задействованы сотни ученых и инженеров. Сейчас будет достаточно и десятка ученых, владеющих умными технологиями. Но тем не менее этот пример показывает, что вопрос заключается не в том, что в Новосибирском научном центре, например, работают сотни докторов и кандидатов наук, составляющих его научный потенциал. Вопрос стоит по-другому: под какую модель науки, под какую экономику и под какой технологический уклад, сколько и каких нужно ученых, разработчиков, инженеров, управленцев и т.д. – профессионалов нового поколения? И сколько таких профессионалов готовы и могут выпускать наши вузы?

Для того чтобы получить ответ на заданные выше вопросы, рассмотрим кейс – модель науки в рамках концепции «Академгородок 2.0», реализуемой в Новосибирске[14] (подробнее см. в [2]).

Академгородок 1.0 и Академгородок 2.0: две модели

При разработке нового большого проекта «Академгородок 2.0» стало привычным сравнивать его с проектом «Академгородок 1.0» эпохи М.А. Лаврентьева. При таком сравнении нам кажутся одинаково тупиковыми две стратегии: как стратегия возврата, реанимации утра-

[14] Автор статьи принимал участие в разработке рабочей модели науки для Академгородка 2.0, которая затем была отражена в Концептуальном Манифесте [2].

ченных принципов и правил, по которым строился Академгородок периода Лаврентьева, так и стратегия полного отказа от предыдущего проекта Академгородка. Но в любом случае запрос на академические городки и наукограды пока не очевиден с точки зрения образа будущего. Еще только предстоит понять место и роль научных городков в новом технологическом укладе.

Обе названные стратегии кажутся нам тупиковыми, нерабочими. Поэтому мы предлагаем обсуждать проект периода Лаврентьева и предполагаемый проект «Академгородок 2.0» как две разные *модели*, которые построены на основе разных принципов, но в настоящее время могут быть использованы в разных ситуациях в зависимости от запросов и проблем развития. В этом плане Академгородок 1.0, Городок Лаврентьева, никуда не ушел. Эта модель работает во вполне определенной социально-экономической ситуации. Она может быть воспроизведена. А модель Академгородка 2.0 еще вообще не построена и лишь частично, медленно, с трудом начинает как-то создаваться. Поэтому сравнивать то, что было сделано за 50 лет в рамках проекта «Академгородок 1.0» (понимание этого уже выступает во многом интерпретацией), и то, что предполагается сделать (т.е. то, чего еще нет), проблематично, и такое сравнение чревато вкусовщиной и субъективностью. По определению нельзя сравнивать прошлое и будущее, они несравнимы. Поэтому можно говорить о разных моделях научного города, выведенных за пределы времени, разных в принципе.

В таблице представлено описание двух моделей. Введены критерии для сравнения, при этом модели не сравниваются по эффективности: это не плохая и не хорошая модели, это разные модели, которые могут быть использованы для решения разных задач.

Академгородок 1.0 и Академгородок 2.0: две модели науки

Критерий сравнения	**Академгородок 1.0**	**Академгородок 2.0**
Модель поселения	Научный моногородок	Научно-образовательный технополис
Режим территории	Полузакрытый режим. Локальная экосистема с особым режимом управления из центра и особыми полномочиями руко-	Открытый режим. Открытая экосистема. Включение в мировые научно-образовательные центры и проекты.

	водителя. Эксклюзивная модель под задачу. Мягкая форма «шарашки»	Включенность в мировую сеть в качестве самостоятельного узла со своим уникальным вкладом, лицом, ролью
Отношения с центром	Удаленность от центра («не мешайте работать»)	Партнерство. Заказ-подряд
Главный критерий научных проектов	Эксперимент как норма. Решение невозможных, запредельных задач-головоломок	Кентавр-системы, гибридные формы. Интеграция науки, экономики, технологий, образования во имя решения запредельных комплексных задач.
Развитие сфер жизнедеятельности	Наукоцентризм. Сфера «наука» доминирует. Остальные сферы жизнедеятельности придаточны	Полисферность. Развитие и связность всех сфер
Место с точки зрения пространственного развития страны	Создание интеллектуального центра за Уралом. Сибирский форпост. Освоение Сибири	Сохранение интеллектуального центра между западом и востоком страны. Центр в южно-сибирском урбанизированном кластере
Тип инвестиционной площадки	Научный гринфилд	Научно-образовательный технологический браунфилд
Значение места обитания для отдельного человека с точки зрения личностного развития и карьерного роста	Возможность полного карьерного цикла от выпускника школы до академика	Сочетание полного карьерного цикла и возможности выбирать траекторию в условиях открытости мира и мобильности
Жизненный цикл лабораторий и научных исследований	Наличие «вечных лабораторий»	Наука «между стен». Реконфигурация. Модульность Межинститутские лаборатории и проекты
Субъект и модель управления	Сочетание автономии и ручного управления со стороны Лаврентьева.	Проблема поиска нового субъекта. Необходимость формирования коллектив-

	Академгородок как личный проект академика	ного субъекта. Никто не возьмет на себя Академгородок как свой личный проект
Финансирование	Целевые средства. Строка в национальном бюджете	Сочетание целевых программ, инвестиций, национальных проектов. Бюджеты разных уровней
Приоритеты и отношение к человеку	Выполнение научных, оборонных, космических заказов. Человек – придаток к проектам, умная функция в больших научных машинах.	Человек – в центре как главный критерий. Возможность самореализации для людей. Возможность включения в наукоемкие проекты мирового уровня

Проектная идея для модели науки. Кейс новосибирского Академгородка

Несколько лет назад Новосибирская область была заявлена как пилотный регион для реализации Стратегии научно-иехнологического развития РФ. Человеческий капитал при этом был обозначен в качестве приоритета в стратегии социально-экономического развития региона. Но понимаем ли мы, что это значит? Заявляя это, что мы имеем в виду и как выстраиваем свои стратегические ориентиры? Воплощается ли заявленное в адекватные форматы, способы работы и стратегические показатели?

Если признать, что действительно не сырье и не пространство, а именно человеческий ресурс (являющийся одновременно весьма дефицитным) выступает стратегическим ресурсом развития, то что это означает? Пока это существует в виде деклараций о том, что Новосибирская область обладает уникальным потенциалом с точки зрения накопленного человеческого капитала. И далее идут привычные цифры (данные по ННЦ СО РАН из отчетного доклада председателя СО РАН В.Н. Пармона 9 апреля 2020 г. [6]): численность научных сотрудников – 1615, кандидатов наук – 3025, докторов наук – 1261, членов-корреспондентов РАН – 65, академиков РАН – 74, общая численность работающих в ННЦ – 16039, количество научных институтов и федеральных исследовательских центров – 37 (56 НИИ).

Если добавить данные из Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области по человеческому интеллектуальному потенциалу, то они такие [11]: количество учреждений высшего профессионального образования – 24, из них семь негосударственных, а также шесть филиалов вузов; количество учреждений среднего профессионального образования – 58 (численность студентов – 32,5 тыс. чел.); по числу студентов на 10 тыс. жителей – четвертое место в РФ всего более 106 тыс. чел.

Надо признать, что приведенные данные, кочующие из документа в документ, не могут быть показателями развития человеческого (глубже – научного) потенциала. Само по себе число ученых с научными степенями и число студентов не могут быть показателями ни потенциала, ни меры и глубины научных разработок. Более того, львиная доля сотрудников со степенями в НИИ просто числятся и давно наукой не занимаются. А коль скоро основным показателем их научной деятельности является публикационная активность, то они просто пишут статьи, пересказывая в них прочитанные книжки (в лучшем случае). Особенно это характерно для общественных и гуманитарных наук.

Необходимо вводить иной критерий эффективности научных знаний и деятельности ученого. Например: число ученых → из них доля занятых разработками → из них доля выполнивших разработки, внедренные в экономику, социум, культуру, образование, управление. По этой цепочке Новосибирская область вовсе не является пока лидером. Поэтому мало иметь большое количество научных институтов и ученых. Необходимы иные показатели, по которым можно судить об эффективности научных разработок, качестве научной среды и степени развития научной инфраструктуры. Например, по данным из уже приведенного доклада В.Н. Пармона, доходы научных организаций СО РАН в 2019 г. составили 40 718 700 руб. Много это или мало? Если вспомнить число научных сотрудников (см. выше), то в среднем один научный сотрудник в 2019 г. принес доход в размере 25 212 руб. То есть наука – дело в нашей стране сугубо затратное. Страна содержит избыточное количество ученых.

Сегодня мы пока не имеем разработанной и согласованной всеми научными группами модели науки для концепции «Академгородок 2.0». В настоящей статье и предлагается проектная идея для разработки такой модели науки.

В Академгородке живут и работают представители нескольких научных групп, которые между собой не дружат и почти не вступают во взаимодействия. Каждая группа (в лице лидера-академика) ратует за

то, чтобы ее программа научных исследований вошла как приоритетная в программу целевого государственного финансирования. От вхождения в эту программу зависит фактически будущее существование группы. Такая ситуация вообще-то не устраивает никого – ни федеральную власть, ни самих ученых, поскольку все понимают, что без создания «зон обмена» и без организации научных коалиций все будут проигрывать в мировой конкуренции. Научные группы и сообщества должны вступать в «зону обмена дарами» (П. Галисон), должны чувствовать нужду друг в друге.

Поэтому перед федеральной и региональной властью, перед научными и другими сообществами встает целый ряд задач:

1) выработать новые правила игры, выступающие критериями для формирования пакета межнаучных междисциплинарных проектов и программы, которые станут драйверами развития территорий и научных направлений;

2) создать новых коллективных субъектов науки, выйти за пределы отдельных НИИ, развивая формат межведомственных коалиционных проектов, сформировать пакет проектов, выстраивающих не только межнаучную, но и межведомственную кооперацию;

3) выйти за пределы собственно научных проектов в сферу социальных, культурных и иных обменов и создать *слоистую инфраструктуру*, на которую будет опираться в целом развитие территории и которая обеспечит формирование нового типа институционального взаимодействия и нового способа жизни вообще.

В целом, сверхзадача становится многослойной:

- формирование новых *субъектов науки*;
- создание новых *форматов научных коммуникаций*;
- формирование новых *научных институций*;
- формирование новой научной (межнаучной) *инфраструктуры.*

Все четыре задачи-направления должны быть ориентированы на выработку новых *правил игры* для всех участников. На основе выработки правил игры необходимо продолжить выстраивать концепцию «Академгородок 2.0», которая будет включать разделы, соответствующие названным четырем направлениям: субъекты, коммуникации, институции, инфраструктуры.

Обозначенные четыре направления конкретизируются и выстраиваются под единый конструкт:

- приоритетные исследования (мировая повестка);
- организационная модель;
- финансовая модель;
- обеспечение кадрами;
- базовые ценности и принципы

В качестве надстроек должны выступать и разработанная *модель управления*, и *нормативная база.*

Следствием реализации вышеназванных направлений станет то, что привычный Академгородок будет *переформатирован и переструктурирован*. Привычные карты городка с указанием на его территории НИИ и КБ, объектов социальной инфраструктуры, школ и проч. уходят в прошлое. Карты придется перерисовывать, точнее, на территории придется конструировать новую модель всей организации совместной социально-научно-культурной жизни людей, объединенных в новых проектах, выстраивающих новые коммуникации, следующих новым институциям и ведущих жизнедеятельность в условиях новой инфраструктуры.

Это требует иной формы самоорганизации, ключевым признаком которой является вся цепочка капитализации знаний: *ключевая глобально значимая проблема – постановка научной проблемы – замысел, научная идея – эксперимент – поисковые разработки – масштабирование – создание новых индустрий – производство нового технологического продукта – внедрение в повседневную практику, меняющую качество жизни.* Только полная цепочка со всеми расчетами и должным масштабом, с институциональной и инфраструктурной обеспеченностью выступает ключевым критерием включения (или невключения) научного проекта в государственные и региональные программы финансирования.

Параллельно выстраиванию научного социума в логике цепочки капитализации знаний должна создаваться инфраструктура управления развитием научной сферы. В свою очередь, это должно составить такую цепочку: *аналитика мировых научных трендов – сценирование – экспертиза научных идей и разработок – проектирование и программирование (включая нелинейный форсайт) – диагностика ситуации и разработок – формирование институций внедрения – мониторинг внедрения – диагностика результатов.*

Формирование института развития науки

Из сказанного выше вытекает, что необходимо формирование института развития науки, отвечающего за выработку и реализацию приоритетов, принципов и направлений государственной научной политики. Каковы примерные рамочные требования к этому институту?

Во-первых, это структура, инициирующая авангардные научные проекты, выводящие научные исследования на передовые рубежи, в пределе – на позиции, опережающие актуальные мировые разработки и исследования.

Во-вторых, этот институт должен

– осуществлять системный научный и технологический форсайт за счет нелинейных прогнозов, опросов, дельфи-опросов, экспертных панелей, глубинных интервью, мониторинга и проч. Это значит, что форсайт необходим как постоянная институция;

– выполнять экспертизу научных, образовательных, экономических и прочих программ и проектов развития, приоритетных для государственной научно-образовательной и инновационной политики;

– обеспечивать повышение квалификации и переподготовку управленческих кадров для науки, разработку и реализацию программ повышения квалификации, подготовку научного кадрового резерва;

– выступать полноценным субъектом права. Не подразделением большой структуры (РАН), не просто отдельным учреждением (ФГБУН), а субъектом, имеющим права учредителя научных направлений, научных центров, институтов, организаций с соответствующей законодательной инициативой, но с территориальной спецификой, состоящей в том, чтобы осуществлять государственную научную политику на территории Сибири. Типа научного полпредства, но с ресурсами и полномочиями.

Исходя из этого и ставятся задачи на ближайшие годы:

- формирование экспертного пула из топ-экспертов мирового уровня по разным направлениям мировой научной повестки;
- разработка и запуск первых программ повышения квалификации и переподготовки управленческих кадров для науки;
- формирование институции научного Форсайта;
- подготовка законодательных инициатив относительно становления научного полпредства.

По каждому направлению необходима своя программа действий.

Литература

1. *Андреев А.Л.* Технонаука // Философские науки. – 2011. – Т. 16. – № 1. – С. 200–218.

2. *Аникин Ю.А., Смирнов С.А., Соболевский А.В., Ти С.В., Травина И.А.* Академгородок 2.0. Концептуальный Манифест. – URL: http://www.akademgorodok2.ru/manifest (дата обращения: 25.12.2020).

3. *Кошовец О.Б., Фролов И.Э.* «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технонауку // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. – № 1. – С. 20–31.

4. *Кун П.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

5. *Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 ч. Часть первая: Философия науки: исследовательские программы. – СПб.: ИД «Міръ», 2011. – 503 с.

6. *Пармон В.Н.* О работе в 2019 году Сибирского отделения РАН и институтов, подведомственных Минобрнауки России и находящихся под научно-методическим руководством СО РАН, и задачах на 2020 год. 9 апреля 2020 г. – URL: https://www.sbras.ru/files/files/otchet_parmon_obshch_sobr_so_ran_09_04_2020.pdf

7. *Рабинович В.Л.* Полдень Средневековья. – М.: Эксмо, 2013. 400 с.

8. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В.В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.

9. *Смирнов С.А.* Онтологическая установка (к вопросу о смысле понятия) // Философия науки. – 2020. – № 2. – С. 3–20.

10. *Смирнов С.А.* О типах рациональности: М. Хайдеггер глазами аналитической философии // Философия науки. – 2019. – № 3. – С. 31–60.

11. *Стратегия* социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Новосибирской области от 19.03.2019 № 105-п «О Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года». – URL: // http://www.nso.ru/page/2412

12. *Технонаука* и социальная оценка техники (философско-методологический анализ) / Под ред. И.В. Черниковой. – Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 172 с.

13. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки: / Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.

14. *Фридман М.* Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 352 с.

15. *Фуллер С.* Если наука – это общественное благо, то почему им владеют ученые? // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. – № 4. – С. 23–39.

16. *Фуллер С.* Кун против Поппера: Борьба за душу науки / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Канон+, 2020. – 272 с.

17. *No* comment. – URL: // https://trv-science.ru/2020/12/kovalchuk-no-comment/ (дата обращения: 27.12.2020г.).

References

1. Andreev, A. L. (2011) Tekhnonauka [Techno science] // Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]. 2011. Vol. 16. 1. 200–218. (In Russ).

2. Anikin, Yu. A., Smirnov, S. A., Sobolevskij, A. V., Ti, S. V., Travina, I. A. (2020) Akademgorodok 2.0. Konceptual'nyj Manifest [Academgorodok 2.0. Conceptual Manifesto] // URL: http://www.akademgorodok2.ru/manifest (date accessed 25.12.2020). (In Russ.).

3. Koshovets, O.B., Frolov, I. E. (2020) 'Prekrasnyj novyj mir': o transformacii nauki v tekhnonauku [Brave new world: On science transformation into technoscience] // Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 57. 1. 20–31. (In Russ).

4. Kun, T. (1977) Struktura nauchnyh revolyuciy [The Structure of Scientific Revolutions]. / Transl. from Engl. Moscow: Progress Publ., 1977. (In Russ.).

5. Ogurtzov, A. P. (2011) Filosofiya nauki: dvadcatyj vek: Koncepcii i problemy. Chast' pervaya. Filosofiya nauki: issledovatel'skie programmy [Philosophy of Science. XX age. Concepts and Problems. Part 1. Philosophy of Science: Research Programs]. SPb.: «Mir» Publ., 2011. 503 p. (In Russ.).

6. Parmon, V. N. (2019) O rabote v 2019 godu Sibirskogo otdeleniya RAN i institutov, podvedomstvennyh Minobrnauki Rossii i nahodyashchihsya pod nauchno-metodicheskim rukovodstvom SO RAN, i zadachah na 2020 god. 9 aprelya 2020 g. [On the work in 2019 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and the institutes subordinate to the Ministry of Education and Science of Russia and under the scientific and methodological guidance of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, and tasks for 2020] // https://www.sbras.ru/files/files/otchet_parmon_obshch_sobr_so_ran_09_04_2020.pdf (date accessed 28.12.2020). (In Russ.).

7. Rabinovich, V. L. (2013) Polden' Srednevekov'ya [Middle Ages noon]. Moscow: Eksmo Publ., 2013. 400 p. (In Russ.).

8. Rorti, R. (1997) Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the Mirror of Nature] / transl. from Engl. V. V. Tzelishchev. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1997. 320 p. (In Russ.).

9. Smirnov, S. A. (2020) Ontologicheskaya ustanovka (k voprosu o smysle ponyatiya) [Ontological Proposition (to the question of the meaning of the concept)] // Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. 2. 3–20. (In Russ.)

10. Smirnov, S. A. (2019) O tipah racional'nosti. M. Hajdegger glazami analiticheskoj filosofii [On types of rationality: M. Heidegger in the view of analytical philosophy] // Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. 3. 31–60. (In Russ.).

11. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Novosibirskoj oblasti na period do 2030 goda, (2019) [The Strategy of Socio-Economical Development on 2030 year]. Postanovlenie Pravitel'stva Novosibirskoj oblasti ot 19.03.2019 № 105-p «O Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Novosibirskoj oblasti na period do 2030 goda» // http://www.nso.ru/page/2412 (date accessed 29.12.2020). (In Russ.).

12. Tekhnonauka i social'naya ocenka tekhniki (filosofsko-metodologicheskij analiz) [Technoscience and social assessment of technology (philosophical and methodological analysis)] Monography (2015) / ed. I.V. Chernikova. Tomsk.: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2015. 172 p. (In Russ.).

13. Fejerabend, P. (1986) Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected Works on Methodology of Science] / transl. from Engl. and Germ. Moscow: Progress Publ., 1986. 542 p. (In Russ.).

14. Fridman, M. (2021) Filosofiya na pereput'e: Karnap, Kassirer i Hajdegger [A Parting of the Ways Carnap, Cassirer and Heidegger] / Transl. from Engl. V. V. Tzelishchev. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» Publ., 2021. 352 p. (In Russ.).

15. Fuller, S. (2020) Kun protiv Poppera: Bor'ba za dushu nauki [Kuhn vs Popper. The Struggle for the Soul of Science] / Transl. from Engl. V. V. Tzelishchev. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya» Publ., 2020. 272 p. (In Russ.).

16. Fuller, S. (202) Esli nauka – eto obshchestvennoe blago, to pochemu im vladeyut uchenye? [If Science Is a Public Good, Why Do Scientists Own It?] // Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science] 2020. Vol. 57. 4. 23–39. (In Russ.).

17. No comment (2020). URL: // https://trv-science.ru/2020/12/kovalchuk-no-comment/ (data accessed 27.12.2020g.). (In Russ.).

Информация об авторе

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
smirnoff1955@yandex.ru.

Information about the author

Smirnov Sergey Alevtinovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia)
smirnoff1955@yandex.ru).

Дата поступления 15.01.2021

Проблемы логики и методологии науки

УДК 165.4
DOI: 10.15372/PS20210105

В.В. Целищев, А.В. Хлебалин

ПАРАДОКСЫ И ИНТЕНСИОНАЛЬНОСТЬ В ОСНОВАНИЯХ МАТЕМАТИКИ*

В статье рассматривается разрыв экстенсионального и интенсионального элементов математического дискурса в разработке программ оснований математики. Показано, что стремление Ф. Рамсея через типологию парадоксов разделить интенсиональный и экстенсиональный элементы дискурса обернулось инверсией его проекта. Обосновывается, что разработка теоретико-множественных оснований математики предполагала экстенсиональную трактовку математики, тем не менее столкнулась с необходимостью допущения интенсионального элемента, например в связи с аксиомой выбора. Показано, что допущение интенсионального элемента математического дискурса связано с философскими программами, тогда как экстенсиональная трактовка мотивируется математическими принципами.

Ключевые слова: интенсиональное; экстенсиональное; теоретико-множественные основания; аксиома выбора

V.V. Tselishchev, A.V. Khlebalin

PARADOXES AND INTENSIONALITY IN THE FOUNDATIONS OF MATHEMATICS

The article considers the gap between the extensional and intensional elements of mathematical discourse in the development of programs concerning the foundations of mathematics. It is shown that F. Ramsey's desire to separate the intensional and extensional elements of discourse through the typology of paradoxes turned into an inversion of his project. The substantiation is produced that the development of the set-theoretic founda-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00518).
© Целищев В.В., Хлебалин А.В., 2021

tions of mathematics presupposed an extensional interpretation of mathematics, but nevertheless faced the need to assume the intensional element, for example, in relation to the axiom of choice. It is shown that the assumption of the intensional element of mathematical discourse is connected with philosophical programs, while the extensional interpretation is motivated by mathematical principles.

Keywords: intensional; extensional; set-theoretical foundations; axiom of choice

Разделение Ф. Рамсеем парадоксов на теоретико-множественные и лингвистические привело к разделению дискурсов на экстенсиональные и интенсиональные. Первые представлены математикой, под которой понималась система *Principia Mathematica*, а вторые – семантическими рассмотрениями, в которых значение и смысл играли важную роль.

Как оказалось, эта стратегия ввела в заблуждение саму идею разделения экстенсионального и интенсионального, потому что *Principia* в значительной степени опиралась на понятие пропозиции, анализ которой подразумевал проблематику пропозициональных установок, парадигмальных примеров интенсиональных контекстов. Понимание противоречивости подобной позиции выразилось в настойчивом стремлении математиков исключить *Principia* из собственно математики. Что касается семантических парадоксов, то трактовка А. Тарским понятия истины в формализованных языках обладает всеми признаками математического контекста. Таким образом, мы имеем нечто вроде инверсии точки зрения Ф. Рамсея на природу парадоксов.

Создавшаяся противоречивая ситуация является результатом не просто беспорядочного блуждания в лабиринтах парадоксов, а следствием неверного диагноза природы парадоксов, поставленного Ф. Рамсеем. Как известно, этот диагноз был призван уменьшить трудности, с которыми столкнулась *Principia* в результате самокритики Б. Рассела, критики Л. Витгенштейна и разных оценок правильности стратегий *Principia* в разрешении парадоксов.

Важной особенностью последних десятилетий явилась ревизия упрощенных представлений о способах и мотивах обращения Б. Рассела с парадоксами [10]. В частности, представление о намеренном введении разветвленной теории типов как инструмента разрешения парадоксов оказалось исторически неверным, поскольку она имела конкурентом так называемую подстановочную теорию Рассела. Другим интересным моментом является ревизия мотивов уменьшения сложности разветвленной теории в пользу простой теории типов – тенденция, которую позднее охотно поддержал У. Куайн [2]. Оба этих обстоятельст-

ва, как будет показано ниже, имеют прямое отношение к вопросу о легитимности интенсионального контекста в математике. Другими словами, пересмотр роли *Principia* в обосновании «вторичности» интенсиональных контекстов может дать основания для новой классификации парадоксов.

Разделение математических контекстов на интенсиональные и экстенсиональные имело более точный смысл в виде «разрыва» этих характеристик в связи с аксиомой Цермело, утверждающей, что для всякого семейства непустых множеств существует функция выбора, ставящая в соответствие каждому множеству один его элемент. Этот чисто математический результат привел к серии философских разногласий касательно природы бесконечного. Характеристика множества (или класса) может быть задана двумя путями: экстенсиональным (через перечисление элементов множества или членов класса) или же интенсиональным (через указание свойства, которым обладают все элементы множества). В случае конечных множеств оба способа задания характеристики множества эквивалентны. Если же множество бесконечно, то ситуация с экстенсиональной характеристикой проблематична.

Предпринятая Э. Цермело аксиоматическая трактовка теории множеств включала аксиому выбора, которая легитимирует экстенсиональную характеристику. Аксиома утверждает следующее: если задано бесконечное семейство непустых классов, всегда существует другой класс, который имеет точно по одному элементу из каждого класса семейства. Фактически аксиома утверждает, что такой класс существует, хотя не дается никакой интенсиональной его характеристики.

Если аксиома верна, тогда, грубо говоря, можно обойтись без интенсиональной характеристики и для бесконечных множеств, и тогда мы имеем ситуацию разрыва экстенсионального и интенсионального. Этот разрыв породил важное изменение в понимании природы математики и логики. Гарантируемый аксиомой выбора класс должен существовать, но нет каких-либо оснований для демонстрации такого утверждения. У нас нет эпистемологически отчетливой процедуры для отбора определенного объекта из бесконечной совокупности.

Знаменитый пример Б. Рассела иллюстрирует трудности в принятии аксиомы выбора, которая у него носит название аксиомы мультипликативности: «Мы знаем, что 2 × Алеф-Нуль = Алеф-Нуль. Отсюда мы могли бы предположить, что сумма Алеф-Нуль пар должна иметь Алеф-Нуль терминов. Но хотя мы можем доказать это в некоторых случаях, мы не можем сделать этого всегда, до тех пор, пока не пред-

положим аксиому мультипликативности. Это обстоятельство иллюстрируется миллионером, который покупал пару носков всякий раз, когда он покупал пару обуви, и только в этом случае, и он имел такую страсть к подобным покупкам, что однажды купил Алеф-Нуль пар носков и Алеф-Нуль пар обуви. Тут возникает проблема: сколько у него ботинок и сколько у него носков? Было бы естественно предположить, что у него в два раза больше ботинок и в два раза больше носков, чем пар каждого вида покупок, и отсюда у него Алеф-Нуль каждого, так как это число не увеличивается при удвоении. Но это пример трудности, уже замеченной ранее… Иногда это может быть сделано, иногда нет. В нашем случае это может быть сделано с ботинками, но не с носками, за исключением самых искусственных методов. Причина разницы такова: среди ботинок мы можем различить правые и левые, и следовательно, мы можем сделать выборку из каждой пары, а именно, мы можем выбрать все правые или все левые ботинки; но с носками такого принципа выборки не видно, и мы не можем быть уверены до тех пор, пока не предположено аксиомы мультипликативности, что имеется некоторый класс, состоящий из одного носка каждой пары. Отсюда и проблема» [4, с. 161–162].

Сторонники аксиомы выбора выдвигали в ее защиту технические, или лучше сказать прагматические, резоны, суть которых сводилась к тому, что многие известные результаты, например что каждое множество может быть вполне упорядочено, эквивалентны этой аксиоме. Более общая защита состояла в том, что аксиома истинна в силу принятия модусов вывода, которые, с одной стороны, верны, а с другой стороны, интуитивно очевидны и необходимы для науки. Но с более общей философской точки зрения, точнее с точки зрения эпистемологии, можно оправдать аксиому апелляцией к способу указания множеств. Критики аксиомы говорят, что такое указание лишено смысла в случае бесконечных множеств, которые являются предметом математики. Но на саму математику можно посмотреть как на эмпирическую дисциплину, и тогда указание на множества будет похоже на указание на обычные физические предметы. Последнее предполагается непроблематичным, и мы получаем эмпирическую (и даже физическую) теорию абстрактных объектов. В этом случае к множествам применимы методологические принципы, используемые в эмпирических науках, где истинность утверждений определяется индуктивными соображениями. Таким образом, аксиома выбора оправдывается как некоторый (естественно-)научный принцип. «Другими словами, нет (в математике) стан-

дартов помимо и свыше тех, что неявно признаются в научной практике. Если принцип широко используется (даже если и неявно), если он ведет к общепризнанным результатам, которые не могут быть получены без него, и если он не ведет к противоречиям, тогда все "философские" возражения неуместны, так как они должны опираться на стандарты, которые не имеют значения в математике» [1, с. 163].

Такая линия защиты аксиомы Выбора означает в контексте дихотомии экстенсиональное/интенсиональное крен в сторону экстенсионального. Но это, в свою очередь, означает, что разделение парадоксов на собственно логико-математические и семантические, проведенное Ф. Рамсеем, теряет свою основу. В самом деле, Рамсей преследовал цель упростить разветвленную теорию типов, которая была интенсиональной, в простую теорию типов, которая была экстенсиональной. Таким образом, в характеристике множеств интенсиональный аспект уступает место экстенсиональному. В *Principia* логическим элементом определяющего свойства является пропозициональная функция. «В некотором смысле Рассел считает, что понятие определяющего свойства… онтологически первично и интуитивно яснее, чем понятие класса. Другими словами, Рассел считает, что если нет какого-то свойства, задающего класс, то, собственно, нет и никакого класса. …При этом вопрос о действительном существовании классов не рассматривается, поскольку классы являются… символическими или лингвистическими конвенциями [5, с. 149].

Известно, что Ф. Рамсей под влиянием Л. Витгенштейна подверг критике ряд установок в *Principia*, в том числе интенсиональное определение класса через пропозициональные функции. Весьма интересным, хотя и спорным, является его пример с определением действительного числа по Р. Дедекинду. Действительные числа определяются как любые сегменты рациональных чисел, и при этом совершенно не обязательно, чтобы такой сегмент определялся общим свойством его членов, поэтому действительное число – это объем, и даже, быть может, объем без соответствующего содержания. Но это не мешает нам ссылаться на все или некоторые из этих сегментов вне зависимости от того, являются ли они конечными или бесконечными [5, с. 151].

Б. Рассел отреагировал на такую стратегию Ф. Рамсея следующим образом. Он писал: «…Такая совокупность [совокупность упорядоченных пар, как в примере Рассела] существует, если кто-нибудь собирал ее, или есть нечто эмпирическое или логическое, приводящее к ее существованию. Но если это не так, то какой смысл в такой совокупно-

сти? Я не уверен, значим ли этот вопрос вообще, но если он что-то значит, тогда ответ на него должен быть неблагоприятным для Рамсея» (цит. по: [1, с. 164]).

Сам Б. Рассел не был окончательно «интенсионалистом», следуя «среднему курсу», если обратить внимание на обмен мнениями между Ф. Журденом и Б. Расселом: «Как-то Журден удивлялся, почему интенсиональности необходимы для классов, заметив, что математики ведут себя как боги в своих абстрактных владениях. Рассел ответил, что "даже Создатель должен был понимать, что он собственно создает". …Но несколькими предложениями деле другая сторона его личности подтвердила себя: "Я не считаю, что определение через объем [экстенсионально] логически ограничено конечными классами, но оно для человека, потому что мы не бессмертны"» [7, p. 54–55].

Эта компромиссная позиция объяснялась тем, что несмотря на неприятие им аксиомы выбора, Б. Рассел был вынужден признать, что она необходима для всего проекта логицизма. Как отметил А. Коффа, философская половина Рассела была на стороне интенсионалистов, а математическая – на стороне приверженцев теории множеств Кантора (аксиоматизированной Цермело) [1, с. 165]. Однако и его оппонент Ф. Рамсей был подвержен в этом отношении «соглашательскому» настроению, поскольку в его работах все больше проскакивали прагматистские нотки. И тут некоторые исследователи доходят до того, что считают Рамсея мостиком между прагматизмом XX в. и аналитической философией [3].

Традиционно полагается, что среди основных причин потери интереса к программе логицизма была нелогическая природа аксиомы сводимости. Между тем Ф. Рамсей не считает это «роковым» обстоятельством для логицизма, поскольку, с его точки зрения, та часть математики, для которой *Principia* являются основаниями, включает как раз такие экстенсиональные сущности, как классы и экстенсиональные отношения, и, собственно, для выполнения этой задачи в *Principia* не требуются интенсиональные сущности. Вопрос о том, почему они были все-таки включены Расселом в его систему, имеет по крайней мере два ответа. Один из них, наиболее общего характера, состоит в том, что Рассел, как лапидарно выразился историк математики Дж. Грей, «не математик, а философ» [8, p. 362]. Этот ответ из той же серии, что половинчатость программы логицизма: она наполовину математическая, наполовину философская, и потому для Рассела его пропозиции были важнее классов.

Второй ответ более существен, хотя и связан с первым. Б. Рассел рассматривал кризис в основаниях математики в свете парадоксов в более широком контексте, чем просто какого-то рода «неувязки» в быстро развивающейся области трансфинитной математики. Хорошо известно, что родственные парадоксу Рассела аномалии были известны еще и Кантору, но тот не делал из этого обобщений, надеясь на будущее разрешение возникающих трудностей. Но поскольку парадокс Рассела относился скорее к логике, которая полагалась им в качестве основания математики, чем к собственно математике, и поскольку открытие этого парадокса явилось поводом для пристального внимания к парадоксам логики вообще, включая такие разные аномалии как парадокс Греллинга, или парадокс Лжеца, сам Рассел посчитал, что разрешение парадоксов должно быть универсальным. Другими словами, в терминологии Рамсея, Рассел замахнулся на разрешение как теоретико-множественных, так и семантических парадоксов в единой системе, каковой и явилась система *Principia Mathematica*. Так как семантические парадоксы касались смысла, т.е. интенсиональных аспектов языка, Рассел как «интенсионалист» был вполне прав в своих поисках. Это уже трудности в самой системе *Principia Mathematica* заставили ограничиться менее универсальными решениями, на что и указал Рамсей, но исходная точка зрения Рассела была многообещающей. В дальнейшем критики этой системы говорили так, как будто они заранее знали, что подобных универсальных решений не бывает и что с самого начала стоило ограничиться теоретико-множественными парадоксами.

Эта критика была сосредоточена на дефектах аксиомы сводимости, но даже Рамсей не сумел толком объяснить, как эти дефекты связаны с необходимостью разделения парадоксов на две группы. Собственно говоря, такое разделение произошло, хотя и неявно, задолго до Рамсея. Разветвленная теория типов с ее интенсиональностями появилась в том же самом, 1908-м, году, что и аксиоматическая теория множеств Э. Цермело, с включенной в нее аксиомой экстенсиональности. «Разделение труда» в интенсиональной и экстенсиональной трактовках оснований математики уже тогда было более или менее оформлено. В этом контексте довольно неуместно выглядит точка зрения, согласно которой аксиоматическая теория множеств была «более успешной» по сравнению с теорией типов. Эти два подхода были направлены на разные цели, и не стоит преуменьшать важность как раз философского проекта. К тому же следует отметить, что концептуальные основы аксиоматической теории множеств столь же уязвимы к критике со сторо-

ны логиков, которых заботят философские аспекты оснований математики. В этой связи стоит упомянуть каламбур Я. Хинтикки: одна из глав его книги называется «Аксиоматическая теория множеств: Чудовище Френкельштейна?», намекая на чудовище Франкенштейна М. Шелли и аксиоматическую теорию Цермело – Френкеля [9, ch. 8]. Следует принять во внимание и то, что название самой книги есть сознательная аллюзия на предшествующую *Principia Mathematica* работу Рассела «Principles of Mathematics» [11]. В определенном смысле Хинтикка настаивает на важности тех соображений Рассела, которые позднее привели к *Principia Mathematica*.

Интенсиональный аспект оказывается важным и в современной аксиоматической теории множеств. Очень «большие» кардинальные числа явно выходят за пределы всяких экстенсиональных соображений, включая какого-либо рода соответствие с «вещами в мире». В этом смысле таким множествам гораздо больше подходит интенсиональная характеристика, нежели экстенсиональная. В частности, существование множеств путем их поименования, что явно является интенсиональным актом, подтверждает это. Здесь мы хотим обратить внимание на любопытное «еретическое» выступление видного логика Дж. Булоса в статье с многозначительным названием «Должны ли мы верить в теорию множеств?». Он рассматривает некоторое кардинальное число k, являющееся пределом последовательности все более мощных алефов, и спрашивает, существует ли k множеств, поскольку k есть очень большое число. Ниже приведена обширная цитата, позволяющая более отчетливо видеть место философских (читай, интенсиональных) рассмотрений в математической теории.

«Итак, в чем проблема с утверждением, что ZFC (теория Цермело – Френкеля с континуум-гипотезой) неверна, потому что она говорит нам, что существует k объектов, которых на самом деле нет. …Действительно, при этом можно спросить, откуда известно, что такого числа объектов нет? Но ответ: “Будьте серьёзны. Конечно же, не может быть такого числа существующих вещей. Я не могу *доказать*, что их не существует, не в большей степени, чем я не могу *доказать*, что не существует духов, в осторожном ожидании их появления, в случае если Zeitgeist будет подготовлен к признанию их существования. Но не может существовать такого числа k и духов. Вы прекрасно знаете это, и вы также знаете, что любая теория, которая говорит вам противоположное, есть просто дурь”, – этот ответ, хотя он и не *предлагает резонов* для полагания того, что есть меньше объектов, чем k, не проявляет никаких иллюзий в отношении того, что может быть названо метафизическим реализмом.

Короче, этот вопрос вполне разумно задать. Трудность, однако, состоит в том, что мало что может быть сказано по этому поводу, положительно или отрицательно, за исключением того, что стандартная теория множеств дает утвердительный ответ, в то время как здравый смысл или другие соображения не согласуются с ним. В философии достаточно частой стратегией является попытка отбросить в сторону или преуменьшить философскую проблему, которую невозможно решить, как указание на философскую путаницу, но попытка сказать, что есть подобная путаница в вопросе о правильности теории множеств, которая утверждает существование *k*, просто не разбирается» [6, p.129].

Этот пассаж показывает ясно, как далеко разошлись собственно математика и философия в самой возможности постановки вопросов о природе математических сущностей. В какой степени высокие материи теории множеств могут выходить за пределы здравого смысла? Есть аналог подобного рода дилеммы, опять-таки связанный с Б. Расселом. Теория объектов А. Майнонга была очень убедительной в свете исследований школы австрийского реализма, в частности работ Ф. Брентано. Возражения Рассела в его статье «Об обозначении» не в последнюю очередь были мотивированы отказом здравого смысла принять «онтологические трущобы» Майнонга (более поздняя терминология). Возвращаясь к теме интенсионального и экстенсионального, можно в какой-то мере связать с первым аспект осмысленности, который отходит на задний план в случае второго.

Как видно, первоначальная идея Ф. Рамсея, которая мыслилась как спасение логицизма, сыграла на руку тенденции отделения математических вопросов от философских. Стоит заметить, что несмотря на последующие усилия в рамках этой тенденции преуменьшить, а то и вовсе устранить интенсиональности, например в духе У. Куайна, развитие модальных логик вновь обозначило важность интенсиональных аспектов в конструировании формальных систем. Это возрождение интенсионального достигло максимального успеха в доказательстве второй теоремы К. Гёделя о неполноте арифметики.

Литература

1. *Коффа А.* Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / Пер с англ. В.В. Целищева. – М.: Канон+, 2019.

2. *Куайн У.* Расселовская теория типов // Рассел Б. Введение в математическую философию / Пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – С. 222–236.

3. *Мисак Ч.* Философия должна быть полезной (перевод Целищева В.В.) // Целищев В.В. Философский раскол: логика vs метафизика. М.: Канон+, 2021. – С. 91–100.

4. *Рассел Б.* Введение в математическую философию / Пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007.

5. *Суровцев В.А.* Рамсей и программа логицизма. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.

6. *Boolos G.* Must we believe in set theory? // Boolos G. Logic, Logic and Logic. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – P. 120–132.

7. *Grattan-Guiness I.* Dear Russell – Dear Jourdain: London: Duckworth, 1977.

8.*Gray J.* Plato's Ghost: The Modernist Transformation of Mathematics Princeton University Press, 2008.

9. *Hintikka J.* The Principles of Mathematics Revisited. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

10. *Landini G.* Russell. – Routledge, 2011.

11. *Russell B.* Principles of Mathematics. Routledge, 2009.

References

1. Coffa A. Semanticheskaya tradiciya otKanta do Karnapa: k Venskomy vokzalu. [The semantictradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station] Moscow: Canon+, 2019. (In Russ.)

2. Quine W. Rasselovskaya teoria tipov. [Russell's type theory]. / Rassel B. Vvedenie v matematicheskyu filosofiu. [Russell B. Introduction in mathematical philosophy] – Novosibirsk: Sib.univer.isd-vo, 2007, P.222-236. (In Russ.)

3. Misak Ch. Filosofia dolzna bit poleznoy. [Philosophy must be useful]. // Zelischev V.V. Filosofski raskol: logica vs metafizika. [Tselishchev V.V. Philosophical schism: logic vs metaphysics.] Moscow: Canon+, 2021, P.91-100. (In Russ.)

4. Russell B. Vvedenie v matematicheskuyu filosofiu. [Introduction in mathematical philosophy]. – Novosibirsk: Sib.univer.isd-vo, 2007, P.222-236. (In Russ.)

5. Surovtsev V.A. Ramsey i programma logicisma. [Ramsey and program of logicism]. Tomsk, Tomsk University Publishing, 2012. (In Russ.)

6. *Boolos G.* Must We Believe in Set Theory? // Boolos G. Logic, logic and logic. Cambridge: Harvard University Press, 1998. P. 120-132.

7. *Grattan-Guiness I.* Dear Russell – Dear Jourdain: L.: Duckworth, 1977.

8. *Gray J.* Plato's Ghost: The modernist transformation of mathematics. Princeton University Press, 2008.

9. Landini G. Russell. Routledge. 2011.

10. *Hintikka J.* The Principles of Mathematics Revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

11. *Russell B.* Principles of mathematics. Routledge, 2009.

Информация об авторах

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, кафедра гносеологии и истории философии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2); научный руководитель Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

leitval@gmail.com

Хлебалин Александр Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

sasha_khl@mail.ru

Information about the authors

Tselishchev Vitaliy Valentinovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, the Department of Gnoseology and History of Philosophy at Novosibirsk National Research State University (2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia); Scientific Director at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

leitval@gmail.com

Khlebalin Aleksandr Valerievich – Candidate of Sciences (Philosophy), Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Akademy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090 Russia).

sasha_khl@mail.ru

Дата поступления 01.02.2021

УДК 165:[1/14+168]:[140.8:523.11]
DOI: 10.15372/PS20210107

В.Г. Соколов

НОВАЯ СИСТЕМА ПОЗНАНИЯ В НАУКЕ И В ФИЛОСОФИИ КОСМИЗМА*

Работа посвящена важным сторонам кардинального явления научно-философской мысли – космизму, или космическому мышлению, начавшему формироваться в конце XIX – начале XX в. и продолжающему развиваться в наши дни. Раскрыта актуальная проблема осмысления двух основных способов познания: эмпирического научного и метанаучного (постижение человеком объектов и явлений посредством своего внутреннего, духовного пространства), процесс синтеза которых представлен в трудах русских учёных и философов-космистов. Этот синтез представляет собой новую систему познания, выступившую предметом исследования, отраженного в данной работе, и позволяющую осмыслить какое-либо явление или процесс наиболее целостно и глубоко. Такое осмысление особенно актуально, ибо перед наукой стоит ряд важнейших проблем, которые не имеют объяснения с точки зрения традиционных, устаревших подходов. Актуальность осмысления двух вышеназванных способов познания обусловлена необходимостью дальнейшего качественного развития науки, которое связано с более глубоким постижением разных состояний материи окружающей реальности. Одна сторона этой реальности постигается эмпирическим, другая – внеэмпирическим, интуитивным, сверхчувственным путём, или метанаучным способом. Эти две стороны заключены и в самом человеке, что обусловливает неизбежность естественного проявления в нём двух соответствующих способов познания. Именно с развитием внутренней культуры человека, его духа, связана эффективность многостороннего процесса познания, расширение его горизонтов. Культура, или процесс развития духа человека, есть главное условие метанаучного познания, а также его плодотворного синтеза с эмпирической наукой.

Ключевые слова: космическое мышление; космизм; новая система познания; эмпирическая наука; метанаучный способ; интуиция; материя; культура

V.G. Sokolov

A NEW SYSTEM OF KNOWLEDGE IN THE SCIENCE AND PHILOSOPHY OF COSMISM

The work is devoted to important aspects of the cardinal phenomenon of scientific and philosophical thought, with other words cosmism, or cosmic thinking, which began to form in the

* Статья публикуется в порядке обсуждения и в авторской редакции, внесены исправления в грамматике и орфографии.

© Соколов В.Г., 2021

late XIX – early XX centuries and continues to develop today. The work reveals the actual problem of understanding two main ways of knowledge – empirical scientific and metascientific (the comprehension of objects and phenomena by a person through his inner, spiritual, space), the synthesis of which is presented in the works of Russian scientists and cosmist philosophers. This synthesis is a new system of knowledge, which is the subject of research and allows us to understand a phenomenon or process in the most complete and deep way. This understanding is particularly relevant, because science faces a number of major problems that cannot be explained in terms of traditional, outdated approaches. The relevance of comprehending the two above-mentioned means of cognition is due to the need for further qualitative development of science, which is associated with a deeper understanding of different states of substance of the surrounding reality. One side of this reality is grasped empirically, the other side is grasped non-empirically, intuitively, supersensibly, or in a metascientific way. These two sides are also enclosed in the person himself, which makes it inevitable that the two corresponding ways of knowledge will naturally manifest in him. Namely with the development of the internal culture of man, his spirit, the effectiveness of a multifaceted cognitive process, expanding his horizons is bound. Culture, or the process of development of the human spirit, is the main condition for metascientific cognition, as well as its fruitful synthesis with empirical science.

Keywords: cosmic thinking; cosmism; new system of knowledge; empirical science; metascientific method; intuition; matter; culture

Многие процессы в науке, которые происходят в наши дни и которые побуждают искать принципиально новые мировоззренческие подходы к решению тех или иных задач, в том числе практических, тесно связаны с таким важным явлением в новейшей истории России, как космическое мышление, или космизм. Известно, что перед наукой стоит целый ряд проблем, пока не имеющих объяснения с точки зрения традиционных подходов. Например, проблема многомерности материи, которая относится не только к Вселенной, но и к человеку-микрокосму и уже давно обсуждается в научных кругах. Другой пример – известный факт влияния экспериментатора на результаты некоторых экспериментов, ввиду чего тот же эксперимент сложно воспроизвести в точности; эта проблема находится в поле постижения структуры психики человека. Здесь и прояснение природы сознания последнего, постижение таких явлений, как чувствознание, предвидение, интуиция. В этом же ряду стоит интереснейший вопрос глубокой связи нравственного уровня человека и эффективности, синтетической целостности осуществляемого им познания. Наконец, в чём конкретно проявляется широко признанный постулат о единстве человека и Мироздания, в чём конкретный смысл самого понятия «микрокосмос»? Подобных проблем и вопросов очень много, и очевидно, что их решение лежит в пространстве нового научного мышления, новых методологических подходов.

Ввиду этого надо отметить, что в области космизма развивается более широкий и целостный подход к природе человека как микрокосма и его органичным связям с планетой, к самой материи и вообще Мирозданию как многомерной и одухотворённой системе, с которой человек тесно связан. Родиной космического мышления, или космизма, выступила Россия: именно в её пространстве в конце XIX – начале XX в. произошло зарождение данного вида мышления, в XX в. продолжался процесс его формирования, причём процесс крайне сложный. В конце XX – начале XXI в. космизм вышел на новый виток своего длительного развития, которое ещё будет продолжаться и в дальнейшем, ибо сознание и мышление требуют немалого времени для выхода на новый качественный уровень. В плане сроков многое зависит от самого человека, от его желания расширять горизонты своего знания и методов познания и, что самое главное, от его стремления к самосовершенствованию, к постоянному повышению собственного культурного уровня. Выдающиеся русские учёные-космисты, философы, деятели искусства – В.С. Соловьёв, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, Е.И. Рерих, Н.К. Рерих, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.В. Сухово-Кобылин, Н.Г. Холодный, И.А. Ильин, А. Белый, А.А. Блок, А.Н. Скрябин, М.К. Чюрлёнис, члены художественной группы «Амаравелла» и многие другие, которые приняли участие в процессе формирования космического мышления на важнейшем, начальном, его этапе, раскрывали новые грани познания сложной природы человека-микрокосма, включённого в целостную космическую структуру и имеющего многоаспектные связи с родной планетой, подводили к пониманию того, что материя многолика и её можно познавать как эмпирическим, так и внеэмпирическим путём. Одним из значительных достижений мыслителей-космистов начала XX в. была попытка осмыслить в единстве феномены видимого мира и то, что находится за его пределами, но ещё не познано, т.е. как бы связать различные пласты бытия, утверждая тем самым необходимость более углублённого постижения свойств материи. Как уже отмечалось, космическое мышление исторически относится к российской культуре; между тем в том же русле работали и некоторые высокие умы зарубежья, внёсшие свой важный вклад в становление данного вида мышления: К.Н. Фламмарион, П. Тейяр де Шарден, А. Эйнштейн и др.

В наши дни существует два основных направления познания: первое – *эмпирическое научное* (часто именуемое просто «наука»), которое сложилось относительно не так давно, в XVII–XVIII вв., и которое ос-

новывается на эксперименте и на изучении преимущественно материи трёхмерного мира, при этом обособляясь от связей с более высокой космической реальностью; второе – *метанаучное* направление, очень древнее, демонстрирующее метод познания через внутреннее, духовное пространство человека и обусловливающее формирование более широких по сравнению с экспериментальной наукой взглядов на материю. (Подробнее о сути самого термина «метанаука», а также о синтезе эмпирического научного и метанаучного способов познания, ярко проявившемся в творчестве русских учёных и философов первой половины XX в., см. [14; 15]). В космическом мировоззрении Мироздание рассматривается как система *иерархическая*, и в этом плане можно сказать, что метанаучный способ познания имеет связь с высшими космическими структурами, в отличие от эмпирической науки, которая в целом не принимала знания, полученные в метанаучном пространстве. Между тем по своей природе эти два направления, вышедшие когда-то из одного источника – мифологического мышления, дополняют друг друга и не могут полноценно развиваться по отдельности; лишь в единстве, или синтезе, они наиболее полно способны представлять и будут в дальнейшем расширять само пространство знания. Итак, речь идёт об эмпирической и метанаучной сторонах такого целостного в своём потенциале явления, как наука. Какое бы из научных направлений мы ни взяли, оно будет включать данные стороны. Процесс синтеза эмпирического научного и метанаучного способов познания неотъемлем от космического мышления, и сам этот синтез представляет собой *новую систему познания*, которая позволяет осмыслить какое-либо явление или процесс наиболее целостно и глубоко.

Известный английский философ и социолог Г. Спенсер справедливо считал, что с помощью опыта и рационального познания невозможно постичь всё бытие, в котором существует реальность, постигаемая внеопытным путём. Опытный и иной способы познания не противоречат друг другу, но постигают разные стороны окружающей сложной реальности, что соответствует её *разнородному составу*, как доступному для эмпирического постижения, так и недоступному для опытной сферы. Окружающая человека реальность очень многопланова, но в целом едина; соответственно, *её познание так же многопланово, так же сложно, как и внутренний мир самого познающего*.

Синтез эмпирической науки и метанауки, проявившийся в трудах видных мыслителей начала XX в., также выступает в качестве новой системы познания в многотомном философском труде «Живая Этика»,

над которым в первой половине XX в. долгие годы работала крупный философ и учёный Е.И. Рерих. Она обладала широкими познаниями во многих научных областях; эти познания характеризовались высоким уровнем синтеза, что позволяло глубоко разбираться в тех или иных сферах знания [5]. Одним из ярких свидетельств этого была та роль, которую играла эта выдающаяся русская женщина в работе Гималайского научного института, о котором будет кратко сказано ниже. Философская система Живой Этики, содержащая основы новой теории познания, занимает ключевое место в процессе зарождения и развития нового космического мышления (что происходило в пространстве научного миропонимания). Надо подчеркнуть, что в пространстве космического мировоззрения этическое преображение жизни занимает важнейшее место. Методология Живой Этики, и в частности такая важнейшая её особенность, как принцип двойственности, позволяет глубинно осмыслить ту разноплановую, но единую в своей сущности космическую реальность, с которой тесно связаны два основных гносеологических направления. Явление двойственности пронизывает все планы и процессы Мироздания, а также все его структуры, включая самого человека. Одним из основных выразителей принципа двойственности выступает двуединое явление дух-материя, ведущее к более широкому осмыслению материи, *различных её состояний*, а значит, и к пониманию двух сторон единой реальности: постигаемой эмпирическим путем и путем внеэмпирическим, интуитивным, сверхчувственным, или метанаучным способом. Эта реальность, две её стороны, заключены и в самом человеке, что обусловливает неизбежность естественного проявления в нём двух вышеназванных способов познания.

Надо отметить, что в Гималайском институте научных исследований «Урусвати» (основан Н.К. Рерихом и Е.И. Рерих в 1928 г. и начал свою работу в предгорьях Гималаев Северо-Западной Индии), развивавшем широкое международное сотрудничество с научными учреждениями Индии, Америки, Европы, Рерихами изначально была заложена и получила развитие методология новой системы познания, представленная синтезом эмпирической науки и метанауки, в результате чего древние духовные знания находили подтверждение с помощью эксперимента. Гималайский институт включал в круг своих контактов 250 институтов, университетов, музеев, научных обществ. Среди имён, связанных с Гималайским институтом, можно назвать лауреатов Нобелевской премии: А. Эйнштейна, Р.Э. Милликена, Л. де Бройля, а также других видных деятелей науки и искусства, таких как Н.И. Вавилов,

С.И. Метальников, Ч.Р. Ланман, С.А. Гедин, Дж.Ч. Бош, Ч. Раман, Р. Тагор, Р. Чаттерджи и многие другие.

Важно подчеркнуть, что существует созвучие идей таких выдающихся носителей нового космического мышления, как В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и П.А. Флоренский, с философской системой Живой Этики, и этот факт подробно рассмотрен в исследовании выдающегося российского учёного и философа-космиста современности Л.В. Шапошниковой [13]. Это созвучие является важным обстоятельством в деле изучения космизма, ибо, как отмечает учёный, «Живая Этика как философия космической реальности заключает в себе систему познания нового космического мышления» [14, с. 80]. Л.В. Шапошникова обосновывает, что «впервые в пространстве традиционной науки ими (В.И. Вернадским, К.Э. Циолковским, А.Л. Чижевским, П.А. Флоренским. – *В.С.*) была поставлена проблема синтеза науки и метанауки в рамках новой системы познания» [13, с. 917].

О необходимости пристального внимания к иному способу познания свидетельствуют выводы известного представителя постпозитивистской философии науки П. Фейерабенда, который писал, что «наука всегда обогащалась за счёт вненаучных методов и результатов, в то время как процессы, в которых нередко видели существенную сторону науки, тихо отмирали и забывались» [10, с. 517]. Данному выводу созвучны умозаключения Л.В. Шапошниковой, которая отмечает следующее: если исследовать взаимодействие эмпирического научного и вненаучного (метанаучного) способов познания, можно обнаружить, что большинство научных открытий, которые изменили представления о космосе и человеке, совершено на основе именно вненаучных озарений и идей. И далее учёный замечает, что «сближение научного и вненаучного методов есть действительная революция, ещё один существенный шаг в познании Мироздания, без которого было бы невозможным дальнейшее развитие и науки, и самой новой системы познания» [15, с. 35].

Ряд важных для настоящего исследования заключений относительно двух способов познания содержится в одной из работ крупного философа, специалиста в области теории познания, академика РАН В.А. Лекторского. Так, учёный отмечает, что представители различных позитивистских школ выдвигали критерии, которые помогли бы в деле отделения научного знания от вненаучного, однако это закончилось безуспешно, так как «граница между научным и вненаучным знанием оказалась достаточно размытой» [3, с. 83]. В целом данная работа под-

водит к следующим выводам: признание деления познания на научное и вненаучное как раз и навсегда свершившийся факт не имеет никаких оснований ввиду их взаимопроникновения, взаимодействия и изменчивости. «Научное мышление – один из способов познания реальности, существующий наряду с другими и в принципе не могущий вытеснить эти другие. Но разные способы мышления не просто сосуществуют, а взаимодействуют друг с другом, ведут постоянный диалог… и меняются в результате этого диалога. Поэтому сама граница между научными и вненаучными формами мышления является гибкой, скользящей, исторически изменчивой. Наше представление о науке и научности исторически условно, оно меняется и будет меняться… В современной ситуации, в условиях трансформации технологической цивилизации весьма плодотворным является взаимодействие науки с другими познавательными традициями» [3, с. 97–98].

Вместе с бурным ростом, который переживает наука на уровне открытий и выдвигаемых гипотез, нельзя не заметить в её пространстве серьёзные кризисные явления, связанные с отходом от таких необходимых и взаимосвязанных основ, как духовность (культура), высокая цель, открытость (способность к вмещению) и т.п. Одна из причин подобных кризисных проявлений находится в русле искусственного разделения в познании, игнорирования необходимости взаимодополнения эмпирического научного и метанаучного способов познания. Такая проблема нашего времени, как кризисные явления в науке, например, широко освещается в работе Л.В. Стародубцевой «Башня науки, или “Падшая премудрость”», в которой автор обозначила следующие стороны данной проблемы: наряду с научным мировоззрением существуют иные пласты познания, которые наукой не могут быть убраны из внимания; «инонаучные способы миропонимания» во внутреннем мире человека занимают значительное место и играют свою важную роль в познании; «культ науки» порождает такое явление, как «ни-во-что-не-верие», которому сопутствуют «тотальный нигилизм», «бесконечные лабиринты деструктивного сомнения» [7, с. 310–311]; имеет место болезнь утраты высшего смысла; научное познание отворачивается от вопроса «зачем?»; «культура, вырастающая из “культа науки” представляет собою не что иное, как совершенную систему средств при полном *отсутствии внутренней цели*» [7, с. 311–312]; современная наука, будучи на внешнем уровне защищённой позициями рационализма и позитивизма, на внутреннем уровне хрупка, беспомощна, а глав-

ное, лишена духовного наполнения, полая морально, полая «в самой своей сущности и сути» [7, с. 312] и т.д.

Философы и учёные-космисты ещё в начале XX в. пересматривали узкоматериалистическое миропонимание, дополняли традиционные подходы экспериментального познания таким методом, как умозрительное действие, которое опиралось на интуицию, иными словами – метанаучным способом. Важнейшей характеристикой метанаучного метода является познавательная способность духа человека. К сожалению, в рамках эмпирического способа познания дух не рассматривается как объективная реальность, а сводится лишь к отдельным душевным состояниям. Отказ духу в праве на субстанциальность исходил со стороны позитивизма (это, конечно, помимо критики, исходившей от марксизма), представлявшего собой в некоторые периоды своего развития особую крайность эмпиризма, отрицавшего умозрение и другие формы метанаучного познания. Надо отметить, что позитивизм, просуществовавший как целостное направление до середины XX в., разделил участь тех направлений познания, которые он сам же отрицал, так как его главные положения нельзя было проверить опытным путём. «Настал момент понять, – писал в первой половине XX в. крупный французский учёный и философ П. Тейяр де Шарден, – что удовлетворительное истолкование универсума, даже позитивистское, должно охватывать не только внешнюю, но и внутреннюю сторону вещей, не только материю, но и дух. Истинная физика та, которая когда-либо сумеет включить всестороннего человека в цельное представление о мире» [8, с. 40]. Путь к осмыслению «всестороннего человека», включённого в целостную систему Мироздания, оказался едва ли не самым тернистым и драматичным в истории мировой философской мысли, и особенно, – в XX в.

Важный принцип единства эмпирического научного и метанаучного познания отмечал выдающийся учёный и мыслитель В.И. Вернадский: «Интуиция, вдохновение – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путём – не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своём генезисе. В этом основном явлении в истории научной мысли мы входим в область явлений, ещё наукой не захваченную, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание» [1, с. 146]. В 1930-е годы в одном из писем В.И. Вернадский признаётся, насколько сильный интерес у него вызывали вопросы, «выходящие за пределы научной рабо-

ты» [16, с. 163], которые он объединил общим названием – «Философские мысли натуралиста». Этим учёный как бы показал естественную, исходящую из самых глубин сложной природы человека предрасположенность к всестороннему постижению окружающего мира, а также присущий этой его природе интерес к тому, что эмпирическая наука с её главным инструментом познания – экспериментом постичь не в состоянии.

Также надо отметить, что к такому явлению, как дух человека, В.И. Вернадский относился как к познавательной силе, ибо учёный относил саму науку (в её широком смысле) к области духа, при этом справедливо считая, что наука в исторической перспективе качественно изменяется: «Научное мировоззрение есть создание и выражение человеческого духа; наравне с ним проявлением той же работы служат религиозное мировоззрение, искусство, общественная и личная этика, социальная жизнь, философская мысль или созерцание. Подобно этим крупным отражениям человеческой личности, и научное мировоззрение меняется в разные эпохи у разных народов, имеет свои законы изменения и определённые ясные формы проявления» [2, с. 20]. Учёный ставит в центр всех основных проявлений внутреннего развития человека именно дух, исходя из чего наука как мировоззрение, вид мышления не может оставаться в методологической неподвижности. Кроме того, В.И. Вернадский отмечал: «Научное мировоззрение не есть научно истинное представление о Вселенной – его мы не имеем» [2, с. 56]. Учёный считал, что научное мировоззрение состоит не только из чисто научных истин, из воззрений, выведенных путём логики и исследования исторически принятого научной мыслью материала, но и из того, что к собственно науке было не принято относить. Речь идёт о различных вошедших извне концепциях религии, философии, жизни, искусства, которые были «обработаны научным методом» [2, с. 56]. В.И. Вернадский, как писала Л.В. Шапошникова в 2002 г., был «не только уникальным специалистом-естественником, но и интереснейшим философом, чьё философское наследие долго отрицалось в нашей стране, а сейчас только начинает разрабатываться. …Вернадский был одним из первых, кто понял несоответствие старой системы познания современному процессу развития науки и поставил в своих философских трудах проблему иных взглядов на систему познания. Он как бы снял антагонизм, существовавший ранее в пространстве “наука – не-наука”, и даровал равные права науке и другим способам познания, прекрасно понимая, что, если этого не

сделать, это скажется самым роковым образом в первую очередь на самой науке» [15, с. 22–23].

О том, что дух человека обладает познавательными возможностями, писала и Л.В. Шапошникова, анализируя философскую систему Живой Этики и в связи с этим выводя наиболее важные из тех особенностей, которыми обладает дух человека и которые содержатся в системе познания данной философии [15, с. 48–49]. Эти познавательные возможности духа человека напрямую связаны с тем, что именуется метанаучным способом познания. Важно подчеркнуть, что *данный вид познания неотъемлем от развития внутренней культуры человека* [5; 6]. «Отрицание двойственности внутреннего мира человека, превращение духа в "невещественное начало" и вытекающая отсюда утрата реальности космического человека – всё это привело ко многим крупным бедам в социальной и культурной жизни переломного XX века» [15, с. 51]. По существу, русские учёные-космисты и философы Серебряного века, раскрывая новые грани изучения сложной природы человека, включённого в целостную космическую структуру, подводили к осознанию понятия двойственности, к возвращению человеку его же внутреннего мира [15, с. 44–45]. Л.В. Шапошникова отмечает, что в этом случае мы говорим «о существовании реальности эмпирической и внеэмпирической, или миров различных состояний материи, с которыми осознавший это обстоятельство человек входит в соприкосновение в своём внутреннем мире» [15, с. 45]. Данное соприкосновение связано, с одной стороны, с экспериментальным способом познания, а с другой – с умозрительным действием, где существует опора на интуицию (метанаучный способ) и где самым активным образом задействованы тонкие познавательные способности духа.

Заметим, что в пространстве современной науки невозможно отмежевать исключительно эмпирическую составляющую от метанаучных идей, на что в своё время как раз и указывал В.И. Вернадский. Одно из самых кардинальных научных представлений – о беспредельности, бесконечности Мироздания эмпирически не доказано, но принято в широкий научный оборот, выступая важнейшей основой космологических концепций и разного рода теорий. Более того, целый ряд научных открытий теснейшим образом связан с информацией, полученной метанаучным путём. История науки знает немало подобных примеров, которые ныне нуждаются в новом, более глубоком изучении. Кроме того, немало новых научных открытий и теоретических разработок выходят за рамки прежних научных представлений и в ряде случаев

подтверждают то, что накоплено в метанаучном пространстве. Если говорить предельно кратко, то это, например, открытие американского профессора Дж.Р. Бьюканана (середина XIX в.), названное им психометрией; исследования другого американского профессора – Дж. Дрейпера (вторая половина XIX в.); запечатление ауры человека на фотоплёнке молодым естествоиспытателем С.Н. Рерихом (1924 г., Дарджилинг, Восточные Гималаи); открытие белорусского профессора Я.О. Наркевича-Йодко, получившее название «электрография» (конец XIX в.); изобретение советских учёных С.Д. Кирлиана и В.Х. Кирлиан, называющееся «газоразрядной фотографией по методу Кирлиан», и связанное с ним важное открытие (1949 г.) и т.д.

Говоря о метанаучном способе познания, об интуиции и её роли во внутреннем мире учёного, необходимо в этом ключе сказать несколько слов о гениальном философе и крупном учёном К.Э. Циолковском. Внутренний мир этого мыслителя действительно поражает; он (как и научный гений учёного) особенно глубоко раскрыт в работах прежде всего самого Константина Эдуардовича (см., например, [11]), его преданного ученика и выдающегося учёного А.Л. Чижевского (см. например, [12]), в анализе его научно-философских идей, проведённом Л.В. Шапошниковой [13, с. 397–495].

К.Э. Циолковский обладал рядом достоинств: высокими этическими качествами, развитой способностью к синтезу (это, например, относится к науке и философии), а также глубочайшей интуицией. Всё это обусловило развитие Константином Эдуардовичем интереснейших метанаучных идей, в том числе предвидений, а также прозрений в те области космической реальности, которые наблюдать физически он не имел возможности. В этом главную роль играло то особенное его единство с Мирозданием, которое учёный нёс в себе. Он глубоко чувствовал Космос, жил им и через него смотрел на мир и его феномены. К.Э. Циолковский был связан с Космосом «не только информацией, но и образами, которые он черпал в его глубинах и переносил в земную действительность. Придёт время, и эти космические картины, которые возникали в его воображении, будут подтверждены теми, кто проникнет в бездонные и беспредельные глубины Мироздания. Его космические зарисовки охватывали огромное пространство, начиная от картины Вселенной с её процессами творения и разрушения и кончая картиной, которую космонавт наблюдает из космической ракеты» [13, с. 450].

Другой пример связан с осмыслением самой материи. Хотя Циолковский называл себя материалистом, его понимание материи было

намного шире и богаче в сравнении с распространённым в то время, так сказать, научным материализмом. Например, он приходил к выводу о существовании в Мироздании живых существ, состоящих из материи иного состояния. «…Существует бесчисленное множество иных космосов, иных существ, которых условно мы можем назвать нематериальными, или духами», – писал в 1935 г. Циолковский. И далее замечал: «В сущности, духи разных бесконечностей все материальны» [11, с. 281]. Здесь ясно высказана мысль о существовании разных состояний материи. Иными словами, то, что принято называть духом, и то, что именуется материей, – это лишь различные состояния (уровни эволюции) всё той же материи. В этом видно явное созвучие идей К.Э. Циолковского с философской системой Живой Этики (книги о которой были написаны и изданы в 20–30-е гг. XX в.), предоставляющей нам возможность осмыслить процесс «энергетического взаимодействия в рамках явления "дух–материя" в бесконечной цепи космической эволюции» [15, с. 46]; причём здесь дух и материя представляют собой целостность, названную в Живой Этике духо-материей. Как отмечала Е.И. Рерих, человек постоянно обращается к высоким или грубым видам (состояниям) всё той же материи. Идеи такого рода опережали своё время. В наши же дни обсуждение существования различных видов материи в тех или иных космологических теориях стало общепринятым.

Заметно опережала своё время и мысль К.Э. Циолковского о «множестве иных космосов», иными словами, вселенных. Лишь через определённый период после времени Циолковского, во второй половине XX в., как отмечает физик-космолог О.О. Фейгин, «спор о реальности квантового мира перешёл в совершенно необычную плоскость обсуждения реальности одновременного существования множества различных Вселенных. …Эта идея сразу прижилась среди теоретиков. …Сейчас уже многие теоретики полагают, что когда-нибудь… возникнет новая наука о фундаментальной структуре Мироздания» [9, с. 195].

Можно упомянуть и о том, что К.Э. Циолковский предсказал, причём очень чётко, что «первым звездоплавателем», технически открывшим человечеству путь в Космос, будет русский человек, и это свершится посредством русской космической ракеты.

Здесь затронута лишь очень малая часть удивительных метанаучных прозрений К.Э. Циолковского, которые достойны отдельного исследования.

Надо ещё раз подчеркнуть, что именно с развитием внутренней культуры человека, его духа связаны эффективность многопланового

процесса познания, постоянное и неуклонное расширение его горизонтов; культура, или процесс развития духа человека, есть главное условие самого метанаучного познания, а также его плодотворного синтеза с эмпирической наукой. История знает немало великих учёных и мыслителей, развитая духовная, или культурная, сторона жизни которых обусловливала их интуитивный, метанаучный прорыв в сферу выдающихся научных открытий, предвидений, стройных философских концепций. Среди них Пифагор и Платон, Конфуций и Ипатия, Альберт Великий и Р. Бэкон, Леонардо да Винчи и Парацельс, Дж. Бруно и Я. Бёме, М. Кюри и В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский и А.Л. Чижевский, В.С. Соловьёв и М.К. Чюрлёнис, Е.И. Рерих и Н.К. Рерих, Д.И. Менделеев и Д.Л. Андреев, И.А. Ефремов и многие другие.

К подобному выводу приходят и выдающиеся учёные, например Л.В. Лесков, который был не только крупным современным физиком-космологом, но и философом, продолжавшим научно-философские традиции русского космизма. Так, в главе «Культурно-интуитивная методология» своей книги «Неизвестная Вселенная» он отмечал: «Удачные интуитивные прозрения удавались В.И. Вернадскому, предвидевшему создание атомной энергетики, а также С. Лему, предсказавшему в своей книге “Сумма технологии” возникновение информационных сетей и феномен виртуальной реальности. Удача в подобных случаях приходит лишь к мыслителям высокой культуры, которые свободно ориентируются в духовных сокровищницах, накопленных человечеством за тысячелетия своей истории» [4, с. 38].

Дальнейшее изучение природы метанауки, включающей источник знания, механизмы его обретения, сам инструмент познания, является одной из кардинальных задач. Знание, будучи главным фактором в космической эволюции, призвано всесторонне отображать сложную реальность Космоса, а соответственно, процесс познания, демонстрируемый микрокосмом, должен быть таким же многогранным, как и природа человека, и природа самого познаваемого. Знание, в его высоком понимании, было и остаётся нашим важнейшим ресурсом. Само же космическое мышление с его ярко выраженной *этической направленностью*, с его новой системой познания, новой методологией постижения богатого спектра связей человека и Вселенной, как и их многомерной природы, вне всякого сомнения, способно играть ведущую роль во всех аспектах преображения науки, в разработке новых, более широких подходов к развитию гуманитарного, естественно-научного и технического знания. Таким образом, будут учтены две стороны:

внешняя с конкретными знаниевыми и техническими результатами и внутренняя, дающая эволюционный вектор развития, нравственное его наполнение.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991.

2. *Вернадский В.И.* О науке. Т. 1: Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна: Феникс, 1997.

3. *Лекторский В.А.* Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Наука в культуре / Под ред. В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 82–98.

4. *Лесков Л.В.* Неизвестная Вселенная. – М.: ЛКИ, 2008.

5. *Соколов В.Г.* Культура и космическая эволюция человека. – М.: Международный Центр Рерихов, 2012.

6. *Соколов В.Г.* Культура как главный фактор метанаучного познания (в контексте методологии Живой Этики) // 75 лет Пакту Рериха: Мат. междунар. обществ.-науч. конф. – М.: Международный Центр Рерихов, 2011. – С. 227–233.

7. *Стародубцева Л.В.* Башня науки, или «Падшая премудрость» // Наука в культуре / Под ред. В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 309–349.

8. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / Пер. с франц. Н.А. Садовского. – М.: Наука, 1987.

9. *Фейгин О.О.* Теория всего. – М.: Эксмо, 2011.

10. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / пер с англ. и нем. А.Л. Никифорова. – М.: Прогресс, 1986.

11. *Циолковский К.Э.* Космическая философия. – М.: АСТ, 2019.

12. *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским: Воспоминания. – М.: Мысль, 1995.

13. *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие: В 3 кн. – Кн. 3: Вселенная Мастера. – М.: Международный Центр Рерихов, 2005.

14. *Шапошникова Л.В.* Космическое мышление и новая система познания // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века: Мат. междунар. науч. конф.: В 3 т. – М.: Международный Центр Рерихов, 2004. – Т. 1. – С. 52–81.

15. *Шапошникова Л.В.* Философия космической реальности [вступ. ст.] // Живая Этика. Листы Сада Мории. – Книга 1: Зов. М.: Международный Центр Рерихов, 2003. – С. 5–165.

16. *Яншина Ф.Т.* В.И. Вернадский о философии и её значении в развитии науки // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века: Мат. междунар. науч. конф.: В 3 т. – М.: Международный Центр Рерихов, 2004. – Т. 1. – С. 158–172.

References

1. *Vernadskii V.I.* Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon] Moskva: Nauka, 1991. (In Russ.).

2. *Vernadskii V.I.* O nauke. T. 1. Nauchnoe znanie. Nauchnoe tvorchestvo. Nauchnaya mysl [About Science. Vol. 1. Scientific Knowledge. Scientific Creativity. Scientific Thought] Dubna: Feniks, 1997. (In Russ.).

3. *Lektorskii V.A.* Nauchnoye i vnenauchnoye myshleniye: skol'zyashchaya granitsa [Scientific and Extra-Scientific Thinking: Sliding Border] / Porus V.N. (red.) Nauka v kul'ture [V.N. Porus (Ed.) Science in Culture] Moskva: Editorial URSS, 1998. Pp. 82–98. (In Russ.).

4. *Leskov L.V.* Neizvestnaya Vselennaya [Unknown Universe] Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2008. (In Russ.).

5. *Sokolov V.G.* Kul'tura i kosmicheskaya evolyutsiya cheloveka [Culture and Human Cosmic Evolution] Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2012. (In Russ.).

6. *Sokolov V.G.* Kul'tura kak glavnyi faktor metanauchnogo poznaniya (v kontekste metodologii Zhivoy Etiki) [Culture as the Main Factor of Meta-Scientific Cognition (In the Context of the Living Ethics Methodology)] // 75 let Paktu Reriha: materialy mezhdunarodnoi obshchestvenno-nauchnoi konferentsii [75 years of the Roerich Pact: Proceedings of the International Social and Scientific Conference] Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2011. Pp. 227–233. (In Russ.).

7. *Starodubtseva L.V.* Bashnya nauki ili "padshaya premudrost'" [Tower of Science or "Fallen Wisdom"] / Porus V.N. (red.) Nauka v kul'ture [V.N. Porus (Ed.) Science in Culture] Moskva: Editorial URSS, 1998. Pp. 309–349. (In Russ.)

8. *Teyyar de Sharden P.* Fenomen cheloveka [The Phenomenon of Man] Moskva: Nauka, 1987. (In Russ.).

9. *Feigin O.O.* Teoriya vsego [The Theory of Everything]. Moskva: Eksmo, 2001. (In Russ.).

10. *Feyyerabend P.* Izbrannyye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science] Moskva: Progress, 1986. (In Russ.).

11. *Tsiolkovskii K.E.* Kosmicheskaya filosofiya (sb. trudov) [Cosmic Philosophy (Assembly of Works)]. Moskva: AST, 2019. (In Russ.).

12. *Chizhevskii A.L.* Na beregu Vselennoi. Gody druzhby s Tsiolkovskim: Vospominaniya [On the Shore of the Universe. The Years of Friendship with Tsiolkovsky: Memories]. Moskva: Mysl', 1995. (In Russ.).

13. *Shaposhnikova L.V.* Velikoye puteshestviye. Kniga 3. Vselennaya Mastera [Great Trip. Book 3. The Universe of the Master] Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2005. (In Russ.).

14. *Shaposhnikova L.V.* Kosmicheskoye myshleniye i novaya sistema poznaniya [Cosmic Thinking and a New System of Cognition] // Kosmicheskoe mirovozzrenie – novoe myshlenie XXI veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V 3 t. Tom 1 [Space Worldview – New Thinking of the XXI Century: Proceedings of the International Scientific Conference. In 3 vol. Vol. 1] Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2004. Pp. 52–81. (In Russ.).

15. *Shaposhnikova L.V.* Filosofiya kosmicheskoy real'nosti [The Philosophy of Cosmic Reality] // Zhivaya Etika. Listy Sada Morii. Kniga 1. Zov [The Living Ethics. Leaves of Morya's Garden. Book 1. The Call] Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov 2003. Pp. 5–165. (In Russ.).

16. *Yanshina F.T.* V.I. Vernadskiy o filosofii i yeyo znachenii v razvitii nauki [V.I. Vernadsky about philosophy and its significance in the development of science] // Kosmicheskoe mirovozzrenie – novoe myshlenie XXI veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V 3 t. Tom 1 [Space Worldview – New Thinking of the XXI Century: Proceedings of the International Scientific Conference. In 3 vol. Vol. 1] Moskva: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov, 2004. Pp. 158–172. (In Russ.).

Сведения об авторе

Соколов Владислав Георгиевич – кандидат философских наук, культуролог, старший научный сотрудник Объединённого Научного Центра проблем космического мышления Международного Центра Рерихов (105264, Москва, ул. 10-я Парковая, 18).
falcon_V69@mail.ru.

Information about the author

Sokolov, Vladislav Georgievich – Unified Scientific Center for Space Thinking Problems of the International Centre of the Roerichs, Senior Researcher, PhD, Specialist in Cultural Studies,18, 10th Parkovaya str., Moscow, 105264, Russia
falcon_V69@mail.ru

Дата поступления 31.01.2021

УДК: 141.1
DOI: 10.15372/PS20210107

А.Ю. Сторожук

СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ

В статье рассматривается проект социальной эпистемологии, предполагающий наличие взаимодействия между различными областями культуры, с точки зрения проблемы несоизмеримости теорий. Анализируются различные трактовки термина «несоизмеримость» и оценивается применимость этих толкований к современному научному процессу. Показано, что несмотря на различные понимания несоизмеримости, остаются возможности взаимодействия научных сообществ, коммуникации и культурного обмена.

Ключевые слова: несоизмеримость; социальная эпистемология; философия научного эксперимента

A.Yu. Storozhuk

SOCIAL EPISTEMOLOGY AND INCOMMENSURABILITY

The article discusses a project of social epistemology, which implies the interaction between different spheres of culture, in terms of the problem of incommensurability of theories. Various interpretations of the term "incommensurability" are analyzed and their applicability to the current scientific process is assessed. It is shown that in spite of different interpretations of incommensurability, there are still opportunities for interaction between scientific communities, communication and cultural exchange.

Keywords: incommensurability; social epistemology; philosophy of scientific experiment

Проблемы несоизмеримости теорий были подняты в работах Т. Куна [11] и П. Фейерабенда [8]. Согласно Фейерабенду, научные теории не могут находиться в каких-либо логических отношениях (включения, противоречия, дополнения и проч.), так как они являются полностью несоизмеримыми и несопоставимыми. Даже в том случае, когда теории используют одинаковые термины, последние все равно понимаются по-разному и имеют различный смысл. Примером может служить термин «масса»: в ньютоновской механике масса является

© Сторожук А.Ю., 2021

постоянной величиной, определенной посредством операциональных процедур через законы всемирного тяготения и второго закона Ньютона, тогда как в релятивистской механике Эйнштейна она связана с энергией объекта. Кун [11], Фейерабенд [8] и др. утверждали, что не может быть никакого сравнения между конкурирующими парадигмами, или мировоззрениями, основанными на экспериментальных данных. Б. Барнс писал, что нет подходящей шкалы, с помощью которой можно было бы взвесить достоинства альтернативных парадигм: они несоизмеримы [7].

Проблема несоизмеримости рассматривалась во многих работах и предлагались подходы к ее решению. Я. Хакинг дает обзор этих подходов и указывает на связь несоизмеримости с социальной эпистемологией дает [10]. Он выделяет три вида несоизмеримости: несозимеримость проблем, несоизмеримость значений терминов и разобщение [3, с. 78–87].

Несоизмеримость проблем означает, что описание и объяснение тех же фактов новой теорией могут преследовать цели, отличные от целей старой теории. «Несоизмеримость проблем делает неадекватной реальной научной практике концепцию развития знания Э. Нагеля, согласно которой новая теория поглощает (subsumes) старую (т.е. включает в себя правильную часть старой теории и исключает неправильную), благодаря чему обе теории оказываются соизмеримыми» [1, с. 89].

Несоизмеримость значений терминов теорий возникает из-за структурных преобразований теории, а смысл отдельных терминов определяется их положением в структуре теории как целого. Так, например, понятия пространства и времени в механике Ньютона предполагали деление на абсолютное и относительное, в релятивистских теориях от понятия абсолютного пространства-времени отказались. Контраргументом к данному типу несоизмеримости и способом его преодолеть является структурный реализм [12], согласно которому термины представляют собой лишь ячейки в сети логических отношений между объектами теории. Структура теории определяется из экспериментов и потому является более стабильной сущностью, чем теория, сохраняя свое постоянство. Соответственно, если термины теории имеют операциональные определения, а программа позитивизма была нацелена именно на это [2], то и сами термины «жестко» входят в структуру, связывающую теорию с наблюдаемым миром.

Феномен разобщения ближе связан с темами социальной эпистемологии. Он вызван тем, что за долгое время происходят существен-

ные сдвиги в теории, могущие сделать более ранние работы непонятными последующим поколениям ученых, поскольку в них используются способы рассуждения, совершенно отличные от нашего. Примером разобщения, вызванного культурной релятивностью научного знания, является изменение методов познания природных явлений в западноевропейской традиции до и после эпохи Нового времени. Сравнивая научные дискурсы Парацельса и современную науку, Я. Хакинг пишет: «здесь мы не можем понять сам порядок мысли, поскольку он основан на целой системе категорий, которая нам едва ли понятна» [3, с. 83]. Однако данный тип несоизмеримости возникает лишь на больших исторических отрезках и вряд ли актуален для сравнения теорий, следующих друг за другом.

Е.А. Мамчур отмечает еще один аспект несоизмеримости, а именно отсутствие у двух последовательно сменяющих друг друга парадигм общих критериев оценки теорий [1]. Критерии оценки теорий, а следовательно, и стандарты рациональности являются парадигмально зависимыми и изменяются вместе со сменой парадигм. «Если бы в науке существовали некоторые кросс-парадигмальные критерии оценок теорий или парадигм, появилась бы возможность сделать между ними выбор, увидеть, в каком направлении осуществляется прогрессивное развитие, решить, какая из теорий более адекватна действительности. Отсутствие таких критериев и стандартов ведет к тому, что научные парадигмы становятся аналогичными шпенглеровским цивилизациям, каждая из которых является совершенно самостоятельным образованием, непонятным и недоступным в своей сущности представителям других культур и цивилизаций. Такими же несравнимыми становятся (в отсутствие парадигмально независимых критериев рациональности) и последовательно сменяющие друг друга теоретические парадигмы» [1, с. 89].

Социальная эпистемология вносит культурный релятивизм в оценку значимости научного поиска. «Социальное» в узком смысле не позволяет объяснить широкое распространение знания, полученного отдельными небольшими коллективами и лабораториями. Возникает вопрос: как возможно сравнение теорий в условиях радикального изменения смысла понятий, изменения исследуемых проблем, возможного разобщения теорий и отсутствия единых критериев их сравнения? В качестве общего критерия выступают концепции либо структурного реализма [18], либо увеличивающегося правдоподобия (verisimilitude) теорий (У. Ньютон-Смит [15]) и т.д. Правомерность перечисленных

подходов подтверждается наличием фактической коммуникации. Ученые, работающие в узкоспециализированных областях наук, собирают доказательства, чтобы подтвердить или опровергнуть свои научные теории. Поскольку критерий верификации неверен, можно поверить в ложную гипотезу. При взаимодействии между учеными такие ложные убеждения могут распространиться по всему сообществу.

В настоящее время ведутся дебаты о влиянии коммуникации на эпистемическую надежность научных сообществ (см., например, [18; 16; 17; 20]). В статье Х.С. Ван Ли и С. Сметс вводится понятие эпистемической логической структуры наблюдения, взаимодействия и пересмотра убеждений в научных сообществах [13]. В частности, утверждается что формальные конструкции для наблюдений структурно проще, чем термины доказательств в существующих логиках доказательств и логиках обоснования [4]. Когнитивное разнообразие научного сообщества предполагает, что существуют индивиды, знакомые с множеством различных теорий, которые могут сравнивать теории между собой и находить логические несоответствия [5; 5]. Часто имеется доступ только к выраженным убеждениям других исследователей (к их поведению) и нет доступа к внутренним убеждениям или частным размышлениям, которые мотивировали это поведение [14], так что сравнение того и другого может оказаться информативным.

Сам факт обсуждения данных проблем коммуникации и распространения ошибочного знания свидетельствует о том, что значение несоизмеримости теорий явно преувеличено. Тем не менее если три из четырех видов несоизмеримости сравнительно легко «обезоруживаются», то первый из них – *несоизмеримость проблем* пока остается открытым вопросом. Поэтому кратко рассмотрим анализ современных физических экспериментов с точки зрения несоизмеримости, проведенный А. Франклином.

Классическая постановка проблемы несоизмеримости предполагает, что следующие друг за другом теории, например механика Ньютона и специальная теория относительности Эйнштейна, ставят различные проблемы. А. Франклин [9] не согласен с этой точкой зрения. На примере анализа эксперимента по упругому рассеянию протонов можно различать ньютоновскую и эйнштейновскую механику. В таком эксперименте ньютоновское предсказание угла между двумя исходящими частицами равно 90°, тогда как в релятивистской механике угол меньше 90°. Хотя приверженцы двух конкурирующих взглядов будут

описывать эксперименты по-разному, они согласятся с соответствующими предсказаниями и с измерением углов в лабораторной системе отсчета. Поэтому можно сравнить две парадигмы. Реальный пример – эксперимент по нарушению зеркальной симметрии (четности), нарушаемой в слабых взаимодействиях. Эта асимметрия действительно наблюдалась в эксперименте, проведенном Ч.Ш. Ву и ее сотрудниками [19]. В данном эксперименте вопрос о сохранении четности мог быть поставлен в рамках обеих теорий, и с точки зрения одной из них четность сохранялась, а с точки зрения другой – нет. Вместе с тем в подтверждение того, что теоретическая проблема несоизмеримости, по мнению А. Франклина, решена, он указывает на сохранение большого числа практических экспериментальных проблем в отношениях теории и эксперимента.

В итоге, рассмотрев четыре трактовки понятия несоизмеримости, мы показали, что имеются способы обойти все четыре связанные с ними проблемы, что, однако, не исключает наличия частных проблем в коммуникации научного сообщества. Социальная эпистемология исследует эти проблемы, предлагая концептуальные схемы для их разрешения.

Литература

1. *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм: К дискуссиям в современной эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2004.

2. *Мах Э.* Механика: Историко-критический очерк ее развития. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2000.

3. *Хакинг Я.* Представление и вмешательство: Введение в философию естественных наук. – М.: Логос, 1998.

4. *Artemov S.* The logic of justification // The Review of Symbolic Logic. – 2008. – Vol. 1, No. 4. – P. 477–513. DOI: 10.1017/S1755020308090060.

5. *Baltag A., Christoff Z., Rendsvig R. K., Smets, S.* Dynamic epistemic logics of diffusion and prediction in social networks // Studia Logica. – 2019. – Vol. 107. – P. 489–531. DOI: 10.1007/s11225-018-9804-x.

6. *Baltag, A., Renne, B., Smets, S.* The logic of justified belief change, soft evidence and defeasible knowledge // Logic, Language, Information and Computation: 19th International Workshop, WoLLIC 2012, Buenos Aires, Argentina, September 3–6 2012: Proceedings / Ed. by L. Ong, R. de Queiroz. – 2012. – P. 168–190.

7. *Barnes B.* The Elements of Social Theory. – Princeton University Press, 2014.

8. *Feyerabend P.* Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1970.

9. *Franklin A.* The theory-ladenness of experiment // Journal for General Philosophy of Science. – 2015. – Vol. 46, No. 1. – P. 155–166.

10. *Hacking I.* Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. – Cambridge University Press, 1983.

11. *Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.

12. *Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.* Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. – Oxford University Press, 2007.

13. *Lee H.S., van, Smets S.* The logic of observation and belief revision in scientific communities // Journal for General Philosophy of Science. – 2020. – Vol. 51, No. 2. – P. 243–266. DOI: 10.1007/s10838-018-9436-x.

14. *Liu F., Seligman J., Girard P.* Logical dynamics of belief change in the community // Synthese. – 2014. – Vol. 191, No.11. – P. 2403–2431.

15. *Newton-Smith W.H.* The rationality of science // The Philosophical Quarterly. – 1983. – Vol. 33, No. 130. – P. 90–92.

16. *Rendsvig R.K.* Pluralistic ignorance in the bystander effect: Informational dynamics of unresponsive witnesses in situations calling for intervention // Synthese. – 2014. – Vol. 191, No. 11. – P. 2471–2498.

17. *Rosenstock S., Bruner J., O'Connor C.* In epistemic networks, is less really more? // Philosophy of Science. – 2017. – Vol. 84, No. 2. – P. 234–252.

18. *Worrall J.* Structural realism: The best of both worlds? // Dialectica. – 1989. – No. 43. – P. 99–124.

19. *Wu C.-S.* Recent investigation of the shapes of β-ray spectra // Reviews of Modern Physics. – 1950. –Vol. 22, No. 4. – P. 386–398.

20. *Zollman K.J.* The epistemic benefit of transient diversity // Erkenntnis. – 2010. – Vol. 72, No. 1. – P. 17–35.

References

1. *Mamchur, E.A.* (2004). Obyektivnost nauki i relyativizm: K diskussiyam v sovremennoy epistemologii [The Objective Character of Science and Relativism: On Disputes in Modern Epistemology]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ.

2. *Mach, E.* (2000). Mekhanika: Istoriko-kriticheskiy ocherk ee razvitiya [Mechanics – A Critical and Historical Account of its Development]. Izhevsk, Izhevsk Republican Printing House. (In Russ.).

3. *Hacking, I.* (1998). Predstavlenie i vmeshatelstvo: Vvedenie v filosofiyu estestvennykh nauk [Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science]. Moscow, Logos Publ. (In Russ.).

4. *Artemov, S.* (2008). The logic of justification. The Review of Symbolic Logic, Vol. 1, No. 4, 477–513. DOI: 10.1017/S1755020308090060.

5. *Baltag, A., Z. Christoff, R.K. Rendsvig & S. Smets.* (2019). Dynamic epistemic logics of diffusion and prediction in social networks. Studia Logica, 107, 489–531. DOI: 10.1007/s11225-018-9804-x.

6. *Baltag, A., B. Renne & S. Smets.* (2012). The logic of justified belief change, soft evidence and defeasible knowledge. In: Ong, L. & R. de Queiroz (Eds.). Logic, Language, Information and Computation: 19th International Workshop, WoLLIC 2012, Buenos Aires, Argentina, September 3–6 2012: Proceedings, 168–190.

7. *Barnes, B.* (2014). The Elements of Social Theory. Princeton University Press.

8. *Feyerabend, P.* (1970). Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. Minneapolis, University of Minnesota Press.

9. *Franklin, A.* (2015). The theory-ladenness of experiment. Journal for General Philosophy of Science, Vol. 46, No. 1, 155–166.

10. *Hacking, I.* (1983). Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. Cambridge University Press.

11. *Kuhn, T.S.* (1962). The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, University of Chicago Press.

12. *Ladyman, J., D. Ross, D. Spurrett & J. Collier.* (2007). Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford University Press.

13. *Lee, H.S., van, & S. Smets.* (2020). The logic of observation and belief revision in scientific communities. Journal for General Philosophy of Science, Vol. 51, No. 2, 243–266. DOI: 10.1007/s10838-018-9436-x.

14. *Liu, F., J. Seligman & P. Girard.* (2014). Logical dynamics of belief change in the community. Synthese, Vol. 191, No. 11, 2403–2431.

15. *Newton-Smith, W.H.* (1983). The rationality of science. The Philosophical Quarterly, Vol. 33, No. 130, P. 90–92.

16. *Rendsvig, R.K.* (2014). Pluralistic ignorance in the bystander effect: Informational dynamics of unresponsive witnesses in situations calling for intervention. Synthese, Vol. 191, No. 11, 2471–2498.

17. *Rosenstock, S., J. Bruner & C. O'Connor.* (2017). In epistemic networks, is less really more? Philosophy of Science, Vol. 84, No. 2, 234–252.

18. *Worrall, J.* (1989). Structural realism: The best of both worlds? Dialectica, 43, 99–124.

19. *Wu, C.-S.* (1950). Recent investigation of the shapes of β-ray spectra. Reviews of Modern Physics, Vol. 22, No. 4, 386–398.

20. *Zollman, K.J.* (2010). The epistemic benefit of transient diversity. Erkenntnis, Vol. 72, No. 1, 17–35.

Информация об авторе

Сторожук Анна Юрьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, г. Новосибирск, ул. Николаева 8)

stor71@mail.ru

Information about the author

Storozhuk, Anna Yurievna – Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia)

stor71@mail.ru

Дата поступления 16.03.2020

УДК 115
DOI: 10.15372/PS20210108

А.С. Зайкова

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается вопрос об объективности темпоральных отношений, таких как временной порядок, длительность и одновременность. Делается вывод, что некоторые темпоральные отношения, а именно направление и временной порядок, действительно могут являться объективными, поскольку обусловлены логическими законами. Применительно к длительности и одновременности говорить об абсолютной объективности можно только в тех случаях, когда пространственно-временной интервал сводится к временному интервалу.

Ключевые слова: время; темпоральные отношения; объективность; наука; длительность; одновременность; временной порядок

A.S. Zaykova

THE OBJECTIVE CHARACTER OF TEMPORAL RELATIONS

The article discusses the issue of the objective character of temporal relations, particularly temporal order, duration and simultaneity. The conclusion is made that some temporal relations, such as direction and temporal order, can indeed be objective, since they are caused by logical laws. With regard to duration and simultaneity, one can talk about absolute objectivity only in cases when the space-time interval is reduced to the time interval.

Keywords: time; temporal relations; objectivity; science; duration; simultaneity; temporal order

Прошло уже больше ста лет с того момента, как британский идеалист Дж.Э. МакТаггарт написал свою знаменитую работу «Нереальность времени» (1908), в которой утверждал, что наш опыт времени – лишь иллюзия, и времени, такого, каким мы его знаем, не существует [14]. Сейчас весьма популярной является книга британского физика Дж. Барбура «Конец времени» (2001), где автор идет дальше, предполагая, что известное нам время – это лишь некоторое обобщение нашего опыта, даже не вполне исчерпывающее [13]. Несмотря на

© Зайкова А.С., 2021

излишнюю радикальность указанных теорий, за которую их не раз подвергали критике*, вопрос о том, существует ли время, является ли оно объективным, не праздный: в общем случае от того, как мы говорим о времени, зависит то, как мы говорим о мире и как познаем мир.

Раньше научные представления о времени сводились к тому, что время является некоторой постоянной характеристикой физической реальности, оно объективно, гомогенно, наглядно и равномерно. Вот как, например, это описывал И. Ньютон в «Началах философии» (1686): «Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как то: час, день, месяц, год» [7, с. 30]. Здесь Ньютон подчеркивает, что абсолютное время является простым и легко измеримым, в отличие от воспринимаемого человеком относительного времени, которое обманчиво из-за изменчивости чувств и несовершенности измерений.

Но XIX век обнаружил иные подходы к физическому пониманию времени, на что повлияли, в частности, философские взгляды Э. Маха и в дальнейшем развитие квантовой механики, а также специальной и общей теорий относительности. Время физической реальности потеряло свою абсолютность и однородность, более того, ученые зачастую определяют время в зависимости от исследуемого предмета. Абсолютное время как таковое исчезло, осталось лишь время относительное.

Рассмотрим эти взгляды подробнее.

* * *

Э. Мах полагает, что мы непосредственно ощущаем время, подобно тому как мы воспринимаем пространство. Опыт времени, как и опыт пространства, он считает обусловленным нашей телесностью, а не внутренней структурой времени: «Существование своеобразных физиологических процессов, лежащих в основе ощущений времени, представляется

* В частности, критику теории Барбура можно найти у физиков Л. Смолина и Ш. Каэрола.

весьма вероятным ввиду того обстоятельства, что мы узнаем Одинаковость ритма, формы времени во временных отношениях самых разных качеств, например в мелодиях, которые кроме ритма не имеют ничего сходного» [6, с. 421]. Философия Маха, как утверждает, в частности, П.П. Гайденко, строится на том убеждении, что понятие отношения важнее понятия субстанции [1, с. 19]. Это действительно выглядит так: Мах в принципе рассматривает и время, и пространство не как субстанцию, а как отношение. Он пишет: «Время и пространство существуют в определенных отношениях физических объектов, и эти отношения не только вносятся нами, а существуют в связи и во взаимной зависимости явлений» [6, с. 447]. Рассматривая элементы и предметы, Мах видит их не как вещи-в-себе, а как функциональную зависимость реального мира и нас самих, тем самым позволяя им быть познаваемыми [6, с. 44].

Перенесение внимания с временной субстанции на временные отношения было новым для новоевропейской науки и философии и привело к тому, что философы и физики пытались исследовать уже не время само по себе, как это было в эпоху Ньютона и его последователей, а темпоральные отношения, такие как одновременность.

Так, Эйнштейн обращает внимание на то, что большинство наших суждений о времени – это суждения об одновременности событий [11, с. 135]. При этом из представления о постоянстве скорости света и специальной теории относительности понятно, что одновременность относительна [12, с. 232] и что она может быть точно и легко определена разве что когда речь идет о событиях в одном и том же месте. Тем не менее, как замечает, в частности, А.Ю. Сторожук, теория Эйнштейна не лишена тех «черт классического мировоззрения, которые являются препятствиями на пути к “теории всего”», поскольку несмотря на подчеркивание относительности временных измерений, Эйнштейн остается в рамках абсолютизации времени, наделяя абсолютным характером измерительные приборы [9], что, без сомнения, является сильным и, возможно, необоснованным допущением. Таким образом, несмотря на то что благодаря Эйнштейну время перестало восприниматься объективным и абсолютным, как это было при Ньютоне, оно по-прежнему имеет некоторый универсальный характер в том смысле, что порождает некоторую универсальную пространственно-временную структуру событий. Однако здесь, как мы видим, в первую очередь имеет значение не время как субстанция, а темпоральные отношения как взаимозависимости событий.

Таким образом, время для ученых и философов перестало быть абсолютным. Течение времени согласно физическим представлениям больше не является в полной мере фундаментальным и постоянным. Поэтому вместо того чтобы говорить об объективности и существовании самого времени, поставим вопрос иначе: объективны ли известные нам темпоральные отношения?

* * *

Среди известных нам темпоральных отношений, представления о которых чаще всего используются в различных физических и философских концепциях, можно выделить одновременность как сосуществование разных событий в один и тот же набор времени, длительность как продолжительность некоего события, измеряемую в прочих равных по времени событиях, и временной порядок как некоторая структура, позволяющая расположить события единственно правильным образом. Рассмотрим объективность каждого из упомянутых темпоральных отношений.

Одновременность событий. Одновременность, как мы упомянули выше, была интересна еще Эйнштейну – он полагал, что говоря об отношении событий во времени, мы чаще всего говорим именно об одновременности. В этом есть значительная доля истины: при исследовании какой-либо физической системы одновременность в общем смысле дает представление не только о ее темпоральной, но и о ее функциональной структуре. Так, одновременно происходящие события могут быть составными частями большего события, если, допустим, речь идет о химической реакции.

Однако здесь необходимо внести важное дополнение. Часто, приписывая событиям одновременность, мы понимаем не точную одновременность, а лишь субъективную. Так, мы можем полагать, что свет загорается одновременно с нажатием выключателя, однако, как правило, эти события разнесены во времени на некоторую долю секунды. Таким образом, даже если речь идет не о больших расстояниях, когда утверждение об одновременности зависит от скорости и координат вовлеченных объектов, а о «здесь и сейчас», суждения об одновременности, которые теоретически могут быть объективными и даже абсолютными, требуют тщательной оценки [3].

Длительность событий. Под длительностью событий чаще всего понимается отношение протяженности одного события к протя-

женности другого. Так, мы привыкли измерять длительность оборота Земли вокруг Солнца протяженностью оборота Земли вокруг своей оси. Но является ли это отношение объективным и абсолютным? Отношение года к дню кажется объективным, его можно посчитать, и результат не будет зависеть от считающего, где бы тот ни находился. Однако если мы утверждаем, что одновременность двух событий является относительной, то мы признаем, что длительность промежутка между двумя событиями также относительна, поскольку в тех случаях, когда эти два события одновременны, длительность промежутка между ними будет равна нулю, а если эти два события не одновременны, длительность промежутка будет отлична от нуля. Таким образом, признавая относительность и субъективность одновременности, мы с необходимостью признаем также относительность и субъективность длительности.

Порядок событий. Мы показали, что и одновременность, и длительность не являются в полной мере ни объективными, ни абсолютными. Вместо того чтобы говорить о временном интервале, теория относительности вынуждает нас говорить о пространственно-временном интервале, заменяя «сейчас» на «здесь и сейчас». Однако это не значит, что временной порядок событий исчезает. В частности, каузальная связь двух событий вполне объясняет существование временного порядка даже без учета расстояния. Как писал А. Грюнбаум, «события испытывают времениподобное разделение одного от другого в силу их каузальной связуемости или детерминистической связанности, а не несмотря на эту детерминистическую связанность» [2, с. 423]. Это значит, что, во-первых, несмотря на зависимость определения прошлого и будущего от сознания, темпоральная структура, которая присуща объектам, не зависит от нашего сознания и, во-вторых, детерминистическая связанность позволяет говорить об абсолютном существовании не только пространственно-временного интервала, но и лишь временного интервала.

Однако существование временного разделения между двумя событиями ничего не говорит о том, что одно событие произошло раньше другого. То есть для построения структуры событий не существует принципиальной разницы между прошлым и будущим. Тем не менее для нашего сознания необходимо существует направление из прошлого в будущее, имеющее не столько онтологический, сколько логический характер, который был наглядно

показан еще А.А. Ивиным [4] и который так хорошо отражен в утверждении: «…Существовать в прошлом – значит иметь следствия в настоящем, существовать в будущем – значит иметь в настоящем свою причину» [5, с. 136]. Тот факт, что некоторые события обладают каузальной зависимостью, т.е. некоторым порядком, говорит лишь о том, что мы можем предположить, что эти события не являются одновременными. Констатация, что одно событие при этом произошло позже другого, требует уже существования направления, которое соответствует логическому порядку «причина – следствие».

Направление времени. Представление о направлении времени позволяет нам судить о том, какие события произошли раньше, а какие – позднее. Вопросом объективности направления времени занимались философы Г. Рейхенбах и А. Грюнбаум, которые, в частности, пытались оценить, является ли объективной идея последовательности, исходя из объективности или субъективности идеи направления.

Обратимся к позиции Рейхенбаха. Он писал: «…Дискуссия по проблеме времени во многом страдает от того, что путают два понятия, пренебрегая различием между порядком и направлением» [8, с. 43]. Если с помощью понятия порядка событий, которое мы рассматривали выше, описывается структура событий, то понятие направления позволяет указать направление становления. С помощью определения «больше, чем» через квадрат числа Рейхенбах выводит, что время имеет не только порядок, но и направление. Таким образом, он пытается вывести сознание за рамки времени и становления вообще.

Грюнбаум не согласен с Рейхенбахом в том, что само становление является объективным. Пытаясь разграничить то, что зависит от сознания, и то, что от него не зависит, Грюнбаум приходит к следующему выводу: отношения «раньше» и «позже» устанавливаются между двумя событиями независимо ни от сознания, ни от того, что является на текущий момент настоящим временем, тогда как становление, а также будущее и прошлое не являются «атрибутом физических событий per se», но это становление требует осознания переживаний того, что происходит, и, соответственно, того, кто будет это осознание переживать [2, с. 384].

Интересна также позиция С. Хокинга. В своей книге «Краткая история времени» он пишет, что хотя законы науки и не различают направления «вперед» и «назад» во времени, существуют как минимум три стрелы времени, которые отличают прошлое от будущего. «Это термодинамическая стрела, то есть то направление времени, в котором

возрастает беспорядок; психологическая стрела – то направление времени, в котором мы помним прошлое, а не будущее; космологическая стрела – направление времени, в котором Вселенная не сжимается, а расширяется» [10, с. 87]. Согласно Хокингу, психологическая стрела и термодинамическая стрела эквивалентны, из чего следует, что они должны быть направлены одинаково.

Анализируя позиции названных философов, мы можем заметить, что несмотря на разницу подходов, в частности, к становлению, мнения о направлении у них сходятся: направление времени, позволяющее нам говорить об отношении «раньше/позже», является объективным. И все же с учетом теории относительности отношение «раньше/позже» является объективным и абсолютным только при условии, что одно из событий находится в области абсолютно будущих событий светового конуса с вершиной в другом событии. Это возможно, к примеру, в тех случаях, когда речь идет о событиях, не разделенных пространственным интервалом.

* * *

Мы рассмотрели объективность некоторых темпоральных отношений: одновременности, длительности, направления времени и порядка событий. Основываясь на этом анализе, с определенной долей уверенности можно утверждать: то, что мы определяем как события, обладает темпоральной структурой и вне нашего сознания, хотя эта структура и может несколько отличаться от того, что мы себе представляем. Темпоральные отношения, обусловленные каузальной зависимостью, действительно объективны и абсолютны. В некоторых случаях, когда пространственно-временные интервалы можно свести к временным интервалам, допустимо приписывать абсолютность и объективность и одновременности, и длительности событий.

Литература

1. *Гайденко П.П.* Эрнст Мах в контексте философии конца XIX – начала XX века // Метафизика. – 2016. – № 3 (21). – С. 13–27.

2. *Грюнбаум А.* Философские проблемы пространства и времени. – М.: Прогресс, 1961. – 591 с.

3. *Зайкова А.С.* Одновременность как эпистемический конструкт // Философия науки. – 2017. – № 2 (73). – С. 87–96.

4. *Ивин А.А.* Истина в потоке времени: философский и логический анализ. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 363 с.

5. *Ивин А.А.* Модальные теории Я. Лукасевича. – М.: ИФ РАН, 2001. – 176 с.

6. *Мах Э.* Познание и заблуждение. – М.: Изд-во С. Скирмунта, 1909. – 421 с.

7. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989. – 688 с.

8. *Рейхенбах Г.* Направление времени / Пер. с англ. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 364 с.

9. *Сторожук А.Ю.* Человеческое, слишком человеческое: препятствия на пути к «теории всего» // Философия науки. – 2017. – № 2 (73). – С. 60–65.

10. *Хокинг С.* Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр / Пер. с англ. – СПб.: Амфора, 2001. – 268 с

11. *Эйнштейн А.* К электродинамике движущихся тел // Лоренц Г.А., Пуанкаре А., Эйнштейн А., Минковский Г. Принцип относительности. – Л.: ОНТИ, 1935. – С. 7–35.

12. *Эйнштейн А.* Основы общей теории относительности // Лоренц Г.А., Пуанкаре А., Эйнштейн А., Минковский Г. Принцип относительности. – Л.: ОНТИ, 1935. – С. 452–504.

13. *Barbour J.* The End of Time: The Next Revolution in Physics. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 384 p.

14. *McTaggart J.M.E.* The unreality of time // Mind. – 1908. – No 17. – P. 457–474.

References

1. *Gaydenko, P.P.* (2016). Ernst Makh v kontekste filosofii kontsa XIX – nachala XX veka [Ernst Mach in the context of philosophy of the late 19th – the early 20th centuries]. Metafizika [Metaphisics], 3 (21), 13–27.

2. *Grunbaum, A.* (1969). Filosofskie problemy prostranstva i vremeni [Philosophical Problems of Space and Time]. Moscow, Progress Publ., 591. (In Russ.).

3. *Zaykova, A.S.* (2017). Odnovremennost kak epistemicheskiy konstrukt [Simultaneity as an epistemic construct]. Filosofiya nauki [Philosophy of Sciense], 2 (73), 87–96.

4. *Ivin, A.A.* (2015). Istina v potoke vremeni: filosofskiy i logicheskiy analiz [Truth in the Flow of Time: Philosophical and Logical Analysis]. Moscow & Berlin, DirectMedia Publ., 363.

5. *Ivin, A.A.* (2001). Modalnye teorii Ya. Lukasevicha [Modal Theories of Y. Lukasevich]. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 176.

6. *Mach, E.* (1909). Poznanie i zabluzhdenie [Knowledge and Error]. Moscow, S. Skirmunt Publ., 421. (In Russ.).

7. *Newton, I.* (1989). Matematicheskie nachala naturalnoy filosofii [Mathematical Principles of Natural Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 688. (In Russ.).

8. *Reichenbach, H.* (2003). Napravlenie vremeni [The Direction of Time]. 2nd ed., stereotyp. Tranls. from Engl. Moscow, Editorial URSS Publ., 364. (In Russ.).

9. *Storozhuk, A.Yu.* (2017). Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe: prepyatstviya na puti k «teorii vsego» [Human, all too human: obstacles on the way to the "theory of everything"]. Filosofiya nauki [Philosophy of Sciense], 2 (73), 60–65.

10. *Hawking, S.* (2001). Kratkaya istoriya vremeni: Ot bolshogo vzryva do chernykh dyr [A Brief History of Time: From the Big Bang to Black Holes]. Transl. from Engl. St. Petersburg, Amfora Publ., 268. (In Russ.).

11. *Einstein, A.* (1935). K elektrodinamike dvizhushchikhsya tel [On the electrodynamics of moving bodies]. In: Lorenz, G.A., A. Poincare, A. Einstein & G. Minkowski. Printsip otnositelnosti [The Principle of Relativity]. Leningrad, ONTI [Joined Publishing House for Scientific and Technical Literature], 7–35. (In Russ.).

12. *Einstein, A.* (1935). Osnovy obshchey teorii otnositelnosti [The foundation of the generalised theory of relativity]. In: Lorenz, G.A., A. Poincare, A. Einstein & G. Minkowski. Printsip otnositelnosti [The Principle of Relativity]. Leningrad, ONTI [Joined Publishing House for Scientific and Technical Literature], 452–504. (In Russ.).

13. *Barbour, J.* (2001). The End of Time: The Next Revolution in Physics. Oxford, Oxford University Press, 384.

14. *McTaggart, J.M.E.* (1908). The unreality of time. Mind, 17, 457–474.

Информация об авторе

Зайкова Алина Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8)

zaykova.a.s@gmail.com

Information about the author

Zaykova Alina Sergeevna – the junior researcher of the Institute of Philospphy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia)

zaykova.a.s@gmail.com

Дата поступления 25.02.2012

УДК 001. 5
DOI: 10.15372/PS20210109

С.В. Глухов

«ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛОВОЙ ОТБОР» Ч. ДАРВИНА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА*

Цель статьи – показать, как новые исследования и научные веяния отражаются на тезисной и концептуальной базе классического произведения Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор». Этот труд Дарвина посвящен животрепещущим вопросам его времени, которые стали обсуждать главным образом после того, как на них обратил внимание этот гениальный ученый. Эволюционная парадигма требовала рассмотреть человека не как божественное создание, а как создание природы, имеющее близкое родство с животным миром. Это было сделано на страницах указанного произведения. Будучи систематиком, Дарвин не мог не коснуться темы сходств и различий человеческий рас. И наконец, в сферу внимания ученого попала тема полового отбора, полностью сформулированная им самим в связи с недостаточностью его предыдущей концепции – естественного отбора.

Ключевые слова: Дарвин; дарвинизм; неодарвинизм; половой отбор; естественный отбор; расология; расы; антропогенез

S.V. Glukhov

«THE DESCENT OF MAN, AND SELECTION IN RELATIONTO SEX» BY CH. DARWIN: A VIEW FROM THE 21th CENTURY

The purpose of the article is to show how new research and scientific trends are reflected in the thesis and conceptual framework of Charles Darwin's classic work "The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex". This work of Darwin deals with the vital issues of his time, which arose mainly after they drew the attention of this brilliant scientist. The evolutionary paradigm required considering a human being not as a divine creature, but as a creation of nature closely related to the animal world. This was done on the pages of the said work. As a taxonomist, Darwin could not help but touch upon the topic of similarities and differences among human races. And, finally, the scientist's attention came to the topic of "sexual selection"; he formulated it entirely by himself at the insufficiency of his previous concept of "natural selection".

Keywords: Darwin; Darwinism; neo-Darwinism; sexual selection; natural selection; rasology; races; anthropogenesis

---

* Статья публикуется в порядке обсуждения.

© Глухов С.В., 2021

Обозначим, следуя за Ч. Дарвином, базовые постулаты концепции полового отбора («Происхождение человека и половой отбор» [6]):

1. Самцы отличаются от самок наличием вторичных половых признаков, помогающих им в ухаживании за самками, а также служащих им для драк за обладание оными [6, с. 266].
2. К подобным признакам Дарвин относит и некоторые личностные качества самцов: драчливость, силу, страстность и прочие их особенности [6, с. 266].
3. Самки выбирают наиболее выдающихся самцов, выступая инструментом сохранения и постоянного усовершенствования этих признаков [6, с. 270].
4. Самка гораздо избирательнее самца [6, с. 283].
5. Полигамные самцы, как правило, имеют выдающиеся половые признаки [6, с. 277].
6. Вторичные половые признаки очень изменчивы [6, с. 282].
7. Развитые до крайности, эти признаки становятся вредными: яркая окраска делает самца заметным, а длинные рога требуют большого расхода сил [6, с. 305].

Последний тезис стал для Дарвина самым проблематичным. Обнаружив, что далеко не все фены (признаки и привычки) помогают особи в борьбе за выживание, он отказался от абсолютизации своей идеи естественного отбора («Происхождение видов путем естественного отбора» [5]).

В XX в. концепция полового отбора была пересмотрена. За нее взялись основатели (в числе многих) синтетической теории эволюции Дж. Хаксли и Р. Фишер. Хаксли занял наиболее скептическую позицию. Он утверждал, что с феноменологической точки зрения половой отбор полностью тождествен естественному отбору (те же идеи высказывал современник Дарвина, развивавший его учение, – А. Уоллес). Более умеренной позиции придерживался Фишер, полагая, что на самом деле половой отбор является модусом естественного.

Почему вообще важно говорить о половом отборе? И Дарвин, и задолго до него Ламарк не раз подчеркивали, что для решения вопроса об эволюции вида необходимо выяснить, какие самцы и самки, составляющие конкретную популяцию (в то время популяцию и вид почти не разграничивали), вступают в половую связь.

С другой стороны к проблеме полового отбора решил подойти в своей работе «Половой отбор: теория или миф» отечественный исследователь Е.Н. Панов. Выделив (как это сделали мы) базовые постулаты концепции, он поставил перед собой цель найти для нее эмпирические подтверждения (или опровержения). В результате ученый пришел к парадоксальному выводу: как феномен, половой отбор полностью опровержим.

Рассмотрим внимательнее доводы и эмпирические доказательства, приведенные Пановым. Прежде всего, что касается противоречий между половым и естественным отборам, то их можно смело отбросить. Те самые вторичные (в самом их названии заключено пренебрежительное отношение) половые признаки вроде физической силы и массы тела не только могут, но и должны самым непосредственным образом влиять (и в положительную сторону!) на способность животного к выживанию, особенно на фоне конкурентов внутри популяции. В качестве примера можно привести шею жирафа, по поводу которой было сломано столько копий еще в XIX в. Сам Дарвин описывал этот фен как иллюстрацию естественного отбора. Но по новым данным, которые приводит Панов, самцы жирафа использует шею для драк между собой [10, с. 54–57]. А это как раз и значит, что половой отбор является инструментом (или модусом) естественного отбора.

Однако Панов здесь не останавливается. Он ставит под сомнение и другие постулаты, казалось бы, «вечной» теории и на множестве примеров показывает, что: 1) самцы далеко не всегда крупнее и сильнее самок; 2) нередко самки обладают такими же выдающимися половыми признаками, как и самцы, и даже превосходят их; 3) самки также ухаживают за самцами; 4) выбор самок не избирателен и даже случаен (самка выбирает первого попавшегося самца); 5) половые признаки не вредны и не требуют для себя значительных энергетических затрат; 6) половые признаки, даже такие как хвост павлина или фазана, на самом деле помогают в межвидовой борьбе, вызывая страх у хищников или физически участвуя в драках; 7) наконец, совсем не обязательно, что выдающиеся половые признаки имеют только полигамные самцы, а моногамные их не имеют.

Звучит весомо. Добавим к этому, что обычно заметная для хищников яркая окраска самца (или самки) в некоторых случаях выполняет криптическую функцию. Мы знаем это благодаря работе «Приспособительная окраска животных» за авторством Х. Котта [8]. В двенадцатой главе своего труда Котт показывает, что животные используют

яркую окраску и для отпугивания врагов (можно предположить, что это особенно эффективно по отношению к молодым и инвазивным особям). Таким образом, предпочтение самками того или иного цвета является надстройкой над первичной адаптивностью. Кроме того, другой типичный элемент ухаживания – вокализация может применяться животным и в ситуации, когда необходимо напугать жертву или, напротив, избавиться от хищника. Вот почему эти «дуэли» нередко сопровождаются истошными криками. Как и в случае окраски, эффективность вокализаций непосредственно зависит от опытности или неопытности животного, выступающего в качестве оппонента. Во время ухаживаний некоторые животные чередуют позы агрессии и примирения. Разница между ними в том, что первые призваны показать все выдающиеся части тела животного, тогда как вторые – скрыть их. В противостояниях с хищником позы примирения, разумеется, бесполезны, но колониальные виды могут использовать их во внутригрупповом взаимодействии, так что они тоже не являются уникальным продуктом полового отбора. Позе примирения может сопутствовать демонстрация обыкновенно окрашенных участков тела.

Так что же, полового отбора (а вместе с ним, пожалуй, и естественного отбора в его специфическом понимании) вовсе не существует? Я бы не был столь категоричен. Приводимые Пановым эмпирические данные не всегда интерпретируются им прямо. К примеру, анализируя поведение территориальных животных во время брачного периода, Панов неоднократно указывает на то, что самцы, занявшие центральные территории, намного более плодовиты. Если учесть, что они проходят на эти позиции за счет драк, в которых обычно побеждают более мощные особи, или за счет угрожающих демонстраций, которые также более эффективны в исполнении подобных особей, разве не имеем мы перед собой классический случай избирательности самок? То же можно сказать о случаях открытого противостояния самцов на токовищах, где право пользоваться самкой получает самый сильный. Что касается нетерриториальных животных, то успех плодовитости небольшой группы самцов, оцениваемый в 60–80% (число зафиксированных спариваний), говорит сам за себя (речь, конечно, не идет о спариваниях в моногамной паре или в группах, где размножение ограничено). Важное условие в такого рода экспериментах – избирательность самок по ключевым признакам: выдающимся размерам, окраске и т.д. Панов, однако, никак эти факты не комментирует.

Говоря о полигамных и моногамных самцах, Дарвин, возможно, экстраполировал наблюдения за мужчинами своей эпохи или эпох более ранних, но такой перенос нельзя назвать абсолютно нелегитимным. По крайней мере для класса птиц исходный дарвиновский тезис работает: здесь самцы-полигамы явно выделяются своими признаками и поведением. Но тем не менее мы не можем просто отбросить данные, которыми оперирует Панов. Еще в начале прошлого века М.М. Завадовский проводил практические исследования по кастрации птиц. Результаты получились до некоторой степени неубедительными. Только 22 из 31 курочки приобрели петушьи шпоры и перо, причем закончили переодевание лишь 15 – из-за регенерации яичника. Никто из курочек не пел [7, с. 42–43]. Кроме того, кастрированные фазаны (на сей раз самцы) сохранили внешний облик нормальных самцов и отличались от них только повадками и голосом, который стал выше [7, с. 46]. У петушков, в свою очередь, сохранились голос и шпоры [7, с. 60–61]. Что мы вообще знаем об удаленных в этом эксперименте гонадах? Они вырабатывают специфические гормоны: андрогены и эстрогены. Драчливые самцы обычно отличаются высоким уровнем тестостерона. С учетом того, что рак яичка вызывает переразвитие у мальчиков, очевидно, размер гонад имеет принципиальное значение для продукции того, что можно было бы назвать мужским и женским элементами (кроме того, гонады самцов увеличиваются в сезон спаривания, когда они становятся более агрессивными, и при эструсе у самок). Теперь вновь воспользуемся популяционной логикой. Когда вид эволюционирует, с определенной вероятностью мужской элемент полигамного самца может быть подавлен. В таком случае полигамный самец не эволюционирует до моногамного, но, скажем, приобретает некоторые его черты (согласно опытам Завадовского). Это объясняет, почему в мономорфной популяции, где отсутствует половой диморфизм, вдруг процветает полигиния.

Следовательно, как мы видим, двум концепциям отбора на самом деле ничего не угрожает. В некоторых (но далеко не во всех) популяциях естественный отбор прогрессивно воздействует на фенетические особенности животных. Но если фены отличаются изменчивостью лишь у самцов, нельзя ли сказать, что в общем смысле их передача осуществляется «монархическим» путем – от отца к сыну (или же, напротив, от матери к дочери, если среди всей популяции выделяются самки)? Несколько раз на страницах своего произведения Дарвин называет самок «инадаптивными» по сравнению с самцами (см., напри-

мер, [6, с. 82]). В эволюционном плане, однако, эту дифференциацию можно считать выгодной: в то время как выдающиеся формы создают базис изменчивости для прогрессивного видообразования, менее выдающиеся (как правило, речь идет о самках) – для регрессии, что неоднократно случалось в истории видов нашей планеты. Последний феномен получил в научной литературе название «неотения». Редко обращают внимание на то, что понятие неотении отражает не совсем однородный феномен. На самом деле существует два типа неотении: инфантизация и феминизация. При феминизации самец приобретает черты самки (страдает мужской элемент), а при инфантизации как самец, так и самка приобретают черты своих отпрысков.

На прогрессивном увеличении приспособленности организмов построена вся методология современного неодарвинизма. Именно с такими надеждами обращался к концепции полового отбора Р. Фишер: самки всегда выбирают наиболее приспособленных самцов, что способствует процессу эволюции [10, с. 39–41]. Однако мы отчетливо видим: это не так (или не всегда так). Разбирая формулы Фишера, находим, что он совершенно не понимал, как устроена популяция. Возьмем в качестве примера его интерпретацию закона Харди – Вайнберга.

Этот закон был сформулирован на заре генетики и предполагал тройную структуру популяции: гомозиготные особи по доминантному признаку соседствуют с гомозиготными по рецессивному признаку и гетерозиготными. Я обратил внимание на данный закон, поскольку он априори исходит из доминантности признаков самца и рецессивности признаков самок. Как же Фишер интерпретировал его? Он посчитал закон Харди – Вайнберга верным, но отказался от гетерозиготных особей (т.е. от «женоподобных» самцов), заменив их мутантами [12, с. 9–11]. В понимании Фишера вся популяция делится на два качественных пласта, не зависящих от пола. На деле же большинство популяций сохраняют внутри себя тройную структуру и наследственную генотипическую природу (по Ламарку) всех особей в длинной череде поколений. Об этом же писал и Дарвин, вводя в последних изданиях «Происхождения видов» термин «единство типа» [5, с. 174]. Насколько длинной может быть такая череда, зависит от внешних обстоятельств, индивидуального выбора самок и степени пластичности животных. Эколого-анцестральный генотип более стабилен и очевиден, конечно же, в мономорфной популяции, где самцы подобны самкам, но в ней представлен лишь один качественный пласт. Мне могут возразить, что до первого брачного периода доживают лишь самые

сильные самцы. Это не так, поскольку в юном возрасте большая часть фенов слабо варьирована. Могут также возразить, что самцы-аутсайдеры не доживают до середины жизни, но и это неправда, ведь инадаптивные самки с легкостью проходят данный жизненный этап.

Однако остается не совсем ясным, почему бы животным не перейти полностью на такой тип эволюционирования. С одной стороны, для популяции проще всего оставаться в пределах знакомой им экологической ниши. Но дело не только в этом. В семнадцатой главе своего труда под названием «Теория полового отбора» [4] советский биолог Л.Ш. Давиташвили обсуждает проблему вымирания хищных саблезубых животных. Несмотря на грозный вид и максимально выдающиеся клыки, они вымерли еще в конце плейстоцена (некоторые – гораздо раньше). Палеонтологические находки подтверждают странный факт: клыки не помогали ими в добывании пищи, а даже мешали. Из-за своей анатомии клыки застревали в жертве и обламывались, лишая хищника главного оружия в борьбе за существование.

Есть и другой пример – вымирание в ту же эпоху крупных млекопитающих. Млекопитающие вообще живучее других животных: палеонтологами и зоологами насчитано не больше 20 тыс. видов, и это намного меньше, чем животных любого другого класса (вымирая, вид остается в палеонтологической летописи и дает после своей смерти один, два или даже больше новых подвидов либо не дает их вовсе). Крупные млекопитающие – львы, гиены, слоны и проч. доминировали в плейстоцене, так же как задолго до этого доминировали динозавры вплоть до их массового вымирания. Виной тому – перманентные процессы аридизации в тропических районах (они же, кстати, повлияли и на эволюцию человека), которые приводили к расширению саванных и полусаванных территорий, где крупные животные были очень уместны. Однако перенаселенность данных территорий приводила к миграциям на север. Такие животные, как лев и слон, образовали подвиды, расселенные по всему северу Евразии и Америки (вот где они были совершенно неуместны!). За ними туда (точнее, в Европу) направились и представители рода Homo – так появились неандертальцы.

Неандертальцы были плохо адаптированы к новым условиям, хотя провели на этой территории более 500 тыс. лет, до того как их вытеснили Homo sapiens. Из-за резкой смены климата они приобрели неподъемную жировую массу (даже в черепной коробке (!); то же самое происходит и при образовании липом), которую ныне антропологи обычно принимают за развитые мышцы и (в случае черепа) за большой

объем мозга. По этой причине неандертальцы с трудом удерживали в руках свои каменные орудия (надо думать, и производили они их с трудом).

Животные, прибывшие из Африки, находились в том же положении, что и неандертальцы. Когда в Европе наступил новый ледниковый период, многие крупные млекопитающие, как я предполагаю, пытались мигрировать обратно в Африку, но здесь их ждали более адаптированные конкуренты. Другие остались в Европе и были уничтожены Homo sapiens с их особенными хищническими навыками, как и до этого были вытеснены неандертальцы (правда, сделано это было не за счет физического уничтожения, а за счет направленной гибридизации). Самое загадочное в данной ситуации – почему вымерли столь высокоадаптированные к холодному климату животные, как гигантские олени. Их рога были невероятного размера, весьма превосходили рога живущих ныне оленей. С такими рогами охотиться и кормиться можно только на открытом пространстве. Неизвестно, были эти олени травоядными или нет. В любом случае в условиях ледника тундровая растительность была очень скудной (к тому же сокращались сезоны цветения), а мелкие животные либо вымирали, либо мигрировали в лесную зону, где было больше еды.

Что же до главного тезиса Дарвина о сугубом противоречии между естественным отбором и половым, то его можно переформулировать заново. Половой отбор способствует сохранению единства типа в той популяции, где в течение многих генераций самки предпочитают спариваться в равной мере как с доминантными, так и с недоминантными самцами (аутсайдерами). В то же время естественный отбор способствует фенетической прогрессии в той популяции, где в течение многих генераций альфа-самцы более плодовиты, чем самцы-аутсайдеры. Такая популяция, если она состоит исключительно из двуполых организмов, развивается за счет системы мутантного воспроизведения (половина сыновей альфа-самцов получают немного более улучшенные фены), однако в конечном счете это может привести ее к вымиранию. Важно уточнить, что в данном случае речь не идет о тех популяциях, где размножаются только одна особь или пара особей, а остальные особи остаются бесплодными (например, некоторые виды пчел, муравьев и др.). Здесь разнообразие поддерживает система мутантного воспроизведения.

Остается понять, почему самки отдают предпочтение самцам-аутсайдерам. Можно, конечно, просто констатировать факт, но этого

недостаточно. Обратимся к отечественному этологу М.Л. Бутовской, которая занимается, помимо прочего, проблемами полового отбора. Этой теме посвящен ее труд «Антропология пола». Бутовская приводит точку зрения современных эволюционных антропологов, оторые сходятся на одной модели, помогающей понять распределение женских симпатий по отношению к мужчинам. Разные когорты женщин предпочитают мужчин с противоположными психотипами. Первый – это «отец-кормилец», участвующий наравне с женщиной в воспитании и обеспечении потомства; второй психотип – «мачо», обладающий набором черт гипертрофированной мужественности [2, с. 152–153]. Решающее и принципиальное значение здесь имеет установка на заботу о потомстве.

В ряде исследований общественного мнения было продемонстрировано, что женщины, как правило, ориентируются на усредненный вариант: например, они скорее предпочитают худых, но мускулистых мужчин, чем мужчин с избыточно развитыми мышцами [11, с. 256]. В работе «Эволюция красоты» современный биолог Р. Прам обсуждает этот и другие факты, показывающие своеобразие полового отбора, и приходит к выводу, что подобные явления бросают вызов устоявшимся адаптационистским концепциям (т.е. «естественному отбору»).

Но можно ли найти что-то схожее в животном мире? Да, и речь пойдет о приматах. Все приматы выстраиваются в довольно простой ряд по соотношению параметров «размер и масса тела / забота о потомстве» (речь идет только о самцах). В начале этого ряда – гориллы, которые полностью игнорируют свое потомство (исключение составляют промискуитетные, негаремные группы). Дальше располагаются шимпанзе (в исключительных случаях самец может обратить внимание на детеныша), за ними – павианы (время от времени заботятся о потомстве) и, наконец, большой пласт миниатюрных приматов: гиббоны, лемуры, лори, игрунки, тамарины, сиаманги, титисы, капуцины, макаки, мартышки. Интересно, что в пределах этого пласта более заботливы моногамные самцы. Из правильного ряда выбиваются орангутаны, галаго и бонобо (но, возможно, и некоторые другие). Первые – по причине своей асоциальности (самцы большую часть жизни проводят в одиночестве), вторые – по причине своей территориальности (неколониального типа, самцы активно защищают территорию), третьи – поскольку не смогли добавить к внутри- и межгрупповой миролюбивости еще и чадолюбие после дивергенции с шимпанзе, хотя их мужской элемент значительно пострадал. Вряд ли в природе можно

найти более правильный ряд – даже если в пределах того или иного семейства установилась определенная тенденция, она не переходит в статус «догмы», так как виды продолжают эволюционировать. Вероятнее всего, самцовая забота о потомстве возникла у миниатюрного предка всех приматов и по мере увеличения размеров самца последовательно деманифестировалась.

Возможно, прочитав этот текст, Е.Н. Панов возмутится использованием антропологического материала для интерпретации зоологического, поскольку является ярым противником антропоморфизации в этологических исследованиях. И с ним можно согласиться, когда он критикует «энергетические» концепции в этологии, предполагающие наличие у животного рассудка, способности соотносить риски и предугадывать будущее. Однако в целом нельзя согласиться с тем, что человеку чужды животные инстинкты. Наша психика устроена принципиально тем же образом, и многие учебники пестрят сравнениями человека и какого-либо животного – примата, млекопитающего и т.д., на основе их поведения. Некоторые ученые переходят грань, считая человека чем-то вроде «инстинктивной машины». На самом деле у нас гораздо больше пространства для «нонконформистского» поведения, чем у любого когда-либо существовавшего животного.

Так мы плавно подошли к следующей тематической части «Происхождения человека и полового подбора» – антропогенезу. Дарвин поставил перед собой цель не только показать, что человек произошел из животного мира, но также указать на его конкретного предка. К сожалению, он этого не сделал, ограничившись эвфемизмами (которые, впрочем, соответствовали его методу поиска у схожих форм монофилетического корня). Он называет этого предка «полуобезьяньим предком» [6, с. 22] и «общим родоначальником» [6, с. 195], имея в виду нас и обезьян. По крайней мере, Дарвин был уверен, что человек принадлежит к семейству узконосых обезьян Старого Света, но форма, от которой он произошел, не имеет никакого отношения к какой-либо из существующих ныне обезьян [6, с. 198].

Для общества, в том числе научного, было достаточно уже того, что между человеком и обезьяной может быть какая-то генеалогическая связь. Дарвинисты (а возможно, и сам Дарвин) пошли на поводу у публики и, решив не нагнетать и без того революционную ситуацию, остановились на размытой формулировке. Это сыграло злую шутку с антропологией. Вместо того чтобы искать филогенетическую связь между человеком и каким-либо существующим ныне приматом, ан-

тропологи вовсю эксплуатируют данный штамп, ссылаясь на авторитет Дарвина.

С появлением молекулярных исследований проблема приобрела еще больший размах. Согласно их результатам человек оказался ближе всего к двум видам приматов: шимпанзе и бонобо. Использованная правильно, эта информация могла бы стать основой для четкой исторической схемы антропогенеза. Другие молекулярные исследования показали, что шимпанзе и человек имеют общего предка, жившего задолго до появления рода Homo. При этом бонобо приходится человеку «двоюродным братом», отделившись в свое время от шимпанзе. Казалось бы, искомый предок найден, но некстати появились другие исследования с совершенно иными результатами. В итоге сегодня говорят о как минимум четырех «общих предках»: одному 11 млн лет, другому – 7 млн, третьему – около 4 млн, а последнему – 2,5 млн. При этом каждый исследователь геномов заявляет со страниц своей статьи, что наконец-то определено время дивергенции между шимпанзе и человеком!

Как разобраться в этой проблеме? Будем исходить из того, что шимпанзе и бонобо действительно ближе всего к нам (сомневаться в этом не приходится). Теперь посмотрим на историю палеонтологических находок. Два с половиной миллиона лет назад найдены первые оседлые поселения австралопитеков. Если взглянуть на австралопитеков внимательно, увидим, что они прошли через процесс феминизации, так как половой диморфизм (а также клыки, которые самцы шимпанзе используют в угрожающих демонстрациях) у них практически отсутствует. Значит, нам нужно искать схожие формы. Четыре миллиона лет назад появился первый австралопитек со схожими характеристиками. Дальше несколько сложнее.

Взглянем на серию более древних экземпляров. Здесь обращают на себя внимание Orrorin и Ardipithecus, датируемые как раз примерно 7–6 млн лет назад. Оба этих подвида чрезмерно грацильны, что нас весьма устраивает (есть между ними и другая общая черта – неполный, но вполне развитый бипедализм). Но кто они? Мы не знаем, несмотря на все усилия, сколько времени существует вид шимпанзе. Останки находят очень редко, и чаще всего они не древние. Филогенетика говорит скорее в пользу недавнего происхожденич шимпанзе. Таким образом, вполне возможно, что какая-то из этих форм действительно дала начало виду шимпанзе 7–4 млн лет назад. Но не забываем, что есть и более поздний кандидат. Я предположу, что речь идет о представите-

лях вида Oreopithecus, или просто ореопитеке. Ореопитек жил на территории современной Италии примерно 11 млн лет назад. Отличительные черты – мономорфизм и отсутствие клыков. Попробуем восстановить историю. В результате того или иного катаклизма (биогенного или небиогенного) часть популяции ореопитека 11 млн лет назад мигрировала из Европы в Африку. Здесь она дала начало линии шимпанзе, а сама скорее всего вымерла из-за давления хищников. Если бонобо произошли от шимпанзе, то почему невозможно обратное? Orrorin и Ardipithecus – скорее всего неудачный продукт эволюции шимпанзе около 7–6 млн лет назад; и тот, и другой найдены в Эфиопии.

Осталось понять, кто же такие австралопитеки и от кого они произошли, дав через какое-то время жизнь роду Homo. Предположу, что их непосредственным предком является как раз шимпанзе. С учетом консервативности генома все новые «бонобоподобные» формы использовали генетический материал, накопленный ореопитеками, чем и вызвано такое разнообразие противоречащих друг другу данных о дивергенции шимпанзе и человека. Кажется, что гипотеза Дарвина подтвердилась, но все же есть сомнения. Отличие оседлых австралопитеков от других «феминных» форм – в большей массивности. На самом деле бонобо и ореопитек, можно сказать, неприспособленные виды. Они обитали (а в случае бонобо продолжают обитать) в изоляции от хищников, чего не скажешь об оседлых австралопитеках, которые существовали где-то на границе экологической ниши крупных кошачьих и других опасных млекопитающих. Рост самца бонобо и прочих схожих форм – около 1,2 м, тогда как рост австралопитека – не менее 1,4 м. Возникает вопрос: можно ли считать австралопитека представителем рода Homo? Я думаю, что да. Существующие ныне критерии «гоминидности» (например, «мозговой рубикон») очень произвольны. Никто не может сказать, какой должен быть объем мозга у человека. Австралопитеки в честном бою отвоевали себе место для обитания у других животных и полностью диверсифицировались по отношению к шимпанзе. Они вполне заслужили таксономический ранг Homo australopithecus.

Сделаем последний вывод. Следует отчасти принять предположение дарвинизма о существовании общего предка обезьяны и человека, но никак нельзя принять то, что человек произошел от какого-то неизвестного примата, не существующего ныне.

Дарвин принадлежал ко второму поколению биологов, всерьез интересовавшихся тематикой расологии, а в качестве его предшествен-

ников можно упомянуть Линнея, Бюффона и Кювье. По большому счету, биологические законы едины для всех живых существ, а следовательно, методология концепции естественного отбора приложима и к изучению человека. Так или примерно так размышлял Дарвин, прежде чем приступить к написанию работы «Происхождение человека и половой отбор».

Как наука, расология оказалась дискредитирована политическим движением расизма в начале и середине прошлого века. На основании жестких иерархических схем, составленных расологами постдарвинисткого периода, была выстроена антигуманная политика в Германии, Италии и других странах. Многие из этих расологов даже не подозревали, что сочиняемые ими теории могут послужить злу, и подавляющее их число вообще не имели никакого отношения к данным политическим режимам. Сегодня все чаще слышны голоса ученых, предлагающих похоронить расологию, а на ее место допустить новую науку – расоведение, которое будет заниматься проблемами человеческих рас.

Однако Дарвин был именно расологом (хотя не занимался расологией напрямую) и даже, пожалуй, мог бы считаться расистом, если бы родился в наше время. Действительно, если выживает только сильнейший (в последние годы Дарвин предпочитал говорить, что выживает самый приспособленный), то нельзя ли провести своеобразную ревизию нашего общества, взятого в его общей перспективе? Именно ответ на этот вопрос породил не только расологию, но и другую науку, которая ей сопутствовала, – евгенику. Существующие свидетельства «расизма» Дарвина разбросаны по страницам его сочинения. Дарвин выступает здесь как систематик: для него важно отыскать четкие критерии развития человечества и составляющих его групп. Один из таких критериев – расстояние, которое прошла та или иная группа от своего филогенетического корня, т.е. «обезьянообразного родоначальника». В связи с этим Дарвин явно указывает на три группы людей: так называемых «дикарей», раннюю цивилизацию и негроидное население – и неявно на группу, представляющую современного ему белого «цивилизованного» человека. Критерии отсталости названных выше трех групп Дарвин видел в следующем: в их поведении, которое близко к поведению животного; в анатомии (общая грацильность, наличие мощных челюстей и надбровных дуг, меньший объем мозга); в способностях, часьть которых развита больше, чем у цивилизованного человека (например, обоняние), а часть – меньше (интеллект); в слабой резистентности к изменению жизненных условий; в высокой вероятности

спонтанного появления рудиментарных признаков; и наконец, в числе рождающихся в каждом поколении гениальных личностей.

Был ли Дарвин расистом? Имел ли он право на такую классификацию человеческого вида? Прежде всего надо сказать, что Дарвин был ученым, а не политиком. Он лишь пытался найти истину и разобраться в систематике нашего вида. Ни он, ни будущие расологи, за исключением политически ангажированных, не были виноваты в тех последствиях, к которым привели их теории. Настоящего ученого можно обвинить только в одном – в ошибке. Отвечая на поставленные выше вопросы, могу категорически заявить, что Дарвин не был расистом и что он имел право на такую классификацию человеческого вида и был даже по-своему прав.

Догадываюсь, что последняя ремарка все-таки нуждается в пояснении. Начнем с исторического экскурса. Спустя полвека после падения фашизма наука и общество пытались прийти к консенсусу относительно единства всех рас (включая, разумеется, и дикарей). В 2003 г. вышла работа, ставшая на долгие годы хрестоматийной [9]. Ее автор, С. Оппенгеймер, стал, в свою очередь, одним из самых цитируемых ученых в XXI столетии. В этой работе все человечество оказалось потомками одной группы гоминид (пресловутые Homo sapiens), которые сформировались примерно 130 тыс. лет назад, а 80 тыс. лет назад пустились на покорение почти опустевшей после извержения вулкана Тоба планеты. Эта идея была подхвачена и принята на ура всем научным миром. Однако если разобрать аргументацию Оппенгеймера, выяснится, что его гипотеза полна противоречий (в нижеследующих абзацах будут рассмотрены лишь некоторые из них).

Не приходится оспаривать лишь главный тезис Оппенгеймера – одна или несколько (!) групп гоминид, сформировавшихся в Африке на границе среднего и верхнего палеолита, навсегда изменили антропный облик планеты. При чтении его работы, во-первых, не покидает ощущение, что генетические данные можно трактовать как угодно, а во-вторых, возникает мысль, что учитывая это, нельзя пренебрегать другими данными, которые обычно используют антропологи. Оппенгеймера мало интересуют палеоантропологические находки, а из всех технологий среднего палеолита он знает только мустье. Будь иначе, он бы непременно обратил внимание на неоднородность антропологического и технологического материала в Африке: в западной и южной ее частях сосредоточены примитивные экземпляры, чего нельзя сказать про север и восток. Почему здесь сложилась такая своеобразная ситуация?

Дело в том, что на протяжении миллиона лет на планете происходило перемешивание всех групп: неандертальцев, азиатских, африканских и ближневосточных Homo erectus. Это видно как по технологиям, так и по внешним параметрам представителей этих групп. Центром миграций была ближневосточная зона: все потоки проходили через этот регион. Об этом недвусмысленно говорит местное генетическое разнообразие, которое отмечает, но никак не комментирует обычно чуткий к такой информации Оппенгеймер. В силу удаленности от данного центра относительную эндемичность сохранили только две группы: западно-европейские неандертальцы, а также африканцы на юге и западе континента. Однако важно, что перемешивания в пределах африканского и европейского континентов все же имели место. Особняком стоит Северная Африка: местные гоминиды сохранили связь не только со своим материком, но и с неандертальцами.

Оппенгеймер четко проговаривает, что мы все независимо от расового происхождения принадлежим к гаплогруппе L, а конкретнее – к гаплогруппе L3. При этом сейчас гаплогруппа L встречается только в Африке, а L3 – только в восточной ее части. Оппенгеймер отталкивается от определенной даты появления «анатомически современного человека» (а ведь мы, современные люди, очень различны) и гаплогруппы L3, установленной им по генетическим следам. Однако вполне вероятно, что потомки более ранних представителей Homo sapiens (так называемых) просто не выжили. Демографические показатели каменного века значительно уступают тем же показателям цивилизации первых городов и государств, не говоря уже о сегодняшнем дне. За 100–200 тыс. лет маленькие сообщества вымирали полностью или почти полностью из-за природных бедствий или стечения обстоятельств, а на них место приходили мигранты из других регионов. Благодаря реконструкциям верхнепалеотических поселений на территории России, которые были выполнены советскими антропологами, выяснилось, что единовременно здесь проживало не менее 20 и не более 200 человек. Это объясняет, почему вообще стали возможны такие масштабные перемешивания между гоминидами.

За африканским рубежом макрогруппа L3 делится на дочерние гаплогруппы: N, M, R, U и проч. Можно ли сказать, что мы все являемся потомками гоминид макрогруппы L3? Можно. Но эта макрогруппа не олицетворяет всю Африку, не все ее представители имеют насыщенно-темный цвет кожи (не забываем про перемешивания) и другие атрибуты африканцев. Далее на основании этого факта Оппенгеймер

сводит родство других гаплогрупп. Рассмотрим внимательнее гаплогруппу M. Она встречается у меланезийцев, австралийцев (я имею в виду аборигенов), части индусов и полинезийцев и в измененном виде у индейцев, айнов и малых народов севера-востока России. Все эти этносы объединяет примитивный культурный, интеллектуальный и технологический уровень. Это те самые дикари, о которых несколько уничижительно писал Дарвин. «Дикарь» звучит по-русски очень оскорбительно, но почему бы не интерпретировать данное слово иначе – как обозначение приверженности к дикой, негородской жизни. Эта особенность, конечно, не добавляет козырей дикарям, так как жизнь в крупных урбанистических агрегациях требует особого напряжения психики и эмпатии по отношению к другим людям. Во многих дикарских сообществах существует «правило 150». Это правило означает, что в случае если в группе оказывается более 150 человек, она неизбежно распадается на две новые группы (или даже на большее их число).

Оппенгеймер призывает нас не судить о людях по их культурному уровню. Но каким еще критерием должен пользоваться систематик-дарвинист? И тем не менее, словно забыв о своем завете, Оппенгеймер пытается указать на технологические достижения африканцев и австралийцев: изобразительное искусство, использование украшений и др. Но в Африке найдено лишь одно древнее изображение, которое принадлежит представителям гаплогруппы L. Культурные явления данного периода в Африке носят спорадический характер, как и в Европе, где располагались неандертальцы. Австралия – другое дело. Здесь найдены целые галереи очень древнего происхождения. Если бы, однако, Оппенгеймер обратил внимание на внешний вид австралийцев, он бы увидел черты, которые другим дикарям не свойственны, например высокий свод (при этом австралоидная раса тоже не вполне однородна).

Уже в Австралии или чуть ранее выходцы из Африки смешались с ближневосточными гоминидами, которые до этого мигрировали в Индию. Достаточно сравнить образцы ябрудийской каменной индустрии [3, с. 174–175] и местонахождение Невасы [1, с. 85-86]. Возраст заката ябрудийской культуры (около 130–120 тыс. лет назад) совпадает с датировкой этого слоя Невасы и датировкой миграции первой группы так называемых. Homo sapiens из Восточной Африки, о чем неоднократно пишет Оппенгеймер. Кроме того, примерно в это же время на Ближнем Востоке появилась уникальная преориньякская культура – очевидный предшественник европейского верхнего палеолита. Похоже, ябрудийцы пустили корни в Индии, так как позже сюда путем

культурной диффузии была перенесена индустрия ориньяка, а потом на этом месте возникла Хараппская цивилизация (и, кстати, похоже ли, что после извержения вулкана Тоба в его эпицентре не осталось никакой жизни?). Сомнительно, что дикари с их багажом смогли бы основать цивилизацию. Исключение составляют индейцы, которые также по пути в Америку успели смешаться с монголоидами и европеоидами. Якобы существенные достижения дикарей – производство пигментных красителей, «танцы и песни» – не кажутся мне хоть сколько-нибудь существенными. Дикари так и не освоили ни письменность (кроме индейцев), ни металл (исключение – те же индейцы и часть африканцев, смешавшихся 1500 тыс. лет назад с северной суперкультурой Нок), а между тем, если верить их защитникам, им в этом совершенно ничего не препятствовало. При этом может показаться, что все дикари так или иначе культурно образованны, пусть и в небольшой степени. С одной стороны, это действительно так. Однако есть среди дикарей и такие группы, которые не имеют ни искусства, ни технологий, ни религии.

Надо отдать должное Оппенгеймеру: от него не укрылись связи европейцев верхнего палеолита с населением Южной Азии и Сибири (где как раз индейцы и смешались с двумя чужеродными им расами). Но как он их трактует? Исходя из того, что следы гаплогруппы U найдены в индийском регионе (около 50 тыс. лет назад), Оппенгеймер делает вывод, что Европа заселялась отсюда [9, с. 97]. Ему не приходит в голову, что все было, возможно, наоборот. Если один из современных индусов имеет предка с подходящей гаплогруппой, это не значит, что невозможно найти неисследованного европейца или турка, чьи предки были бы древнее. Или же их потомки просто вымерли. К тому же будущие хараппцы, прибывшие с Ближнего Востока 130 тыс. лет назад, активно смешивались с местным населением. У современного жителя Индии может быть «дедушка» с гаплогруппой U и «бабушка»-аборигенка без всякого родства с кладой L3. Те же проблемы с сибирской гаплогруппой. Оппенгеймер считает, что индустрию граветт привнесли в Европу именно «сибиряки». Но почему не наоборот? Другие возможности он даже не рассматривает.

Следует ли из всего вышесказанного, что поскольку некоторые из нас не принадлежат к виду Homo sapiens, необходимо истреблять «низшие» расы, как это предлагали делать европейские политики еще 80–90 лет назад? Ответ на данный вопрос выходит за рамки компетенции ученого-систематика. По крайней мере, все живущие ныне на Зем-

ле люди принадлежат к одному роду – роду Homo. Высока вероятность, что Дарвин мог бы согласиться с этой мыслью.

Литература

1. *Борисковский П.И.* Древний каменный век южной и юго-восточной Азии. – Л.: Наука, 1971. – 174 с.

2. *Бутовская М.Л.* Антропология пола. – Фрязино: Век 2, 2013. – 256 с.

3. *Григорьев Г.П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. – Л.: Наука, 1968. – 176 с.

4. *Давиташвили Л.Ш.* Теория полового отбора. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 538 с.

5. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. – СПб.: Наука, 2001. – 568 с.

6. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор: В 2 кн. Кн. 1: Гл. I–X. – М.: Терра-Книжный клуб, 2009. – 400 с.

7. *Завадовский М.М.* Пол и развитие его признаков: к анализу формообразования у животных. – М.: Гос. изд-во, 1922. – 255 с.

8. *Котт Х.* Приспособительная окраска животных. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 544 с.

9. *Оппенгеймер С.* Изгнание из Эдема. – М.: Эксмо, 2004. – 640 с.

10. *Панов Е.Н.* Половой отбор: теория или миф? Полевая зоология против кабинетного знания. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. – 412 с.

11. *Прам Р.* Эволюция красоты: Как дарвиновская теория полового отбора объясняет мир и нас самих. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 400 с.

12. *Фишер Р.* Генетическая теория естественного отбора. – Москва; Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика; Институт компьютерных исследований, 2011. – 304 с.

References

1. *Boriskovsky, P.I.* (1971). Drevniy kamennyy vek yuzhnoy i yugo-vostochnoy Azii [The Ancient Stone Age of South and South-East Asia]. Leningrad, Nauka Publ., 174.

2. *Butovskaya, M.L.* (2013). Antropologiya pola [Gender Anthropology]. Fryazino, Vek 2 Publ., 256.

3. *Grigoriev, G.P.* (1968). Nachalo verkhnego paleolita i proiskhozhdenie Homo sapiens [The Beginning of the Upper Paleolithic and the Origin of Homo Sapiens]. Leningrad, Nauka Publ., 176.

4. *Davitashvili, L.Sh.* (1961). Teoriya polovogo otbora [The Theory of Sexual Selection]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 538.

5. *Darwin, Ch.* (2001). Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora [On the Origin of Species by Means of Natural Selection]. St. Petersburg, Nauka Publ., 568. (In Russ.).

6. *Darwin, Ch.* (2009). Proiskhozhdenie cheloveka i polovoy otbor: V 2 kn. [The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex: In 2 books]. Book 1: Ch. I–X. Moscow, TERRA-Knizhnyy Klub Publ., 400. (In Russ.).

7. *Zavadovsky, M.M.* (1922). Pol i razvitie ego priznakov: k analizu formoobrazovaniya u zhivotnykh [Gender and the development of its characteristics: towards the analysis of morphogenesis in animals]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo [State Publishing House], 255.

8. *Cott, H.* (1950). Prisposobitelnaya okraska zhivotnykh [Adaptive Coloration in Animals]. Moscow, Inostrannaya Literatura Publ., 544. (In Russ.).

9. *Oppenheimer, S.* (2004). Izgnanie iz Edema [Out of Eden]. Moscow, Eksmo Publ., 640. (In Russ.).

10. *Panov, E.N.* (2014). Polovoy otbor: teoriya ili mif? Polevaya zoologiya protiv kabinetnogo znaniya [Sexual Selection: Theory or Myth? Field Zoology versus Book Knowledge]. Moscow, Tovarishchestvo Nauchnykh Izdaniy KMK, 412.

11. *Prum, R.* (2021). Evolyutsiya krasoty: kak darvinovskaya teoriya polovogo otbora obyasnyaet mir i nas samikh [The Evolution of Beauty: How Darwin's Forgotten Theory of Mate Choice Shapes the Animal World – and Us]. Moscow, Mann, Ivanov & Ferber Publ., 400. (In Russ.).

12. *Fisher, R.* (2011). Geneticheskaya teoriya estestvennogo otbora [The Genetical Theory of Natural Selection]. Moscow & Izhevsk, Scientific and Publishing Center "Regulyarnaya i Khaoticheskaya Dinamika" [Regular and Chaotic Dynamics] & Izhevsk Institute of Computer Research, 304. (In Russ.).

Информация об авторе

Глухов Сергей Викторович – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (117418, Москва, ул. Нахимовский проспект, д. 51/21).

sglukhov@mail.ru

Information about the author

Glukhov, Sergey Viktorovich – Junior Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (51/21, Nahimovsky av., Moscow, 117418, Russia).

sglukhov@mail.ru

Дата поступления 16.03.2020

Научная жизнь, обзоры, рецензии

УДК 165.3, 165.4, 164.08
DOI: 10.15372/PS202101010

О.А. Козырева

НОВАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ОБЗОР КНИГИ Т. УИЛЬЯМСОНА «KNOWLEDGE AND ITS LIMITS»

Статья представляет собой обзор одной из ключевых работ Т. Уильямсона «Knowledge and Its Limits», в котором кратко излагаются основные идеи двенадцати глав книги.

Ключевые слова: Уильямсон; знание; незнание; эпистемология; логика

O.A. Kozyreva

NEW EPISTEMOLOGY: A REVIEW OF T. WILLIAMSON'S "KNOWLEDGE AND ITS LIMITS"

The article reviews "Knowledge and Its Limits" by Timothy Williamson, which is one of his key works. It summarizes the main ideas of the twelve chapters of the book.

Keywords: Williamson; knowledge; ignorance; epistemology; logic

В 2020 г. отмечался двадцатилетний юбилей с момента выхода первого издания книги Т. Уильямсона «Knowledge and Its Limits» [2]. Несмотря на довольно солидный возраст, эта работа оксфордского профессора незаслуженно редко попадает в поле зрения русскоязычных философов (безусловно, одна из главных причин этого заключается в отсутствии перевода данной работы на русский язык). Тем не менее она представляет особый интерес для специалистов не только

© Козырева О.А., 2021

в области эпистемологии, но и в областях философии сознания, логики, философии языка и метафизики.

Книга состоит из введения, 12 глав, которые представляют собой исправленные и дополненные фрагменты ранее опубликованных статей Т. Уильямсона, шести приложений с формальными доказательствами некоторых положений из основной части работы (например, итерации вероятностей в эпистемической логике), библиографического списка и предметного указателя. Всего книга насчитывает xi+332 страницы.

Основная идея «Knowledge and Its Limits» заключается в том, чтобы внести изменения в способ объяснения того, что значит «знать». Т. Уильямсон отвергает традиционный для классической эпистемологии подход к объяснению понятия пропозиционального знания через сведение его к более базовым понятиям убеждения, истины и обоснования. В рамках этого подхода понятие убеждения обладает концептуальной первичностью по отношению к понятию знания, и обусловлено это имплицитно принимаемой интерналистской концепцией ментального. Защищая экстерналистскую концепцию ментального, Т. Уильямсон стремится вернуть понятию знания концептуальный приоритет, т.е. продемонстрировать, как возможна эпистемология, в которой знание признается базовым понятием, посредством которого объясняются понятия убеждения, истины и обоснования. Такой подход к эпистемологии он именует подходом «сначала знание» (knowledge first).

В первой главе Т. Уильямсон излагает свою основную гипотезу о том, что знание является ментальным состоянием. Традиционная эпистемология, предполагающая анализ понятия знания, рассматривает знание как состоящее из двух компонентов: ментального (убеждение) и нементального (истинность, обоснованность). Наличие нементального компонента делает знание фактивной пропозициональной установкой (знать можно только то, что истинно), в то время как убеждение является установкой нефактивной (можно быть убежденным и во лжи). Для того чтобы защитить представление о знании как о ментальном состоянии, Т. Уильямсон пытается разобраться, насколько оправдан один из основных критериев, по которым знание не может считаться ментальным состоянием, а именно картезианская идея о том, что агент всегда осведомлен, в каком ментальном состоянии он находится. Если принимать эту идею, то знание не может считаться ментальным состоянием, так как оно зависит от положения дел в мире и «не прозрачно» для познающего агента. Т. Уильямсон демонстриру-

ет, что данный критерий неприменим в полной мере даже к классическим примерам ментальных состояний, поэтому тот факт, что знание не является «прозрачным» для агента, не должен считаться препятствием для включения знания в число ментальных состояний. Обращаясь к семантике обыденного языка (конечно же, английского), Т. Уильямсон выделяет оператор фактивного ментального состояния (FMSO) для выражения фактивных ментальных состояний. Поскольку знание, с позиции Т. Уильямсона, является наиболее общей фактивной установкой, выражающей состояние агента, глагол «знать» также функционирует в языке как FMSO.

Во второй главе Т. Уильямсон обращается к дискуссии между экстернализмом и интернализмом в философии сознания. Он обнаруживает, что редукционистская программа анализа понятия знания в традиционной эпистемологии является следствием интерналистской концепции ментального: так как ментальные состояния агента детерминированы его внутренними физическими состояниями, и только ментальные состояния в узком смысле (narrow mental states) могут быть каузально действенными, знание является не подлинным ментальным состоянием, а своеобразным гибридом (конъюнкцией) ментального состояния и независимых от него условий внешнего мира. Для того чтобы фактивные установки, и в частности знание, могли считаться ментальными состояниями, необходимо, чтобы экстернализм в отношении содержания ментальных состояний был совмещен с экстернализмом в отношении установок ментальных состояний. Т. Уильямсон демонстрирует, что рассуждению интерналиста о том, что знание в отличие от убеждения не является ментальным состоянием, возможно привести такие контрпримеры, которые опровергают интернализм на независимых от принятия экстернализма основаниях.

Третья глава продолжает начатую критику интернализма и фокусируется на неоправданности конъюнктивного анализа ментальных состояний. Эту неоправданность Т. Уильямсон доказывает посредством указания на то, что большинство ментальных состояний представляют собой простые условия, а не составные (т.е. понимаемые как конъюнкция условий), как то мыслится интерналистами. Именно простые условия играют важную роль при объяснении действий агентов, и одним из таких условий является знание. Аргументом в пользу того, что понятие простого условия не избыточно, служит тот факт, что оно способствует достижению свойства всеобщности положений теории действия. Помимо всеобщности Т. Уильямсон также отмечает и важ-

ность свойства корреляции между двумя переменными в теории. Обращаясь к инструментарию теории вероятности, он рассматривает корреляционную зависимость между истинным убеждением и действием, с одной стороны, и знанием и действием – с другой, приходя к выводу о том, что данная зависимость носит более сильный характер именно в случае знания, а не истинного убеждения. Попытка интерналиста спастись от критики, предпринимаемой Т. Уильямсоном, за счет перехода от конъюнктивного анализа ментальных состояний к дизъюнктивному также оказывается неудачной: ментальные состояния в узком смысле при дизъюнктивном анализе вообще не имеют объяснительной силы и, следовательно, беспричинно усложняют теорию действия.

В четвертой главе Т. Уильямсон развивает аргумент антисветимости (anti-luminosity argument), направленный против картезианской идеи о том, что сущностным свойством ментальных состояний является наличие у агента привилегированного эпистемического доступа к ним. «Светящиеся» ментальные состояния таковы, что если агент находится в них, то у него есть возможность приобрести о них знание. Аргумент предполагает, что любое ментальное состояние, которое агент может постепенно приобретать и постепенно терять, не имеет свойства «светимости», так как агент не способен с точностью до миллисекунды определить, в каком состоянии он сейчас находится. Данный аргумент основывается на принятии принципов предела погрешности (margin of error), безопасности (safety) и надежности (reliability) знания. Основным выводом аргумента антисветимости становится указание на то, что агент может знать некоторый факт (или событие), но не знать об этом своем знании, а это эквивалентно отказу от картезианства.

В пятой главе продолжается аргументация в пользу ограничений, накладываемых на возможность итерации знания. Эти ограничения Т. Уильямсон связывает с тем, что принцип предела погрешности является необходимым условием для знания агента. Для иллюстрации данных ограничений он предлагает близкий к аргументу антисветимости аргумент Мистера Магу [1]. По сути, это рассуждение против неограниченного принятия одного из принципов эпистемической логики – КК-принципа (если агент знает, что p, то он знает, что он знает, что p), который следует из допущения наличия свойства «светимости» у ментальных состояний. Аргумент этой главы опирается уже не столько на ограниченные способности агента к дифференциации своих ментальных состояний (как это было в аргументе антисветимости), сколько на

накладываемые принятием принципа безопасности ограничения на итерацию знания. Завершается глава рассмотрением возможности построения модели общеизвестного знания, которое формально выражается через итерацию оператора знания для каждого нового агента.

Шестая глава представляет собой применение полученных в предыдущей главе результатов к парадоксу неожиданного экзамена и к его измененной версии – парадоксу беглого взгляда. Т. Уильямсон определяет, что оба парадокса возникают из одновременного принятия принципа предела погрешности и допущения многократной итерации оператора знания. Он отмечает, что парадокс неожиданного экзамена предполагает смену когнитивной точки зрения у учащихся при каждой итерации оператора знания и не включает в себя допущение КК-принципа, в то время как парадокс беглого взгляда основывается на данном допущении и на сохранении одной и той же когнитивной точки зрения. Тем не менее указанные различия не мешают Т. Уильямсону анализировать оба парадокса как основанные на итерации знания.

В седьмой главе Т. Уильямсон рассматривает контрфактическое по отношению к принципу безопасности знания понятие чувствительности (sensitivity) к истине, которое предполагает, что если бы p было ложным, то агент не был бы убежден в p. Т. Уильямсон приходит к выводу, что данное понятие не может заменить или собой дополнить требования к принципам, необходимым для того, чтобы у агента имелось знание, так как чувствительность к истине влечет за собой возможность скептической аргументации. Именно эта проблема выявляется в подходах к анализу знания Р. Нозика и К. ДеРоуза, которые разбирает Т. Уильямсон.

Восьмая глава подробнее раскрывает причины возникновения скептицизма, который для Т. Уильямсона близок к болезни внутри философии. Он адаптирует аргумент антисветимости из четвертой главы, чтобы продемонстрировать, что агент (с учетом его ограниченных способностей к дифференциации) не всегда знает, в чем состоят его свидетельства для того, чтобы иметь то или иное убеждение. В результате этого вывода агент, которого мы обычно мыслим как рационального, оказывается в затруднительном положении: для того чтобы поступать рационально, агент не должен нарушать свои свидетельства, но для этого ему необходимо прежде всего знать их, а именно это он не всегда в состоянии сделать. Именно по этой причине Т. Уильямсон заявляет о том, что требования рациональности так же не являются «прозрачными» для самого агента. Лечение, которое Т. Уильямсон прописывает

скептику, таково: нам следует отдать ему на откуп наше представление о том, что у нас есть полное знание о себе, чтобы сохранить себе возможность познавать внешний мир. Фактически это означает, что для Т. Уильямсона возникновение скептических аргументов связано с картезианской в своих истоках идеей о знании агента о своих ментальных состояниях.

В девятой главе Т. Уильямсон излагает свою экстерналистскую концепцию тождества между знанием агента и совокупностью всех имеющихся у него свидетельств. Основной тезис, который анализирует Т. Уильямсон: только знание является свидетельством – представляет собой конъюнкцию трех посылок: а) все свидетельства имеют пропозициональную природу (непропозициональные объекты, например опыт восприятия агента, свидетельствами не являются, так как они не выполняют требуемый для этого функционал); б) все пропозициональные свидетельства являются знанием; в) все знание является свидетельством. Исходя из того, что знание влечет за собой убеждение, а обоснованием для истинного убеждения служат свидетельства, которые тождественны знанию, следует, что именно знание обосновывает истинное убеждение. Т. Уильямсон замечает, что такую позицию можно рассматривать как умеренный эпистемологический фундаментализм. Для построения модели свидетельств Т. Уильямсон вновь прибегает к вероятностному подходу.

В десятой главе продолжается изложение вероятностной эпистемологии, развиваемой Т. Уильямсоном. Эта эпистемология не игнорирует проблему достоверности свидетельств, а дает ей формальное объяснение. Сама проблема достоверности свидетельств возникает из принятия двух тезисов: тезиса пропозициональности и тезиса монотонности. Т. Уильямсон отвергает подход к решению этой проблемы в стиле Р. Джеффри, а именно сохранить второй тезис и отказаться от первого, и предлагает отказаться от второго и сохранить первый. Далее он обосновывает, что знание и свидетельская вероятность являются взаимодополняющими понятиями, и последнее должно трактоваться не в качестве личной степени уверенности (credence) агента, как это происходит в байесианизме, а в качестве объективно существующих элементов реальности. Завершает главу представление формализованной модели концепции тождества знания и свидетельства (с сохранением тезиса пропозициональности).

В одиннадцатой главе Т. Уильямсон обращается к тому, как агенты в речевых актах выражают знание и передают его друг другу. Иные

ми словами, речь идет о понятии утверждения (assertion). Способ существования конститутивных правил утверждений близок к способу существования правил в играх: они не являются конвенциями, не устанавливают необходимых условий для совершения акта утверждения и не носят телеологический характер. Правило утверждения в самом общем виде выглядит следующим образом: агент должен утверждать, что *p*, если у *p* имеется свойство *C*. Из трех основных претендентов на место *C* – истины, подтверждения (warrant) и знания Т. Уильямсон выбирает знание: агент должен утверждать, что *p*, если агент знает, что *p*. В этом случае агент не только делает высказывание, но и налагает на себя эпистемическую ответственность за истинность содержания этого высказывания. Более формальное изложение своей позиции Т. Уильямсон осуществляет на примере того, как работает правило утверждения в математике: агент должен утверждать, что *p*, если у него есть доказательство, что *p* (поскольку знание тождественно наличию доказательства).

Двенадцатая глава посвящена рассмотрению парадокса Фитча. Здесь Т. Уильямсон смещает фокус своего внимания с внешних ограничений пропозиционального знания агента на ограничения внутренние. Парадокс Фитча как раз предстает одним из примеров наличия такого вида ограничений. Однако в отличие от стандартных интерпретаций Т. Уильямсон, не видит оснований для того, чтобы называть рассуждение Ф. Фитча парадоксом. Для него данное рассуждение скорее является контрпримером против антиреализма, защищаемого, в частности, М. Даммитом. Т. Уильямсон приводит аргументы в пользу того, что рассуждение Ф. Фитча основывается на переходе от случайного утверждения незнания к необходимому утверждению незнания, и демонстрирует, что позиция верификационизма является ложной: слабая версия верификационизма (все истины могут быть познаны), на первый взгляд более адекватная, в действительности оказывается эквивалентной его сильной версии (все истины познаны), которая адекватной очевидно не является.

Литература

1. *Борисов Е.В.* Знание о незнании в эпистемических апориях // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 52. – С. 15–22.

2. *Williamson T.* Knowledge and Its Limits. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

References

1. *Borisov, E.V.* (2019). Znanie o neznanii v epistemicheskikh aporiyakh [Knowledge of ignorance in epistemic aporia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 52, 15–52.

2. *Williamson, T.* (2000). Knowledge and Its Limits. Oxford, Oxford University Press.

Информация об авторе

Козырева Ольга Александровна – ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51).

olga.kozyreva@urfu.ru)

Information about the author

Kozyreva Olga Aleksandrovna – Ural Federal University (620000, 51 Lenin Ave., Ekaterinburg, Russia).

olga.kozyreva@urfu.ru

Дата поступления 02.02.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Горан В.П. Объективно-идеалистическая составляющая в философии Р. Декарта: многоплановость дуалистической конкретики монистической доктрины 3
Фролов К.Г. Мейнонгианский анализ понятия существования: проблемы и затруднения 13
Прись И.Е. Фундаментальное эпистемическое благо: истина или знание 30
Смирнов С.А. Наука как институт развития: вызовы и новые модели 45

ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Целищев В.В., Хлебалин А.В. Парадоксы и интенсиональность в основаниях математики 65
Соколов В.Г. Новая система познания в науке и в философии космизма 76
Сторожук А.Ю. Социальная эпистемология и несоизмеримость 92
Зайкова А.С. Объективность темпоральных отношений 99
Глухов С.В. «Происхождение человека и половой отбор» Ч. Дарвина: взгляд из XXI века 108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Козырева О.А. Новая эпистемология: обзор книги Т. Уильямсона «Knowledge and its Limits» 127

Содержание 135
К сведению авторов 136

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. «Философия науки» – официальный научный журнал Сибирского отделения Российской академии наук и Института философии и права СО РАН, в котором бесплатно публикуются:

а) ранее не опубликованные научные статьи, содержащие новые результаты исследований в области философии, методологии, логики и истории естественных наук и математики, а также по фундаментальным проблемам естествознания;

б) ранее публиковавшиеся работы и архивные материалы по философии, методологии, логике и истории естественных науки и математики, содержащие оригинальные и актуальные для развития современной науки идеи, малоизвестные или неизвестные широкому кругу читателей;

в) рецензии на работы по философии, методологии и логике естественных наук и математики, опубликованные в других изданиях;

г) сообщения о проводимых научных конференциях, симпозиумах, конгрессах;

д) краткие научные сообщения, заметки, письма.

Основные разделы журнала:

«Общие вопросы истории и философии науки»,

«Проблемы логики и методологии науки»,

«Из истории науки»,

«Из архивов»,

«В помощь изучающим историю и философию науки»,

«Научная жизнь. Обзоры. Рецензии»,

«Из писем в редакцию».

2. Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук по философии.

3. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. О принятом решении автор извещается по адресу электронной почты, указанной в статье. Если решение отрицательное, редколлегия не вступает в переписку и теоретические дискуссии.

Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также статьи, скомпилированные из цитат и/или изложения ранее опубликованных работ, если при этом отсутствует новизна, связанная с развитием идей, изложенных в предыдущих работах.

4. Материалы должны быть тщательно подготовлены к публикации (см. образец оформления):

а) обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала;

б) в заглавии должны быть указаны инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи;

в) после заглавия следует аннотация (на русском и английском языках, до 200 слов), где должна быть сформулирована основная идея работы и приведены ключевые слова (до 10 слов).

Название статьи и инициалы и фамилия автора (авторов) в аннотации представляются на русском и английском языках.

г) в конце статьи (после списка цитируемой литературы) в информации об авторе (авторах) необходимо полностью указать фамилию, имя, отчество, полное наименование места работы автора (авторов), должность, ученую степень и звание (при наличии), почтовый адрес, номер телефона, факса, электронную почту.

Информация об авторе (авторах) предоставляется на русском и английском языках.

4.1. Библиографические ссылки (см. образец оформления):

а) в тексте статьи в квадратных скобках указывается порядковый номер источника из списка ссылок, если приводится цитата – указываются страницы.

б) список ссылок оформляется в конце статьи в двух обязательных вариантах:

«Литература». Библиографическое описание ссылки включает: фамилию и инициалы автора (авторов), полное название публикации, издания (журнал, сборник, в котором опубликована цитируемая статья), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий). При отсутствии цитирования, но при наличии ссылки, указывается объем публикации (для статей – первая и последняя страницы).

В описании ссылки на источник из Интернета кроме URL также обязательно указывается дата обращения (пример ссылки: *Михалевская А.С.* Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе: Автореф. дисс. … канд. филос. наук. – URL: http://cheloveknauka.com/mif-i-nauka-problemy-vzaimodeystviya-v-sovremennom-obschestve#ixzz4IiF3XIO1 (дата обращения 30.08.2016)

Сначала в алфавитном порядке помещается список цитируемых источников на русском языке, за ним – список иностранных источников (в порядке расположения букв латинского алфавита). Нумерация источников сплошная.

«References». Русскоязычные источники должны быть представлены в транслитерации и, в квадратных скобках, переводе авторов и названий на английский язык (нумерация сохраняется).

в) Комментарии автора статьи оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). При наличии в комментарии ссылки на источник последний оформляется как в тексте.

4.2. Переводы иностранных статей должны предоставляться с указанием полных выходных данных источника и текста оригинала. Переводчик должен получить у издателя или автора разрешение на публикацию перевода.

5. Материалы должны быть направлены только в электронной форме по E-mail: science@philosophy.nsc.ru.

В электронной форме материалы должны быть набраны в программе Word for Windows (любая версия). Основной шрифт – Times New Roman. В случае необходимости использования других, нестандартных, шрифтов (вавилонских, иероглифов, древнегреческих, латыни и других начертаний) необходимо приложить файл шрифтов. Размер шрифта – 14 пт. Межстрочный интервал – 1,5 строки. Все страницы должны быть пронумерованы. Другие стилевые оформления, включая применение табуляции, не допускаются.

Рисунки, схемы и графики – в форматах, допускающих редактирование. Рисунки, схемы и графики должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. Желательно – отдельными файлами.

Таблицы оформляются в текстовом редакторе Microsoft Word. Номер таблицы выравнивается по правому краю (выделяется курсивом), заголовок таблицы по центру (выделяется жирным шрифтом).

Формулы (математические, физические, логические) должны быть набраны в редакторе MathType. Нумерация формул дается по правому краю. Недопустимо использование в тексте статьи автоматической нумерации формул.

6. Размер научных статей, публикаций – до 30000 знаков по статистике Word'a, включая пробелы и знаки препинания; размер рецензий – до 15000 знаков, кратких рецензий – до 3000 знаков; размер научных сообщений, заметок, писем – до 15000 знаков.

Публикации, превышающие указанные объемы, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

7. Корректура авторам не высылается.

8. Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

9. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается.

10. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ И СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

УДК XXX.XX (Вместо Х-ов вставить УДК, соответствующее статье)

И.И. Иванов

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ПЕРВИЧНОСТЬ МЕТАФИЗИКИ*

В работе приведен ряд примеров, демонстрирующих преимущества рассуждений с точки зрения натуралистических представлений при анализе классических постановок скептического аргумента: неопределенность указания в рамках семантического приоритета, неопределенность и релятивизм онтологических допущений как следствие принятия во

* Статья подготовлена при финансовой поддержке XXXX фонда (проект № xx-xx-xxxx).

внимание проблемы недоопределенности теории данными и конструктивистских представлений об онтологии.

Ключевые слова: натуралистический поворот, скептицизм, семантический приоритет, недоопределенность, конструктивизм, реализм.

I.I. Ivanov

NATURALISTIC TURN: PUTTING METAPHYSICS FIRST

The paper aims to illustrate one of the main features of the naturalistic turn – overcoming of the sceptic's challenge by «putting metaphysics first» (M. Devitt). The sceptic's argument is viewed as a consequence of the wrong direction of thought from a priori epistemology and/or semantics to a priori metaphysics. The naturalistic turn gives us a chance to give up the sceptic's argumentation by allowing to argue from empirical metaphysics to empirical epistemology and/or semantics. Various examples of the advantage of the naturalized view are given. In particular, it is shown how to avoid scepticism, which is a follow-up of the indetermination and underdetermination problems and constructivist ideology.

Keywords: naturalistic turn, scepticism, semantic priority, underdetermination, constructivism, realism.

Примеры оформления постатейного списка литературы

1. *Горан В.П.* Онтологические и ценностные предпосылки доминирования рационализма и доминирования иррационализма в древнегреческой философии эпохи классического полиса / Материалы V Российского философского конгресса «Наука. Философия. Общество». Т. 2. Новосибирск: НГУ, 2009. С. 15-16. **(Если это ссылки на материалы семинаров, конференций, конгрессов и т.п.)**.

2. *Гемпель К.* Функция общих законов в истории / Розов Н.С. (ред.) Время мира. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 13–26. **(Если это ссылки на статью в сборнике)**.

3. *Карпович В.Н.* Термины в структуре теории. Новосибирск: Наука, 1978.

4. Методологическое обоснование структурных исследований в космологии / И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С.Сидоров и др. М.: Ин-т философии РАН. – 2000. – 315 с. **(Если это издание имеет трех и более авторов)**.

5. *Симанов А.Л., Сторожук А.Ю.* Историко-философские проблемы представлений о пространстве. Новосибирск: Изд-во Омега–Принт. – 2014.- 250 с. **(Если издание имеет двух авторов).**

6. *Целищев В.В.* Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23. **(Если это ссылка на журнал)**.

7. *Davidson D.* On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1974. Vol. 47. P. 5–20.

References

1. *Goran V.P.* Ontologicheskie i tsennostnye predposylki dominirovaniya ratsionalizma i dominirovaniya irratsionalizma v Drevnegrecheskoi filosofii epohi klassicheskogo polisa [Ontological and Axiological Background of the Prevalence of Rationalism and of the Prevalence of Irrationalism in the Ancient Greek Philosophy of the Classical City-State Epoch] / Materialy V Rossiiskogo filosofskogo kongressa «Nauka. Filosofiya. Obshchestvo». Tom 2. [Proceedings of the Vth Russian Philosophical Congress «Science. Philosophy. Society». Vol. 2] Novosibirsk: NGU, 2009. P. 15–16. (In Puss.)

2. *Hempel C.* Funtsciya obshchih zakonov v istorii [The Function of General Laws in History] / Rozov N.S. (red.) Vremya mira. Vyp. 1: Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke. [N. Rozov (Ed.) Vremia Mira. Vol. 1. The Historical Macrosociology on XXth Century] Novosibirsk: NGU, 2000. S. 13–26. (In Russ.)

3. *Karpovich V.N.* Terminy v strukture teorii. [Terms in the Theory Structure] Novosibirsk: Nauka, 1978. (In Russ.).

4. Metodologicheskoe obosnovanie strukturnykh issledovanii v kosmologii [Methodological substantiation of structural studies in cosmology] / I.I. Ivanov, P.P. Petrov, S.S. Sidorov i dr. M:, In-t filosophii RAN. - 2000. (In Russ.)

5. *Simanov A.L., Storozhuk A.Yu.* Istoriko-filosofskie problemy predstavlenii o prostranstve. [Historico-philosophical problems of ideas about the space] Novosibirsk: Isd-vo Omega-Print, 2014. (In Russ.).

6. *Tselishchev V.V.* Ratsionalisticheskii optimizm i filosofiya Kurta Gedelya [Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel] // Voprosy filosofii. [Questions of Philosophy] 2013. № 8. S. 12–23. (In Russ.)

7. *Davidson D.* On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1974. Vol. 47. P. 5–20.

Пример информации об авторе

Иван Иванович Иванов
Китежградский государственный университет, должность, ученая степень и звание (при наличии),
ул. Тупик, 2, Китежград, 630120, Россия
xxx@xxx.xxx (Вместо x-ов вставить соответствующий E-mail)

Ivan Ivanovich Ivanov
Kitezhgrad's State University, xxxxx.
2, Tupik st., Kitezhgrad, 630120, Russia
xxx@xxxx.xxx

Таблица транслитерации символов

Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация
А	A	К	K	Х	KH
Б	B	Л	L	Ц	TS
В	V	М	M	Ч	CH
Г	G	Н	N	Ш	SH
Д	D	О	O	Щ	SHCH
Е	E	П	P	Ы	Y
Ё	E	Р	R	Ь	′
Ж	ZH	С	S	Э	E
З	Z	Т	T	Ю	YU
И	I	У	U	Я	YA
Й	I	Ф	F		

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

№ 1 (88)

Редактор
Е.Б. Артемова

Компьютерная верстка
Г.Я. Симановой

Дата выхода в свет 31.03.2021. Формат 60 x 84 1/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 9. Тираж 100 экз. Заказ № 50.

Адрес издателя и типографии 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2